ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

АКВИЛОН

УДК 81
ББК 81.13
С 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Союза литераторов Российской Федерации

Рецензенты
доктор филологических наук В.Г. Кульпина
доктор филологических наук И.В. Зыкова

Редактор А.С. Кулева

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ / Под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. — М.: Аквилон, 2018. — 320 с.

Книга представляет собой сборник материалов Международной научной конференции «Современные проблемы авторской лексикографии», прошедшей в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) 8 декабря 2017 года. В ней рассматриваются дискуссионные проблемы теории и методологии авторской лексикографии, характеризуются новые авторские словари и словарные проекты, демонстрируются способы и приемы использования материалов словарей языка писателей в исследовательской практике.

Книга адресована филологам, прежде всего лексикографам и специалистам в области изучения языка художественной литературы, а также преподавателям вузов, аспирантам и студентам.

CURRENT PROBLEMS OF AUTHOR LEXICOGRAPHY: COLLECTION OF RESEARCH ARTICLES. L.L. Shestakova (ed.). — Moscow: Aquilo-Press, 2018. — 320 p.

The book is a collection of materials of the International Scientific Conference “Current Problems of Author Lexicography”, held at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS (Moscow) December 8, 2017. The articles consider discussion problems of theory and methodology of the author lexicography, characterize new author dictionaries and lexicographic projects, demonstrate ways and methods of using the materials of writers’ language dictionaries in research practice.

The book is intended for philologists, primarily lexicographers and specialists in the field of the language of literature, as well as university professors and students.

ISBN 978–5–906578–39–6

© Шестакова Л.Л., общая редакция, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Аквилон», 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора……..... 7

РАЗДЕЛ 1

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский (Москва)
Фразеология Достоевского:
параметры лексикографического описания …… 11

Н.В. Козловская (Санкт-Петербург)
Философский термин как объект авторской лексикографии
(на материале произведений Н.Ф. Федорова) ……..... 19

О.А. Давыдова (Москва)
Ссылка — важный компонент структуры авторского словаря..... 28

И.В. Ружицкий (Москва)
О «нелингвистичности» понятия «идиоглосса».....……. 35

В.К. Щербин (Минск)
Категория ментальности
как объект изучения сравнительной авторской лексикографии.. 42

Н.А. Афанасьева (Санкт-Петербург)
«Словарь традиционных поэтических образов: XI–XV вв.».
Принципы организации и возможности использования...……... 49

Н.В. Патроева (Петрозаводск)
Синтаксический словарь русской поэзии
от Кантемира до Лермонтова: теоретико-методологические
проблемы создания и некоторые итоги…….....…….. 57

Е.М. Матвеев (Санкт-Петербург)
Проблемы формирования словника в словаре
«Риторика М.В. Ломоносова»…….....……. 65

А.С. Смирнова (Санкт-Петербург)
Полисемия русской и латинской лексики и ее представление
в «Словаре языка М.В. Ломоносова»…….....…… 74

А.А. Хуснутдинов (Иваново)
«Словарь языка А.Н. Островского»: проблемы и решения..... 82

В.В. Никульцева (Москва)
Окказиональные омонимы в неолексиконе Е. Евтушенко…..... 91

РАЗДЕЛ 2
НОВЫЕ АВТОРСКИЕ СЛОВАРИ И СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

О.М. Карпова (Иваново)
Новые энциклопедические словари Шекспира..... 99

С.С. Волков, Н.В. Карева (Санкт-Петербург)
Источники словаря «Грамматика М.В. Ломоносова» …… 106

А.К. Филиппов (Санкт-Петербург)
Перевод «Лифляндской экономии» М.В. Ломоносова
как объект лексикографического описания …….... 118

Н.Л. Васильев (Саранск), Д.Н. Жаткин (Москва)
О проекте «Словаря поэтического языка В.А. Жуковского»…… 126

Г.И. Шипулина (Баку)
К вопросу о концепции «Словаря языка Лермонтова.
“Герой нашего времени”»……. 135

М.Л. Алексеева (Екатеринбург)
Новые словарные проекты авторских словарей:
диахронические переводные словари языка писателей…… 141

Ю.В. Архангельская (Тула)
Отражение креативности языковой и речевой личности
Л.Н. Толстого в словаре нового типа …… 151

Д.А. Романов (Тула)
Вопросы подготовки современного учебного словаря
к художественному тексту XIX века
(на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир»)…….. 157

В.С. Елистратов (Москва)
Словарь языка Н.С. Лескова: послание в XXI век…….....…… 166

Н.Т. Тарумова, Е.В. Наседкина (Москва)
Бугаева К.Н. «Словарь языка Андрея Белого»:
архивные материалы…….....……. 174

И.А. Тарасова (Саратов)
К вопросу о словаре неологизмов Георгия Иванова….....……. 181

Л.Г. Самотик (Красноярск)
Об энциклопедическом словаре-справочнике
«Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)»…….. 187

М.А. Бобунова (Курск)
Региональная авторская лексикография:
первый опыт и перспективы ……..... 195

И.А. Самойлова (Киев)
Словарь новообразований И.М. Дзюбы
на фоне развития украинской авторской лексикографии…… 202

РАЗДЕЛ 3

ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ

О.Е. Иванова (Москва)
«Словарь языка поэзии» и его реализация
в виде поисковой системы.....……. 213

З.Ю. Петрова, Н. А. Ребецкая, Н.А. Фатеева (Москва)
Проект создания информационно-поисковой системы
на базе «Словаря метафор и сравнений русской литературы
XIX–XXI вв.»……...… 222

М.М. Коробова (Москва)
Слово, которого нет в словаре
(материалы по истории слова «общечеловек»)…… 238

Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева (Москва)
Из опыта работы над седьмым томом
«Словаря языка русской поэзии XX века»…… 247

А.В. Гик (Москва)
Любовь и дружба: чувства человека начала XX века
(по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века»)…… 258

О.И. Северская (Москва)
Паронимические «формулы» в словарях поэтического языка и
идиолектах поэтов XX–XXI вв.…….....…… 268

А.М. Надежкин (Нижний Новгород)
Из опыта создания и использования «Словаря корневых повторов
в художественной речи М.И. Цветаевой»…… 280

Е.В. Макеева (Москва)
Словари языка писателей в практике преподавания
русского языка и русской литературы иностранным учащимся:
из опыта работы….....……..... 291

Abstracts…….....…….. 300

Contents……....……... 317

ОТ РЕДАКТОРА

Основу этой книги составили материалы Международной научной конференции «Современные проблемы авторской лексикографии», прошедшей в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 8 декабря 2017 г. Конференция была приурочена к десятилетию работы семинара ИРЯ РАН «Теория и практика авторской лексикографии»[1].

Идея организации этого семинара возникла в начале 2000-х гг., когда стало очевидно, что в условиях активного развития авторской (писательской) лексикографии нужна площадка, на которой специалисты могли бы встречаться и обсуждать широкий круг вопросов, связанных с подготовкой авторских словарей. В 2007 г. на сайте Института русского языка появилась страница семинара, где были обозначены эти вопросы. В их числе — теоретические принципы составления словарей языка писателей, особенности создания электронных авторских словарей, применение сложившегося инструментария авторской лексикографии для словарного описания языка современной литературы, в особенности поэзии, использование в практике авторской лексикографии данных Национального корпуса русского языка и подкорпуса поэтического языка, способы применения материалов словарей писателей в исследованиях по языку художественной литературы, стилистике, лингвистической поэтике и др.

Первыми докладчиками на семинаре стали Н.Н. Перцова, составитель известного «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова», и В.В. Краснянский, автор «Словаря эпитетов Ивана Бунина». В дальнейшем с докладами выступали Ю.Н. Караулов, Д.М. По-

---

[1] Программа конференции, аннотации докладов, фотоотчет размещены на сайте ИРЯ РАН: http://www.ruslang.ru/seminar (ноябрь, 2018). Обзор конференции, подготовленный Л.Л. Шестаковой и А.С. Кулевой, опубликован в журнале «Вопросы лексикографии» (2018. № 14).

цепня, О.Г. Ревзина, А.Я. Шайкевич, О.М. Карпова, Р.С. Кимягарова, Н.Л. Васильев, С.С. Волков, И.В. Ружицкий и многие другие ученые, в том числе молодые, из разных вузов и научно-исследовательских учреждений, из разных регионов России и зарубежных стран. За годы работы семинара прозвучало около сотни докладов, посвященных как уже вышедшим словарям, так и находящимся на разных этапах создания. На семинаре выступили и многие авторы статей, представленных в этом сборнике[2].

Сборник состоит из трех разделов. *«Дискуссионные проблемы авторской лексикографии»* освещаются в статьях первого раздела. Это теоретические и методологические проблемы, касающиеся самого предмета описания в авторском словаре, специфики макро- и микроструктурного уровней словаря данного типа, параметров словарного представления единиц разных классов, перспектив развития сравнительной писательской лексикографии и т.д. Особый интерес представляют работы, выполненные в рамках нехудожественной авторской лексикографии.

Динамику развития этого словарного направления демонстрируют статьи второго раздела сборника — *«Новые авторские словари и словарные проекты»*. Обращает на себя внимание состав лексикографируемых авторов, творивших в XVIII–XX вв.: среди них Ломоносов, Жуковский, Достоевский, Лесков, Л. Толстой, Астафьев и др. Многие из опубликованных и проектируемых словарей, о которых идет речь в статьях, характеризуются типологической новизной, демонстрируют оригинальный подход к словарному описанию авторского языка. Новизну материала, представленного во втором разделе, определяют также статьи, важные в плане истории словарного направления и становления региональной писательской лексикографии. Кроме того, здесь содержатся работы, отражающие состояние современной зарубежной авторской лексикографии.

Первый и второй разделы сборника тесно связаны друг с другом — оба они посвящены разным сторонам авторского словаростроения. Третий раздел получил название *«По материалам авторских словарей»*. В нем представлены, с одной стороны, опыты создания информационно-поисковых систем на основе словарей

[2] Подробная информация о работе семинара представлена на соответствующей странице сайта ИРЯ РАН: http://www.ruslang.ru/seminar_aut_lexicogr (ноябрь, 2018).

русского поэтического языка, с другой, — исследования, проведенные на материале конкретных авторских справочников. К ним примыкает актуальная работа методического плана, касающаяся применения словарей языка писателей в преподавании русского языка и русской литературы иностранным учащимся.

Полагаем, что результаты, полученные в рамках обсуждении проблем, возникающих сегодня при создании словарей языка писателей, философов, ученых и т.д., будут полезны для развития теории и методологии авторской лексикографии и, что не менее важно, для более широкого использования аналитических возможностей авторских словарей разных типов в исследовательской практике.

Лариса Шестакова

РАЗДЕЛ 1

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

ФРАЗЕОЛОГИЯ ДОСТОЕВСКОГО

ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

В статье обсуждаются проблемы создания авторского словаря фразеологии Ф.М. Достоевского. Показывается, что существуют различные подходы к словарному описанию фразеологии: дифференциальный и интегральный подходы, синхронный и диахронический анализ лексикографического материала. Выбор подхода в значительной мере предопределяет получаемый результат. Излагаются соображения в пользу универсального подхода, позволяющего совместить преимущества разных способов описания авторской фразеологии.

Ключевые слова: авторская фразеология, фразеологические словари, авторская идиоматика, авторские идиомы.

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА ДОСТОЕВСКОГО

Современная лексикографическая традиция описания языка Ф.М. Достоевского представлена проектом «Словаря языка Достоевского», основные положения которого были сформулированы Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом в 90-е гг. XX в. В проекте «Словаря языка Достоевского» была разработана теоретическая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18–012–90025.

концепция «дифференциально-распределительной серии словарей», суть которой состоит в помещении каждого из значимых типов информации в соответствующий словарь. По мысли Караулова и Гинзбурга, серия словарей будет состоять из базового словаря (идиоглоссария), частотного словаря, словарей антропонимов и топонимов, глоссария, словаря грамматических слов, словарей фразеологии и афористики, словарей прецедентных и непрецедентных текстов [Караулов, Гинзбург 2008].

К настоящему времени создан «Статистический словарь языка Достоевского» [Шайкевич и др. 2003], «Лексический строй идиолекта» [СЯД], отдельными томами выходит Идиоглоссарий [Идиоглоссарий 2008; 2010; 2012].

Фразеологическая часть лексикона Достоевского фрагментарно представлена в словарных статьях Идиоглоссария в «заромбовой» зоне, однако специализированного словаря фразеологии Достоевского пока нет. Это объясняется тем, что фразеология для словарного описания оказывается более сложным объектом. Во-первых, фразеологизмы по своей структуре обязательно состоят из нескольких слов, что обеспечивает существенно бóльшую степень варьирования, чем у отдельных лексических единиц. Между тем варьирование — это феномен речи, а не словаря. Во-вторых, частота использования фразеологизмов существенно ниже, чем простых слов. Тем самым трудно собрать достаточный текстовый материал, позволяющий точно и непротиворечиво описать семантику фразеологических единиц. Несколько проще в этом отношении ситуация с коллокациями, которые и достаточно частотны, и более регулярны, чем идиомы. Однако коллокации находятся на периферии фразеологической системы и их, как следует из некоторых исследований, существенно больше в языке, чем слов, а значит, сделать полный словарь коллокаций в приемлемые сроки практически невозможно. Наконец, в-третьих, использование идиом — это в значительной степени свойство индивидуальной речи. Состав реально употребляемых идиом существенно меняется от одного говорящего к другому. Тем самым отбор единиц в словник фразеологического словаря оказывается нетривиальной задачей. Однако использование фразеологии является характерной чертой идиостиля любого писателя. Иными словами, лексикографическое описание языка писателя заведомо будет неполным без описания авторской фразеологии. Рассмотрим некоторые важные противопоставления, которые суще-

ственны для структуры словаря авторской фразеологии — в нашем случае фразеологии Достоевского.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Описание авторской фразеологии может иметь различные цели. Например, основной целью может быть выявление авторских особенностей в употреблении фразеологизмов — как в отношении формы (авторские варианты фразеологических единиц, а также авторские фразеологизмы), так и в отношении содержания — выявление специфически авторских значений идиом, а также авторских фреквенталий (то есть фразеологизмов, используемых в текстах данного автора с высокой частотой). В этом случае можно говорить о **дифференциальном** подходе.

В противоположном случае мы имеем дело с **интегральным** подходом: словарь отражает общие характеристики системы фразеологии русского языка соответствующего временного периода.

Наконец, совмещение дифференциального и интегрального подходов позволяет описать и общее и различное в использовании фразеологии у данного автора в сравнении с авторами того же времени. В этом случае можно говорить об **универсальном** подходе.

Проект фразеологического словаря Достоевского ориентирован на универсальные принципы описания фразеологии, что позволяет сочетать преимущества дифференциального и универсального подходов.

Еще одна цель лексикографического описания лексики может заключаться в исследовании синхронного среза языковых данных (синхронное описание) или фиксации диахронических изменений (диахроническое описание). Применительно к фразеологическому материалу языка Достоевского диахронический подход предполагает сравнение фразеологии русского языка XIX в. с современной фразеологической системой. Синхронное описание все равно не исключает сравнение, однако в этом случае использование фразеологических единиц у Достоевского сравнивается с фразеологией других авторов того же времени. Отметим, что диахронический подход в описании фразеологии практически неизбежен. Даже если не ставить такой задачи в явном виде, сравнение с современным состоянием фразеологии всегда присутствует в сознании исследователя — носителя современного русского языка.

Рассмотрим некоторые примеры, которые показывают специфику каждого из указанных подходов.

Идиома *ни больше ни меньше* имеет в современном русском языке два значения: 1) “именно то количество или качество, которое указано, без любых возможных изменений в ту или иную сторону” и 2) “указание на то, что нечто воспринимается как превосходящее некоторые ожидания для данной ситуации, в точности соответствуя этому отклонению от ожиданий”[1]. Первое значение реализуется в примере (1), а второе — в примере (2)[2]:

(1) Не сразу удалось подобрать такие дозы воды, которые усыпляли бы человека ровно на шесть месяцев — *ни больше ни меньше* [А. Волков. Семь подземных королей].

(2) У обоих на памяти была история, когда школьник стрелял в учительницу из рогатки, а попал в портрет и разбил стекло. Если бы он выбил учительнице глаз, его бы, возможно, простили по несовершеннолетию, но он ведь попал не в глаз, а в портрет, а это уже покушение, *ни больше ни меньше*. И где теперь этот школьник, никто не знал... [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина].

Первое значение обнаруживается в 9 примерах из текстов Достоевского, ср., например:

(3) В руках ее был небольшой круглый поднос, на котором стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанского и два бокала, *ни больше, ни меньше* [Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот].

(4) …возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику: из всех вшей выбрал самую наибесполезнейшую и, убив ее, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и *ни больше ни меньше* (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию) [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание].

Второе значение в корпусе Достоевского не обнаруживается. Можно было бы сделать вывод, что оно еще не возникло в XIX в., однако сравнение с другими авторами того же периода показывает, что это не так: у Толстого исследуемая идиома представлена в

[1] Здесь и далее используются семантические экспликации идиом из «Академического словаря русской фразеологии» [АКАД], если это не оговорено особо.

[2] Примеры из [НКРЯ].

3 примерах в первом значении, а во втором — отсутствует; у Салтыкова-Щедрина обнаруживается в 10 примерах в первом значении, а во втором также отсутствует. У Тургенева идиома *ни больше ни меньше* отсутствует вообще, однако у Гончарова дважды реализуется в первом значении и 6 раз — во втором:

(5) В гостиной могло поместиться счетом пять человек, *ни больше ни меньше* [И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин].

(6) **а.** Надо Вам сказать, что Старик, Старушка и я — шалим, именно, *ни больше ни меньше*, как едем за границу [И.А. Гончаров. Письма]. **б.** Кичибе, с своей улыбкой, с ясным взглядом и наклоненной головой, просто, без вздохов и печали, объявил, что сиогун, *ни больше, ни меньше*, как gestorben — умер! [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»].

Очевидно, что дифференциальный подход не позволил бы выделить второе значение, а интегральный указал бы, что в первом значении идиома *ни больше ни меньше* используется также современниками Достоевского. Только универсальный подход позволил бы ясно сформулировать как общее для языка XIX в., так и специфические особенности языка Достоевского.

С другой стороны, синхронный и диахронический подход в данном случае дали бы одинаковые результаты из-за того, что у обсуждаемой идиомы в XIX в. уже были указанные два значения. В то же время есть идиомы, описание которых различается при синхронном и диахроническом подходах. Так, идиома *под башмаком (у кого-л.)* в современном употреблении обнаруживает два значения:

1) “будучи в зависимости от жены (или другого лица женского пола, с которым, как правило, связан сексуальными или родственными отношениями), выполняя все ее желания и прихоти, а также разделяя (по крайней мере, в основном) ее отношение к действительности” (7);

2) “будучи в зависимости от кого-л. / чего-л.” (8).

(7) Он бесподобно играл чиновников, мелких предпринимателей, слабовольных мужей, находящихся *под башмаком* у жены [Л. Утесов. Спасибо, сердце!].

(8) Так стыдно и больно за страну и за людей, обреченных жить *под башмаком* у этих дорвавшихся до власти бездарей, все усилия которых сводятся к тому, чтобы дорваться до кормушки [Речевое общение Интернета].

Второе значение — более общее по семантике — производно от первого и в XIX в. не фиксируется в имеющихся корпусах текстов: все обнаруженные примеры иллюстрируют первое значение:

(9) **а.** …как бы хорошо было, если б ее влияние на тебя укреплялось все более и более, в продолжение всей вашей будущей брачной жизни! Какую пользу это принесло бы тебе. Ты, пожалуйста, пойми меня как следует, Паша. Я не про «мужа *под башмаком*» говорю. Совсем не то! [Ф.М. Достоевский. Письма] **б.** Видишь, голубчик, я откровенно и просто скажу: всякий порядочный человек должен быть *под башмаком* хоть у какой-нибудь женщины. Таково мое убеждение; не убеждение, а чувство [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы].

(10) **а.** Он очень смешил Дарью Михайловну; сперва он рассказывал об одном своем соседе, который, состоя лет тридцать *под башмаком жены*, до того обабился, что, переходя однажды, в присутствии Пигасова, мелкую лужицу, занес назад руку и отвел вбок фалды сюртука, как женщины это делают со своими юбками [И. Тургенев. Рудин]. **б.** Общее мнение было то, что Пьер был *под башмаком* своей жены, и действительно это было так [Л. Толстой. Война и мир].

Следует иметь в виду, что реальный текстовый материал не всегда позволяет даже при использовании указанных методов анализа прийти к определенным выводам относительно статуса соответствующей формы. Так, выражение *ясно, как два пальца*, возможно, является модификацией идиомы *знать как свои пять пальцев*, встречающейся в русской классической литературе XIX в. В этом случае форму *ясно, как два пальца* можно считать авторской модификацией. Если же это не так, нет оснований вообще считать эту форму идиомой и включать ее в словник словаря. У Достоевского это выражение встречается только один раз:

(11) И, сверх того, благороднейших свойств человек — это *ясно, как два пальца*! [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели].

Таким образом, помимо проблемы подхода к описанию словарных материалов, встает еще и проблема словника словаря.

СЛОВНИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ

Состав словника определяется теми типами фразеологизмов, которые включаются в словарь. Как известно, центр фразеологиче-

ской системы образован идиомами (см. классификацию фразеологизмов в [Баранов, Добровольский 2013]). Тем самым идиомы должны быть включены в состав словника. Достаточную степень идиоматичности демонстрируют и пословицы, которые обычно рассматриваются как особый разряд фразеологии. Принято считать — и не без оснований — что использование пословиц представляет собой характерную особенность авторского стиля. Таким образом, и пословицы естественно видеть в словаре авторской фразеологии.

Что касается служебной фразеологии, то хотя она часто очень специфична для индивидуального стиля, ее полная словарная фиксация оказывается очень сложной задачей — в том числе и из-за необходимости использовать усложненный метаязык описания. В словник планируемого словаря они войдут лишь частично, при этом отбор будет сделан в пользу таких единиц, которые часто используются в языке Достоевского (ср. характерное для Достоевского выражение *по крайней мере* в сравнении с близкой по семантике формой *по меньшей мере* [Баранов 1996; Баранов, Добровольский 2008: 174–190]). Крылатые слова включать в словарь не предполагается, поскольку выделение этого класса фразеологизмов традиционно осуществляется по не вполне лингвистическим основаниям.

Что касается коллокаций, то из-за их слабой идиоматичности и значительного количества их полный охват в рамках фразеологического словаря языка писателя нецелесообразен. В то же время некоторые коллокации, которые характеризуются нетривиальными компонентами (базами или коллокатами), желательно учитывать в словаре, поскольку это отражает идиостиль писателя. Так, в корпусе текстов Достоевского наряду с формами *принять решение*; *отложить* / *отдалять решение* встречаются формы с нестандартными колокатами: *дать решение*; *взять решение*; *принести решение по делу*; *оставить решение* (в значении “отложить”); *сложить решение* (“решить сделать что-л.”); *положить решение*; *предпринять решение*; *обнадежить на решение.*

Рассмотренные направления анализа фразеологического материала указывают на значительные сложности лексикографического описания этой части авторского лексикона. Однако современный уровень знаний об организации и функционировании фразеологической системы позволяет с высокой степенью досто-

верности исследовать специфические особенности авторской фразеологии и отражать их в словарном представлении.

ЛИТЕРАТУРА

АКАД — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015.

Баранов А.Н. Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (*по крайней мере* vs. *по меньшей мере* в художественных текстах Достоевского) // Слово Достоевского. М., 1996. С. 110-136.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М., 2013.

Идиоглоссарий — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I, II, III. М., 2008, 2010, 2012.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. М., 2008. С. 870–909.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь 2018).

СЯД — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. 1–3. М., 2001–2003.

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

Н.В. Козловская

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕРМИН КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.Ф. ФЕДОРОВА)*

Статья посвящена проблеме лексикографического описания авторских философских терминов Н.Ф. Федорова. Охарактеризована структура словарной статьи создаваемого словаря. Приведены примеры статей, отражающих основные механизмы философского терминотворчества Федорова: создание лексических неологизмов с помощью сложения и аффиксации, соединение нескольких элементов в новое слово или словосочетание, терминологизация общеупотребительного слова, транстерминологизация и терминологическое заимствование в пределах философского метаязыка.

Ключевые слова: авторский философский термин, лингвистические основания формирования авторской философской терминосистемы, философское терминотворчество, словарь языка философа.

Идея создания лексикографического справочника к произведениям русского философа-космиста Н.Ф. Федорова возникла в связи с необходимостью лингвистического описания терминологической системы этого мыслителя. Источником создаваемого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17–29–09049 офи_м.

словаря является собрание сочинений Федорова в 4-х тт. [Федоров 1995–1999]. Цель исследования определила объект лексикографического представления: авторский философский термин.

Авторское начало может проявляться в различной трактовке общепринятых терминов, а может реализовываться непосредственно в процессе философского терминотворчества. Слова и словосочетания, созданные для обозначения понятий, выражающих элементы «проективного» философского учения, составляют ядро лексической структуры произведений Федорова. Склонность к словотворчеству – отличительная черта этого философа, во многом определившая своеобразие системы понятий и терминов «Философии общего дела». Значительное преобладание вновь образованных терминов, обладающих свойством новизны и на формальном и на содержательном уровнях, над переосмысленными единицами философского метаязыка определило основные свойства авторской терминосистемы Федорова.

Авторский философский термин можно определить как вербализующую философский концепт и образованную морфологическим, синтаксическим или семантическим способом специальную лексему, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы.

Вопрос о структуре словаря авторских философских терминов включает в себя комплекс трудностей, традиционно возникающих при составлении писательского справочника. Одну из проблем представляет способ расположения слов. Преобладающий в авторской лексикографии алфавитный порядок удобен для потенциального использования, но не отражает системные связи характеризуемых единиц. Возможен иной способ лексикографического представления: объединение терминов в группы по способам терминообразования. Такой подход, позволяющий выявить и отразить основные механизмы и принципы формирования авторской философской терминосистемы Федорова, реализован в настоящей статье.

Следующей по важности является проблема значения и его толкования. Словарная статья авторского лексикографического справочника — «особый лингвистический жанр, связный текст сложной структуры» [Шестакова 2011: 79], в котором дефиниция занимает центральное место. Основным принципом лексикографического описания философского термина в словаре одного ав-

тора является системная однозначность, которая определяется принадлежностью описываемого слова к определенной терминосистеме. Контекстуальные определения, которые в целом характерны для русской философии, должны быть «конвертированы» в определения родо-видовые, достаточно краткие. В этих определениях каждый признак должен отражать существенный элемент значения термина. Сложность семантической структуры значения в ряде случаев обусловливает наличие нескольких родовых идентификаторов: это явление особенно характерно для терминов, входящих в ядро терминосистемы Федорова: *братство*, *литургия*, *музей*, *супраморализм.*

В общих чертах структуру словарной статьи можно охарактеризовать следующим образом:

— слово или словосочетание (с указанием вариантов через знак //);

— грамматические пометы;

— сведения о частоте употребления заголовочной единицы (с указанием номеров томов, в которых встретилось слово);

— сведения о способе терминообразования (за знаком ▼);

— краткое толкование;

— справочная информация в квадратных скобках (для переосмысляемых терминов – их значение в метаязыке-источнике);

— иллюстрация или несколько иллюстраций, если каждая из них содержит какой-либо особый оттенок употребления заголовочного слова (со ссылкой на номер тома);

— сведения о парадигматических связях слова (за знаком ■), в том числе – о наличии терминологической оппозиции (знак ↔);

— сведения о синтагматических связях слова (за знаком ●).

Приведем примеры словарных статей, отражающие основные механизмы философского терминотворчества Н.Ф. Федорова: создание лексических неологизмов с помощью сложения и аффиксации, соединение нескольких элементов в слово или словосочетание, образование консубстанционального термина в результате терминологизации общеупотребительного слова, транстерминологизация (переосмысление терминов других областей знания) и терминологическое заимствование, осуществляемое в пределах метаязыка философии.

1. Термины, образованные морфологическим способом (сложение и аффиксация). Наиболее востребованным способом образования лексических неологизмов у Федорова является сложение и его разновидности: *пневматосфера*, *супраморализм*, *храм-музей* (*Храм-Музей*), *храм-обсерватория.* К часто используемым аффиксам относятся: *анти-*, *без-*, *не-*, *пра-*; *-ени-*, *-ость-*, *-ств-*.

ДЕТСТВЕННОСТЬ (с прописной и строчной букв), и, ж. 32 (I–IV). ▼ детств(о) + енн + ость. Противопоставляемое крайнему индивидуализму мировоззрение, заключающееся в осознанном сохранении детского восприятия мира, в ощущении родственных связей с народом, в жизни «со всеми и для всех». *Не благодаря ли жизни в континентальной глуши, сохранившейся в нас* ***детственности****, русским кажется, что «на людях и смерть красна», а в минуты опасности со словами «умирать, так умирать всем» русские люди идут на действительную смерть. «Жить не для себя, ни для других, а со всеми и для всех» — не кажется ли, что выражение это вырвано из самой души русского народа?!* (I). *Сущность* ***Детственности*** *заключается в отрицании чуждости, в чем бы она ни проявлялась (розни), и в полном утверждении или признании родственности* (III). ■ Братство, дочерность, женственность, отечество, родство, сыновство, примитивность, приснодетственность. Детственность ↔ гуманитаризм, индивидуализм, ребячество (вечное несовершеннолетие). ● Детственность без первородного греха или без наследованных от взрослых пороков; чистая детственность.

2. Термины, образованные морфолого-синтаксическим способом. Присоединяясь к точке зрения С.В. Гринева-Гриневича [2008: 145], особо выделим способ, при котором образование однословного термина происходит на основе словосочетания: *мыслепоклонство* ← *поклоняться мыслям*; *органосозидание* ← *созидать органы*; *тканетворение* ← *творить ткань.*

ГРОМОПРОВОД, а, *м.* 3 (I). Используемое в регуляции природы устройство для защиты сооружений от удара молнии; то же, что громоотвод. ▼ гром + о + отвод(ить). *Отстояв последнюю сторожу у Индии <…>, русский народ, воевавший поневоле, возвращается к земле, <…> оружие расковывает в* ***громопровод****, в регулятор растительной жизни…* (I). *Огненными языками, или силою слова, можно было поразить мысленного Юпитера, для поражения же действительного громовержца,*

карающего ливнями и засухами, нужен регулятор или ***громопровод****, обращающий грозовую силу из разрушительной в созидательную* (I). ■ *Аэростат, громоотвод, орудие, регулятор.*

3. Термины, образованные синтаксическим способом. Наиболее типичны для терминосистемы Н.Ф. Федорова двухкомпонентные атрибутивные словосочетания, образованные путем согласования и управления: *надорганическая эволюция*, *санитарный вопрос*, *прах предков*, *продовольственный вопрос*, *регуляция природы*. Отметим также, что термины этого типа могут создаваться на базе лексических или семантических авторских неологизмов: *всеобще-человеческий антропоморфизм*, *небесно-земледельческая культура*, *филологическая пятидесятница*.

МУЗЕЙ С ВЫШКОЙ 10 (I–IV) // **ХРАМ-МУЗЕЙ С ВЫШКОЙ** 9 (I–IV). Исследовательское, обучающее и воспитательное учреждение, хранящее память прошлого и объединяющее сынов и отцов в общей вере и в общем деле, «всехудожественный собор». ▼ 2к., атрибут., управление. ***Храм-музей с вышкою*** *(с вышкою для наблюдений и для изучения небесных явлений) открывает в куполе храма, как подобии кажущегося неба, выход к небу действительному, к небесным мирам или землям, носящимся в нем, т.е. в небе, чтобы изображенным на куполе (на этом подобии неба) умершим дать действительную жизнь на действительном небе* (I). *Соединение всех наук в астрономии и всех искусств в архитектуре, т.е. в* ***храме-музее с вышкою****, не только даст основание для всенаучного и всехудожественного съездов, но и для соединения их между собою и с религиями, объединенными в деле отеческом и в образце единодушия и согласия, ибо храм-музей (памятник всех поколений) с вышкой, в котором младшее поколение воспитывается под руководством старшего, будет школою; он соединит в себе храм (религию), музей (искусство и историю) и вышку (астрономию), между коими нет противоречия, а существует полное единство, так как храм есть братотворение для отцетворения; музей-храм всех предков (ряд поколений) и вышка — это действительная патрофикация, как осязательное доказательство коперниканского мировоззрения* (II). ■ Собор, учебные заведения. Храм-музей с вышкою ↔ всемирная выставка. ● Музей с вышкой как переход к коперниканскому искусству; поучительный музей с вышкой; музей с вышкой, соединяющий в себе все искусства.

4. Термины, образованные семантическим способом (терминологизация общеупотребительной лексемы): *родство*, *родственность*, *сыны*, *отцы*, *совершеннолетие*, *храм*, *школа.* Наиболее распространенным способом семантического терминообразования является метафоризация: когнитивная метафора позволяет через сравнение с общеизвестным явлением выявить существенные признаки философского понятия.

РОДСТВО, а, *ср*. 284 (I–IV) // **СРОДСТВО**, а, ср. 2 (II). Сознательное сосуществование людей не на основании происхождения от общего предка, а на основании принципа «со всеми и для всех» в едином проекте регуляции природы, воскрешения отцов, решения санитарного и продовольственного вопросов, то же, что братство. ▼ консубстанциональность. ***Родство*** *действительное, кровное, связывает внутренним чувством; чувство* ***родства*** *не может ограничиваться лицепредставлением и требует лицезрения; смерть лицезрение превращает в лицепредставление, и потому чувство* ***родства*** *требует восстановления умершего, для него умерший незаменим, тогда как для товарищества смерть есть потеря, вполне заменимая* (I). ***Родство*** *есть мы, для него нет других в смысле чужих, для него все — те же Я, свои, родные, естественно, органически родные, а не искусственно, механически, внешне сроднившиеся»* (II). ■ Братство, дочерность, единство, женственность, нравственность, отечество, родственность, сыновство. Родство ↔ небратство, неродственность, товарищество, эгоизм. ● Внутреннее, всемирное, действительное, недействительное, совершенное родство; восстановление родства; родство с умершими.

5. Переосмысленные термины других наук и термины богословия (транстерминологизация, разновидность семантического терминообразования): *социализм*, *материализм*, *пауперизм*, *крейсерство*, *литургия*, *Пасха и пасха*, *Крещение*, *пятидесятница.*

ТРОИЦА // **ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА** // **СВЯТАЯ ТРОИЦА**[1]. В федоровском учении — три ипостаси единого Божества: Отец, Сын и Дочь. [Справ.: Святая Троица — богословский термин, отражающий христианское учение о Триипостасности

[1] Подсчет частоты употребления затруднен, так как термин используется Федоровым и в традиционном (богословском) значении, и в переосмысленном.

Бога. Догмат о Пресвятой Троице — основание христианской религии. Бог есть един по существу, но троичен в лицах: Отец, Сын и Святый Дух, Троица единосущная и нераздельная][2]. ▼транстерминологизация. *Если в учении о Троице Дух не будет представлен образцом для дочери, то сама* ***Троица*** *обратится в безжизненную, монашескую, платоновскую, или платоническую; если же дочь не будет подобием Св. Духа, не будет духом любви, то проникнется духом разрушения, нигилизма* (I). *Это — бессмертная троица, потому что сын и дочь здесь не отделяются от отца, остаются присно-сынами и присно-дщерями, словом и духом.* (II). ■ Высочайшее согласие, идеальное единство, нераздельность, неслиянность; дочь, сын, отец, присно-дщерь, присно-сын. ● имманентная, мессианская Троица; Троица искупления, общего дела.

6. Философские лексемы и специальные философские термины многоаспектного характера, оригинально интерпретируемые Н.Ф. Федоровым (разновидность семантического терминообразования, в концепции В.Д. Табанаковой — термины в дискурсивной функции [Табанакова 2013]): *сверхчеловек*, *сверхчеловечество*, *смерть*. Явление экстраполяции терминов из одной терминосистемы в другую терминосистему того же метаязыка весьма характерно для философии: «изменение содержания дефиниции является неотъемлемым свойством философской терминологии» [Икере 1983: 16]. Переосмысление содержания терминов — отличительная черта метаязыка русской религиозной философии; принадлежность авторского термина к авторской терминосистеме одного философа определяет его относительную однозначность, или однозначность в пределах терминосистемы: *истина* Л.И. Шестова, *истина* П.А. Флоренского, *истина* Н.А. Бердяева. Для Федорова философская транстерминологизация характерна в меньшей степени: подобных примеров немного, и они небесспорны. Так, контекстуальный анализ не позволяет сделать однозначных выводов о том, что Федоров переосмысляет философский термин, а не общеупотребительную лексему. Однако значимость этого понятия для русской религиозной философии в целом позволяет предположить, что в данном случаем речь идет об экстраполяции и переосмыслении философского термина.

[2] См.: http://www.pravmir.ru/svyataya-troica/ (октябрь, 2018).

СМЕРТЬ, и, *ж.* ≈1585 (I–IV). Прекращение жизни несовершенного организма вследствие отсутствия регуляции и недостатка способности полноорганности (способности создавать новые органы). [Справ.: Естественный конец единичного живого существа <…>. Поскольку человек, в отличие от других живых существ, сознает свою смертность, смерть выступает для него как конститутивный момент его жизни и мировоззрения. В религиозной философии смерть — таинство поглощения времени вечностью, единения человека с Богом, религиозное таинство соединения трансцендентного (божественного) и имманентного (человеческого)][3]. ▼ метаязыковая транстерминологизация. *А между тем* ***смерть*** *есть просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни* (I). *Жизнь есть добро;* ***смерть*** *есть зло. Возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла* (II). ■ Болезнь, голод, язва; несовершеннолетие. Смерть ↔ бессмертие, воскрешение. ● Неволя к смерти; смерть первоотца, праотца.

Отражение терминотворческих приемов в словарной статье позволяет сделать вывод о том, что понятие «авторский термин» объединяет неоднородные по происхождению лексемы, авторское начало в которых может проявляться на уровне содержания и на уровне содержания и формы.

Ословаривание данных о способах образования терминов, об их частотности, о значении термина в пределах терминосистемы позволяет решить несколько исследовательских задач: а) охарактеризовать специфику философского термина как единицы авторской терминосистемы; б) выявить не только понятийные, но и лингвистические основания формирования авторской философской терминосистемы; в) выявить наличие терминологических оппозиций, гнезд, синонимов и аналогов и охарактеризовать содержательно-языковую связность элементов внутри терминосистемы; г) отразить однозначность переосмысляемых философских терминов в пределах конкретной терминосистемы; д) сопоставить (с привлечением данных по другим авторам) терминосистемы философов одного периода.

[3] Электронная библиотека Института философии РАН.

Словарь авторских философских терминов выявляет терминотворческий потенциал языковой личности Н.Ф. Федорова и позволяет исследовать язык мыслителя под тем углом зрения, который определен особенностями авторской философской терминосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2008.

Икере З.Я. Принципы перевода философской терминологии на латышский язык (на материале терминологии английского эмпиризма 17 и 18 вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1983.

Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень, 2013.

Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1995–1999.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

О.А. ДАВЫДОВА

Московский педагогический государственный университет, Москва

ССЫЛКА — ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматривается ссылка как важный компонент структуры авторского словаря, который позволяет выявить слова, характерные для идиостиля писателя, связать однокоренные или близкие по значению лексемы, находящиеся в разных частях словаря. Среди них как стандартные для языка любого писателя глаголы разных видов, так и синонимы, имеющие разный фонетический облик.

Ключевые слова: авторский словарь, ссылка, идиостиль, М.А. Шолохов.

Со времени создания первых толковых словарей лексикографы решали, какой способ представления материала избрать. Как известно, первое издание [САР] является словопроизводным, а второе издание [САР2] алфавитным, словарь В.И. Даля [СД] является гнездовым. Три первых тома [БАС] тоже отражают гнездовой способ подачи языкового материала. Абсолютное большинство современных толковых словарей и большая часть авторских придерживаются алфавитного способа.

Представляется, что для составителей авторских словарей особенно важно понять, когда автор любит какое-то слово и его производные, что делает эту лексему характерной особенностью стиля писателя. Хорошо, если однокоренные слова находятся недалеко друг от друга, но дериваты, образованные с помощью пре-

фиксов, оказываются в разных частях словаря. Продемонстрируем это на примере словаря М.А. Шолохова [СШ]. Одним из слов (образов), любимых Шолоховым, был диалектный глагол *чечекать*, прямое значение которого связано с передачей стрекотанья птиц; в последнем из вышедших диалектных словарей значение несколько расширено, приведены уже два глагола *чечекать* и *чечакать*: 1. «Производить, издавать стрекот, издавать резкие, сухие звуки, похожие на треск; стрекотать, трещать (о птицах)» [СВО]. М.А. Шолохов употребляет прямое значение слова: *Днями по карнизам куреней с соломенных сосульчатых крыш стекала дегтярная вода, надрывно* ***чечекали*** *на плетнях сороки, и, обуреваемый преждевременным томлением весны, ревел зимовавший на базу у Мирона Григорьевича общественный бугай.* Тих. Дон, 3, VI (здесь и далее все примеры даны по изданию [Шолохов 1985]; после названия романов арабской цифрой обозначена часть, римской — глава).

Многочисленны и разнообразны переносные значения глагола: писатель использует слово для называния оживленного разговора женщин. Это значение уже отражено в словаре: 2. *Перен*. «Много болтать, пустословить, говорить о пустяках» [Там же]: *Около ограды здоровенный черный атаманец, застегивая необъятные синие шаровары, щерит рот в белозубой улыбке, возле него серенькой перепелкой* ***чечекает*** *низкорослая казачка — жена ли, любушка ли*. Тих. Дон, 3, IV; *Возле столпились офицеры. Истерический женский голос растроганно* ***чечекал****: — Спасибо, Шеин! Спасибо!* Тих. Дон, 5, X.

Однако переносные значения у писателя расширены: глагол передает перестук (цоканье) копыт лошадей*: Вышли. По улице, саженях в пятидесяти, хрушко* ***чечекал*** *копытный говор*. Тих. Дон, 3, VIII. Стрекот механизмов — косилок:.*Захар Денисович, жадный до крайности, пустил ножи под самый корень травы. Ножи сухо* ***чечекали****, сбривая густую поросль*. Батраки, IV; *По степи, до голубенькой каемки горизонта, копошились люди. Стрекотали,* ***чечекали*** *ножи косилок, пятнилась валами скошенного хлеба степь*. Тих. Дон, 1, XVII. Для передачи звука пулемета писатель употребляет префиксальный глагол: *Где-то правее сшиблись разведки. Лихо* ***зачечекал*** *ручной пулемет*. Тих. Дон, 6, VIII, но в словаре этот глагол оторван от «гнезда». Значение глагола поддержано существительным *чечеканье*: *Откуда-то из-за дальней*

купы сосен пулемет взлохматил тишину пронзительным сорочьим ***чечеканьем****, разбрызг воющих пуль пронизал березки, на гриву сотникова коня, кружась и колеблясь, упала ссеченная пулей ветка.* Тих. Дон, 3, XV; а значение, передающее оживленный разговор, существительным *чечекалка*: *Ильинична и тут не удержалась от слез. Вытирая их грязной завеской, ответила на подтрунивание Дуняшки: — Народи ты себе таких,* ***чечекалка****! По крайней мере, два сыночка — и обое в люди вышли!* Тих. Дон, 5, XIV. У «речевого» значения глагола есть отсылка: см. *Чечекалка* [СШ: 922]. Неплохо было бы соединить такими же ссылками все деривaты этого гнезда.

Ссылками, на наш взгляд, следует, во-первых, соединить однокоренные слова, среди которых есть глаголы разного вида: так, в словаре есть два однокоренных глагола с разными суффиксами — *кумиться несов. Перен.* «Брататься, родниться с кем-л.»: *Ты меня* (Устина Рыкалина. — *О.Д.*) *беляком называл, а я — розовый, как забурелый арбуз: и в белых был, и с зелеными две недели* ***кумился****, и в красных побывал.* Подн. цел., 2, XIII [СШ; 492] и *кумоваться Перен.* «То же, что кумиться» [СШ: 492]. Видимо, следует отразить не глагол, а фразеологизм *кумоваться со смертью* «Умирать»: *Из штаба дивизии приказ: двинуть нашу сотню к фронтовой линии. Там, мол, солдаты бунтуются, не желают в окопы, в глину лезть; с* ***смертью кумоваться*** *не желают.* [СШ: 492]. Но в художественных произведениях Шолохова есть префиксальный глагол *покумиться*, *сов. Перен*. «Сблизиться, сродниться, как при кумовстве»*: Поиграли и мы в большевиков, на фронте, а теперь пора за ум браться. <…> А в Каменской у нас грязно дело.* ***Покумились*** *с большевиками, — они и устанавливают свои порядки.* Тих. Дон, 5, XIII. Глагол совершенного вида надо связать с глаголами несовершенного вида ссылками.

Надо связать ссылками слова, близкие или даже тождественные по значению, каждое из которых представлено в дискурсе писателя единичными примерами: *катериновка* и *екатериновка*: *Доревол.* «В царской России — сторублевый кредитный билет с изображением императрицы Екатерины II». В рассказе он назван *катериновкой*: *Года через два паралик его задушил. Привезли в Усть-Медведицу, докторов поназвали, а он лежит на полу, почернел весь. Достает* ***катериновки*** *из кармана пачками, кидает на пол, хрипит в одну душу: «Лечите, гады! Все отдам!..»* Лазоревая

степь; а в «Поднятой целине» *екатериновкой*: *Хутору доподлинно было известно, что Лапшинов в старое время раза три в год возил менять в станицу бумажные* ***екатериновки*** *на золотые империалы* Подн. цел., 1, XI; *Эх, да мало ли что снилось наяву Якову Лукичу в те незабываемые времена, когда жизнь сияла и хрустела у него в руках, как радужная* ***екатериновка****!* Подн. цел., 1, XIV. В [СШ], как известно, есть лексикографическая справка. Из нее можно понять, что эта же купюра называлась *катенька* [СУ], *катеринка* [БАС]; *катька* [СК], но нет указания на то, что писатель употреблял слово *екатериновка* и оно отражено в словаре.

Конечно, в отдельных случаях близкие слова снабжены отсылочными дефинициями, но это сделано непоследовательно и зависит от добросовестности лексикографа: *зеленые Гражд.-воен.* «Крестьянские отряды во время гражданской войны 1919–1920 гг., составлявшиеся из дезертиров и ведущие борьбу против белых, действуя в тылу у них; зеленые иногда сражались против красных, являясь в этом случае орудием кулачества (название произошло оттого, что зеленые укрывались в лесах, горах)»: *Прохор свил в пальцах грязную бахромку скатерти, заговорил не сразу: — В январе, кажись... Ну да, в январе, стояли мы сотней возле Новороссийского... <...> — Стояли, а красные прорывались к горам:* ***к зеленым*** *на соединенье. Назначает его, Петра вашего, командир сотни в разъезд...* Чужая кровь; *Но на другой день, когда пошли* (Прохор и Григорий. — *О.Д.*) *убирать лошадей, снова вернулся к прежнему разговору. — Про* ***зеленых*** *ты слыхал? — осторожно спросил он, делая вид, будто рассматривает держак вилтройчаток. — Слыхал. Дальше что? — Это ишо какие такие* ***зеленые*** *проявились? Они за кого? — За красных. — А с чего ж они* ***зелеными*** *кличутся? — Чума их знает, в лесах хоронются, должно, от этого и кличка. — Может, и нам с тобой позеленеть? — после долгого раздумья несмело предложил Прохор. — Что-то охоты нету. — А окромя* ***зеленых****, нету никаких таких, чтобы к дому поскорей прибиться? Мне-то один черт —* ***зеленые****, или синие, или какие-нибудь там яично-желтые, я в любой цвет с дорогой душой окунусь, лишь бы этот народ против войны был и по домам служивых спущал... — Потерпи, может, и такие проявются, — посоветовал Григорий*. Тих. Дон, 7, XXVII. Статья неполная, так как нет примера из «Поднятой целины», который мы уже приводили: *Ты меня* (Устина Рыкалина. — *О.Д.*) *беляком на-*

зывал, а я — розовый, как забурелый арбуз: и в белых был, и с ***зелеными*** *две недели кумился, и в красных побывал.* Подн. цел., 2, XIII. Здесь есть ссылка на «Военную энциклопедию», где объясняется, кого называли зелеными [СШ: 400], но в ссылке не говорится, что писатель употребляет термин *красно-зеленые* [СШ: 473], где дана уже другая дефиниция: *Гражд.-воен.* «Особые подразделения в годы гражданской войны, сформированные из не желавших служить в армии (зеленых) и вставших под руководство красных (большевиков)»: *Английский дредноут «Император Индии», покидая берега союзной России, развернулся и послал из своих двенадцатидюймовых орудий пачку снарядов. Прикрывая выходившие из бухты пароходы, он обстреливал катившиеся к окраинам города цепи* ***красно-зеленых****, переносил огонь на гребень перевала, где показались красные батареи.* Тих. Дон, 7, XXIX; *Добрая половина отступавших навсегда осталась в чужих краях: иные погибли от тифа, другие приняли смерть в последних схватках на Кубани, несколько человек, отбившись от обоза, замерзли в степи за Манычем, двое были захвачены в плен* ***красно-зелеными*** *и пропали без вести...* Тих. Дон, 8, II. В ссылке дано определение из энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»: Важное значение имели действия Кубано-Черноморской повстанческой «красно-зеленой» армии (около 15 тысяч человек) летом 1919 г., которая наносила удары по деникинским гарнизонам от Анапы до Адлера. И в конце примечания через помету *ср.* приведена цитата из рассказа «Чужая кровь». Естественно, субстантивы должны быть связаны в словаре перекрестными ссылками.

В идеальном издании словаря можно было бы связать ссылками слова одной ЛСГ. Тогда читатель словаря, например, знал бы, как называли большевиков неграмотные казаки: *большак* «Большевик, член большевистской партии, сторонник большевизма» [СШ: 192]: — *Кому как, а наш взвод уходит! — И мы пойдем! — К* ***большакам*** *людей направить — пущай они нас не трогают, а мы их не тронем.* Тих. Дон, 4, XIX; не отраженная в словаре лексема *большунки*: — *Бей Микишару!..* ***Большункам*** *продался!.. Стеной плотной стали Микишара и восемь фронтовиков, в отпуск пришедших, от толпы отгородили Пахомыча и Игната.* Коловерть, X. Ср. не отраженную в словаре перифразу *член РСДРП* — в беседе большевика Бунчука с Листницким: — *Помните, думская фракция большевиков агитировала против прави-*

тельства, тем самым содействуя поражению? — вмешался Меркулов. — Ты разделяешь, Бунчук, их точку зрения? — задал вопрос Листницкий. — Если я высказываюсь за поражение, то, следовательно, разделяю, и было бы смешно мне, ***члену РСДРП****,* ***большевику****, не разделять точки зрения своей партийной фракции. Гораздо больше меня удивляет, Евгений Николаевич, что ты, человек интеллигентный, политически безграмотен...* Тих. Дон, 4, I и др. На наш взгляд, в новое издание словаря следует внести и само слово *большевик*, одно из частотных у писателя, так как в настоящее время оно перешло в разряд устаревшей лексики*: А тот самый Ленин — старшой у* ***большевиков*** *— народ поднял, ровно пахарь полосу плугом*. Нахаленок и др., связать его с однокоренным глаголом, который в дискурсе писателя начинается на другую букву. В современном словообразовательном гнезде лексемы *большевик* нет глаголов, а в первоначальном употреблении, отраженном в словаре Ушакова, есть глаголы *большевизировать* (*нов. полит.)* «Усилить (усиливать) в ком-, чем-н. большевистский элемент; сделать (делать) кого-н. большевиком»; *большевизироваться* (*нов. полит.*) [СУ, I: 171]. В «Тихом Доне» писатель употребляет причастную форму неологизма начала XX в. *обольшевичить* (*нов.*) «Сделать большевистским, склонить на сторону большевиков (это слово употр. гл. обр. непосредственно перед Октябрьской революцией и в годы гражданской войны)» [СУ, II: 686]: *Следом за ним явились уже из Каменской бежавшие из* ***обольшевиченного*** *27-го полка Меркулов, Петро Мелехов и Николай Кошевой. Они-то и принесли в хутор известие, что Григорий Мелехов, служивший в последнее время во 2-м запасном полку, подался на сторону большевиков, остался в Каменской*. Тих. Дон, 5, 1. Единичное употребление отражено в словаре языка писателя с пометой *Гражд.-воен*. и той же дефиницией [СШ: 609] (в словаре Ушакова лексема проиллюстрирована этим же примером), но лексема не связана с другими словами, имеющими данный корень. А в дискурсе писателя присутствуют не только литературные слова *большевистский*, *большевизм*, *по-большевистски*, но и бесприставочное наречие, не употребляющееся сейчас: *Яков Фомин, недалекий, умственно ограниченный казак, стал во главе мятежного полка, но, по сути, только вывеска была фоминская, а за спиной Фомина правила делами и руководила Фоминым группа* ***большевистски*** *настроенных казаков*. Тих. Дон, 6, XI и др.

В идеале надо было бы связать в словаре слова с корнем *большев-* со словами, называющими членов других политических партий России: *меньшевик*, *эсер*, *кадет* и др. Но это уже тема специального исследования.

Подводя итог, отмечу, что, по моему глубокому убеждению, важной частью авторского словаря должны стать ссылки и отсылочные дефиниции. Ими должны быть связаны однокоренные слова разного вида (глаголы несовершенного и совершенного вида, особенно образованные префиксальным способом и поэтому находящиеся в разных частях словаря), глаголы и образованные от них существительные и прилагательные, существительные и образованные от них прилагательные и глаголы и т.д. Важны такого рода ссылки не только для частотных, то есть характерных для идиостиля лексем, но и для слов, представленных в дискурсе писателя единичными примерами.

ЛИТЕРАТУРА

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

САР — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Т. I–VI. СПб., 1789–1794.

САР2 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. I–VI. СПб., 1806–1822.

СВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.

СД — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, 2-е изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1866.

СК — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

СШ — Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.

Шолохов М.А. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1985.

И.В. Ружицкий

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

О «НЕЛИНГВИСТИЧНОСТИ» ПОНЯТИЯ «ИДИОГЛОССА»

«Идиоглосса», т.е. слово, отражающее особенности авторского идиостиля, является ключевым параметром Словаря языка Достоевского, в котором дается лексикографическое представление именно этих единиц. В ходе многолетней работы над первыми четырьмя томами Идиоглоссария (А – По) были уточнены отдельные теоретические положения концепции Словаря, в том числе и касающиеся лингвистического статуса идиоглоссы, относящиеся, в частности, к проблеме определения объективной процедуры выявления идиоглосс в текстах Достоевского. Тем не менее многие связанные с этим вопросы, например, положение идиоглоссы в парадигме других терминов — «ключевое слово», «сквозное слово» и т.п., требуют дальнейшего осмысления.

Ключевые слова: язык Достоевского, словарь, лексикографическая параметризация, идиоглосса.

Идея создания Словаря языка Достоевского, раскрывающего особенности языковой личности писателя, возникла в начале 1990-х годов, ее авторами были Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург [СЯД 2001; 2008]. В дальнейшем эта идея оформилась в концепцию, которая продолжала и продолжает развиваться — прежде всего в отношении уточнения содержания лежащих в основе Словаря лексикографических параметров.

Ключевым параметром Словаря языка Достоевского является то, что в нем описываются не все слова, употребленные в текстах писателя, но только значимые для авторского идиостиля, или идиоглоссы. Именно относительно лингвистического статуса идиоглоссы у критиков Словаря и возникало всегда больше всего вопросов, которые, правда, в последнее время ограничиваются утверждением, в основном никак не аргументированным, что идиоглосса не обладает лингвистическим статусом, что данное понятие «нелингвистично». Если и встречаются какие-то аргументы такой точки зрения, то все они в итоге заключаются в следующем: определение у слова его идиостилевой значимости осуществляется составителями Словаря интуитивно (надо сказать, что многие критики Словаря вообще отрицают психолингвистику как направление языкознания), поэтому в Словаре не описываются многие лексемы, безусловно характеризующие стиль Достоевского. В связи с этим — чтобы прояснить некоторые спорные вопросы концепции Словаря — считаем необходимым в очередной раз обратиться к некоторым ее базовым идеям и дать соответствующие пояснения.

1. Нецелесообразность описания всего авторского лексикона отмечал, например, Я.К. Грот в «Словаре к стихотворениям Державина» [Грот 1883], правда, в качестве единиц для входа в словарную статью использовались отличные от концепции Словаря языка Достоевского принципы: «…Не раз между нашими учеными шла рѣчь о составленіи словарей по языку отдѣльныхъ авторовъ, и нѣкоторые при этом полагали, что нужно выписывать всѣ без исключенія слова, встрѣчающіяся у писателя, съ значеніем мѣст, гдѣ каждое изъ нихъ употреблено. Но такіе словари едва ли вознаграждали бы своею пользой массу потраченныхъ на нихъ трудовъ и времени. Цѣль словаря по языку отдѣльнаго писателя должна, кажется, состоять въ томъ, чтобы такой частный трудъ могъ служить матеріаломъ для исторіи общеупотребительного языка, для общаго словаря и его грамматики. <…> Изученіе языка какого-нибудь писателя должно конечно имѣть предметом знаніе особенностей, съ которыми является у него языкъ, возможность видѣть, какимъ образомъ он рѣшаетъ затрудненія, представляющіяся пишущему въ примѣненіи законовъ этого языка» [Русская авторская лексикография 2003: 200]. То есть нет никакой необходимости в лексикографическом представлении всех используемых автором слов, словник должен быть ограничен ка-

кими-то установками составителя писательского словаря, и установка на описание характерных для авторского идиостиля слов — одна из таких возможностей.

2. Критики Словаря, отрицающие за идиоглоссой ее лингвистический статус, по какой-то причине упускают из внимания тот общеизвестный факт, что при составлении словаря (любого толкового, переводного или, например, фразеологического) действуют два ряда факторов — объективные и субъективные, определяющие «своеобразие отбора и обработки одного и того же языкового материала. <…> Объективные факторы <…> не зависят от типа, объема, назначения словаря. Важнейшим из объективных факторов является самый характер лексического значения слова. <...> К числу субъективных для лексикографа факторов можно отнести тип, объем и назначение словаря» [Гак 1978: 15–20]. Именно в силу существования такого рода факторов словари и расходятся по составу словников, характеру используемых дефиниций и т.д. По сути, выбор слова из какой-либо группы слов всегда в той или иной степени будет носить субъективный характер, исключение составляет только выбор, осуществляемый в соответствии с частотными характеристиками. Высокая частота употребления слова, тем не менее, далеко не всегда означает его значимость, а невысокая частота отнюдь не служит показателем того, что это слово не может быть идиоглоссой. Так, например, слово *всечеловеческий* во многом отражает мировоззрение Достоевского, тогда как в текстах полного собрания сочинений писателя (ПСС) оно встречается только 12 раз (9 — в публицистических текстах и 3 — в художественных) [СЯД 2008: 806]. То же можно сказать и о других идиоглоссах, входящих в соответствующую парадигму, — *всечеловек* [СЯД 2008], *общечеловеческий*, *общечеловек* [СЯД 2017], *вселенский* [СЯД 2008], исключением, причем легко объяснимым, является только слово *всемирный*, встречающееся в текстах ПСС 93 раза. К аналогичным примерам, хотя, возможно, и не настолько показательным, относятся такие низкочастотные идиоглоссы, как *анархизм* (5), *ангельский* (35), *аноним* (14), *антихрист* (6), *аффект* (39), *безверие* (15), *безобразничать* (9), *безответственность* (3), *безответный* (18), *безрассудный* (11), *безудерж* (6), *бесёнок* (12), *беситься* (23), *бесконечность* (27), *бесноваться* (10), *бесславие* (10), *бессловесный* (13) и др. [СЯД 2008]; *гад* (28), *гадина* (16), *галлюцинация*, *галлюсинация*

(15), *гармонический* (8), *гнушаться* (27), *грабить* (12), *двойник* (41), *демократический* (20), *демон* (29), *доверие* (27) и др. [СЯД 2010]; *инстинктивно* (33), *калека* (13), *калитка* (39), *канава* (33), *кровавый* (25), *лошадка* (31), *лукаво* (23), *лукавый* (17), *любопытствовать* (34) и др. [СЯД 2012]; *набережная* (38), *надувать* (26), *настойчивый* (39), *настоятельный* (30), *неблагодарность* (33), *невзначай* (35), *недостаточно* (30), *нервно* (40), *нигилистка* (9), *нуль* (34), *обессилеть* (19), *обет* (21), *обличить* (17), *обниматься* (12), *обряд* (25) и др. [СЯД 2017]. Смысловая нагрузка этих и многих других низкочастотных в текстах Достоевского слов, причем нередко в текстах наиболее значимых произведений писателя, настолько велика, что в их идиоглоссном статусе нет никаких сомнений.

3. Субъективизма в лексикографической практике избежать невозможно, это, однако, не означает, что существование такого субъективизма оправдывает любой произвол — при определении словника, структуры словарной статьи, объема и характера иллюстративного материала и т.д. Чтобы минимизировать субъективный фактор при определении у слова его идиоглоссного статуса, была разработана специальная многошаговая процедура, включающая в себя следующие этапы (не обязательно в указанной ниже последовательности): 1) коллективное, в основном составителями Словаря, прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль, то, что представляется читателю значимым, т.е. своего рода метод экспертных оценок; 2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые (это, например, многочисленные исследования, посвященные символике Достоевского, словам *всечеловеческий* / *всечеловек* / *общечеловеческий* / *общечеловек*, слову *вдруг* и т.д.); 3) учет вхождения слова в название произведения Достоевского или в название какой-либо части произведения; 4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, то есть его автонимное употребление, использование слова в составе игремы, особенности гипотаксиса и паратаксиса и др.; 5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и

в разные периоды творчества писателя; 6) верификация полученного списка идиоглосс, например, посредством опроса других читателей Достоевского, не обязательно достоевистов. Ни один из вышеназванных этапов не может считаться самодостаточным, во внимание всегда принимается несколько факторов, позволяющих выявить у слова его идиостилевую значимость. Кроме того, существуют и другие, общеизвестные приемы выявления в тексте ключевых слов: грамматические особенности слова, особенности его фонетической организации, роль в нарративной структуре текста и др. (см., например, [Ерохин 2004]). Итоговое подтверждение того, что слово является идиоглоссой, — уже составленная словарная статья, доказывающая или, наоборот, опровергающая первоначально выдвинутое предположение. Таким образом, словник Идиоглоссария языка Достоевского открыт, подвижен, что, на наш взгляд, ничуть не противоречит существующей лексикографической практике.

4. То, что идиоглосса вполне может служить объектом лексикографического представления, а также инструментом анализа художественного текста, косвенным образом подтверждает вхождение этого понятия в уже существующую в лингвистике терминологическую парадигму, сближаясь (но, тем не менее, обладая собственными характеристиками) прежде всего с такими понятиями, как «ключевое слово» и «сквозное слово». Кроме того, в предисловии к первому тому Словаря были разграничены термины идИоглосса и идЕоглосса (идея Е.Л. Гинзбурга), что, с одной стороны, несколько усложняло понимание лингвистической сущности идИоглоссы (вплоть до обвинения авторов концепции Словаря в «лингвистической игре»), с другой — ставило новую теоретическую задачу, заключающуюся в возможности определения иерархии идиоглосс. Очевидно, например, что идиоглоссы *вдруг* или *давеча* во многих отношениях отличаются от идиоглосс *время* или *вечность*. Первые более индивидуальны, вторые — концептуальны. По всей видимости, существует возможность группировать идиоглоссы в соответствии со степенью их концептуальной значимости.

5. У пользователей Словаря вполне закономерно возникает вопрос о том, почему, если идиоглосса — это слово, характеризующее авторский идиостиль, в Идиоглоссарии не описываются многие слова, очевидным образом свойственные языку Достоев-

ского? Такие, как, например, *бесконечноэтажный*, *финтифлюшка*, *сверлива*, *облизьяна*, *аблакат*, *брандахлыстничанье*, *раскидчивость*, *сапожность*, *докультурить*, *холостёжь*, *тупонравственный* и т.п., слова с суффиксами субъективной оценки, новообразования и игремы, многие служебные слова и т.д. Причина заключается в том, что первоначальный замысел Словаря языка Достоевского заключался в создании лексикографической серии, включающей в себя идиоглоссарий, словари фразеологизмов Достоевского, дискурсивных слов, топонимов, онимов, афоризмов, глоссарий, частотный словарь и др. Что-то впоследствии вошло в Идиоглоссарий, например, в нем достаточно полно и широко представлены зоны фразеологии, пословиц и поговорок; отдельные словари были изданы уже вне рамок планируемой серии (частотный); какие-то словари (афоризмов, глоссарий, или словарь атопонов, единиц непонимания) вошли как приложения в [Ружицкий 2015]. От идеи же создания лексикографической серии пришлось отказаться по чисто техническим причинам, по аналогичного рода причинам в Идиоглоссарии не описываются некоторые, например высокочастотные, лексемы, безусловно являющиеся идиоглоссами.

Оставляя в стороне в общем-то бесконечный и потому ни к чему не ведущий разговор об онтологической / эпистемологической сущности какой-либо категории, отметим в заключение, что понятие «идиоглосса» не более нелингвистично, чем, например, «слово» или «фразеологизм». Субъективный фактор в той или иной степени будет присутствовать в любом случае, что, однако, не должно служить препятствием для рассмотрения идиоглоссы в качестве объекта лингвистического исследования и лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: Сб. ст. / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978. С. 13-24.

Грот Я.К. Язык Державина // Державин Г.Р. Сочинения. Т. 9. СПб., 1883. С. 333-335.

Ерохин В.Н. Ключевое слово в художественном тексте. Ч. I. Тверь, 2004.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015.

Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003.

СЯД 2001 — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2001.

СЯД 2008 — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. А–В / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2008.

СЯД 2010 — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Г–З / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2010.

СЯД 2012 — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. И–М / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2012.

СЯД 2017 — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Н–По / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2017.

В.К. ЩЕРБИН

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Белоруссии, Минск

КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются результаты сравнительного анализа ключевых слов, выявленных на материале словарей языка А. Пушкина, Т. Шевченко и Я. Купалы. Обосновывается вывод о том, что сравнительный анализ ключевых слов из полных словарей классиков русской, украинской и белорусской литератур позволяет уточнить существующие представления о ключевых чертах национальной ментальности русских, украинцев и белорусов.

Ключевые слова: словарь языка писателя, ментальность, прецедентный текст, ключевое слово.

В рамках современной когнитивной парадигмы успешно развиваются такие сопредельные научные дисциплины, как когнитивная лингвистика, когнитивная социология, когнитивная этнология, когномика (когнитивная экономика), когнитивная культурология и многие другие. К сожалению, быстрое и одновременное взаимообогащающее развитие целого ряда сопредельных когнитивных дисциплин нередко приводит к смешению и неразграничению их ключевых категорий, концептов и понятий, которые, тем не менее, в целях их адекватного операционального использования

следует все же дифференцировать. К примеру, в рамках когнитивной лингвистики концептом **менталитет** обозначается наивная картина мира, а также конкретное недискурсивное мышление посредством умственных образов-символов [Касевич 1996: 103], а в рамках когнитивной социологии под данным концептом понимается целостная структурированная система социокультурных и социально-психологических характеристик, которые обеспечивают обновление устойчивых алгоритмов социального взаимодействия [Кириенко 2007: 2]. В свою очередь, категория ментальности толкуется лингвокогнитивистами как «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов 2007: 11]; а культурологи определяют эту категорию как «то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки восприятия окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное выявление» [Гуревич, Шульман 1998: 25].

Наличие отмеченных выше различий в понимании ключевых категорий, концептов и понятий представителями сопредельных когнитивных дисциплин обусловило использование последними весьма отличающихся подходов к изучению онтологических сущностей, стоящих за этими категориями, концептами и понятиями. К примеру, социологический анализ ментальных характеристик белорусов основан на массовых опросах самых разных групп граждан и апеллирует, таким образом, к сознанию «среднего» белоруса [Кириенко 2007: 13–15]. Напротив, лингвокогнитивисты считают, что «современные исследователи упрощают дело, когда пытаются “обобщить” проявления народной ментальности в среднем типе психосоматического поведения. “Средний тип” — понятие уклончивое… Личные свойства характера невозможно распространить на целый народ; с другой стороны, те же характеристики можно перенести на любой вообще народ» [Колесов 2007: 14].

Совсем иное дело — прецедентные тексты народных поэтов той или иной страны. Вот как оценивает, к примеру, стихотворение Янки Купалы «А кто там идет?» известный белорусский литературовед В.П. Рагойша [перевод мой. — *В. Щ.*]: «Стихотворение Купалы датируется 1905–1907. Занимает особое место в творчестве Купалы, истории белорусской литературы и общественно-

политической мысли. В стихотворении создан обобщенно-романтический образ белорусского народа дореволюционной поры — огромной громады, которая идет в поход за своим человеческим счастьем. <…> Пафос произведения, обусловленный революционно-демократическим мировоззрением поэта, намеченная в нем своеобразная поэтическая “программа действий” целого народа в определенный исторический период, внешняя простота и общедоступность, песенный характер стихотворения — всё это по содержанию и форме приблизило произведение к национальному гимну. “Что-то наподобие белорусского гимна” видел в произведении М. Горький (письмо к М. Коцюбинскому от 7.11.1910, Собр. соч. в 30 т., т. 29, М., 1955, с. 138–139). <…> В 1910 композитор Л. Роговский положил стихотворение на музыку, и его как неофициальный белорусский гимн исполняли до Октябрьской революции, а в Западной Беларуси — до 1939. <…> Стихотворение приобрело по-настоящему историческое значение. Оно оказало большое революционизирующее воздействие на трудящихся дореволюционной Беларуси» [Рагойша 1986].

На наш взгляд, именно в таких исторически значимых художественных текстах, в которых поэты «с целым народом разговор ведут», необходимо искать концепты национальной ментальности. Иными словами, для выявления ключевых концептов национальной ментальности необходимо ориентироваться на так называемые прецедентные тексты, которые созданы лучшими писателями нации, а не на устные тексты, принадлежащие среднему, наиболее типичному носителю языка.

Настоящими «концентраторами» прецедентных текстов, к примеру, А. Пушкина, Т. Шевченко и Я. Купалы сегодня выступают полные словари языка этих поэтов: 1) четырехтомный «Словарь языка Пушкина» [СП], первое издание которого вышло в 1956–1961 гг., а второе — в 2000 г.; 2) двухтомный «Словник мови Шевченка» [СШ], изданный в 1964 г. и позднее дополненный двухтомным «Словарем языка русских произведений Т. Шевченко» (1985–1987); 3) изданный в 1997–2012 гг. восьмитомный «Слоўнік мовы Янкі Купалы» [СК]. В этих писательских словарях понятийное и лексическое богатство пушкинских, шевченковских и купаловских текстов отражено с наибольшей на сегодняшний день полнотой.

Наконец, в качестве формального выражения категории национальной ментальности и связанных с нею концептов в текстах

СП, СШ и СК выступают так называемые ключевые слова языка поэтов. По мнению Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга, ключевыми следует считать «слова особого качества. Это должны быть слова, важные для понимания творчества писателя в целом, его мировоззрения, его идеалов, для объяснения целей, которые он считал главными в жизни человека, народа, человечества» [Караулов, Гинзбург 2003: 16]. Из практики лингвостатистических исследований художественных текстов известно, что к ключевым словам писателя обычно относят наиболее часто используемые им слова с общей частотой их употребления 50 раз и выше. Определен и нижний порог частотности таких слов: «Степень достоверности анализа слов с частотой менее 35 резко падает» [Мухин 2010: 58].

Опираясь на перечисленные теоретические положения, мы провели сравнительный анализ понятийного содержания ключевых слов, выявленных на материале СП, СШ и СК. По нашим подсчетам, реестр СП включает значительно большее количество (в процентном отношении) ключевых слов, при помощи которых выражаются концепты национальной ментальности, чем реестры СШ и СК. Так, первый том СП имеет полиграфический объем в 113 учетно-издательских листов и содержит 4568 заголовочных слов. Из указанного количества реестровых единиц 371 заголовочное слово относится к числу ключевых слов языка Пушкина, т.е. употребляется чаще 50 раз в его произведениях. Таким образом, доля ключевых слов в первом томе СП составляет более 8 % от его общего реестра.

Для сравнения: 1) в первом томе СШ, который имеет полиграфический объем в 61,06 учетно-издательского листа и содержит 4889 заголовочных слов, только 182 реестровых единицы можно отнести к числу ключевых слов языка Шевченко, а значит, доля последних в первом томе СШ составляет около 4 % от его реестрового состава; 2) в первых двух томах СК, которые имеют суммарный полиграфический объем в 106,8 учетно-издательского листа и содержат в сумме 8472 словарные статьи, только 268 реестровых единиц можно отнести к числу ключевых слов Купалы, а значит, их доля составляет только 3 % от суммарного реестра первого и второго томов СК.

Кроме того, и средняя частота употребления ключевых слов в языке Пушкина является более высокой, чем аналогичная частота использования ключевых слов в языке Шевченко и Купалы. К примеру, если исключить из числа ключевых слов, используе-

мых Пушкиным, традиционно высокочастотные слова служебных частей речи, то в первом томе СП набирается 71 слово знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200 (в их числе такие ключевые слова Пушкина, как *бедный*, *бежать*, *берег*, *благодарить*, *бог*, *большой*, *брат*, *важный*, *вдруг*, *век*, *велеть*, *великий*, *верный*, *вероятно*, *вечер*, *взор*, *взять*, *вид*, *видеть*, *вода*, *войско*, *войти*, *время*, *всегда*, *всякой*/*всякий*, *выдти*/*выйти*, *генерал*, *глаз*, *глядеть*, *говорить*, *год*, *голова*, *голос*, *гора*, *город*, *господин*, *гость*, *государь*, *готовый*, *граф*, *давно*, *дать*, *два*, *дверь*, *двор*, *дева*, *делать*, *дело*, *день*, *деньги*, *деревня*, *дети*, *добрый*, *довольно*, *долго*, *должный*, *дом*, *дорога*, *дочь*/*дочерь*, *друг*, *другой*, *думать*, *дух*, *душа*, *ехать*, *ждать*, *жена*, *живой*, *жизнь*, *жить*, *журнал*).

Для сравнения: 1) в первом томе СШ содержится 21 ключевое слово знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200 (в их числе такие ключевые слова Шевченко, как *батько*, *бачить*, *бог*, *брат*, *бути*, *дати*, *дивитися*, *дитина*, *діти*, *добре*, *добрий*, *доля*, *друг*, *думати*, *єдиний*, *жити*, *знати*, *іти*, *казати*, *люди*, *мати* (мать), *могти*); 2) в первых двух томах СК выявлено 40 ключевых слов знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200 (в их числе такие ключевые слова Купалы, как *бацька*, *бачыць*, *беларускі*, *бог*, *брат*, *быць*, *бяда*, *век*, *вецер*, *вёска*, *вока*, *воля*, *выйсці*, *вялікі*, *гара*, *глядзець*, *глянуць*, *год*, *гора*, *дарога*, *даць*, *дзень*, *дзіця*, *дзяўчына*, *добры*, *доля*, *другі*, *думка*, *душа*, *ёсць*, *жыццё*, *жыць*, *зара*, *знаць*, *зямля*, *ісці*, *казаць*, *кветка*, *край*, *кроў*). Между тем именно при помощи ключевых слов знаменательных частей речи с индексом частотности выше, чем 200, скорее всего, выражаются концепты национальной ментальности.

Проведенный сравнительный анализ выявленных ключевых слов из языка А. Пушкина, Т. Шевченко и Я. Купалы показал следующее:

1) в структуре национальной ментальности русских, украинцев и белорусов представлены отдельные общие концепты (они выражаются при помощи таких ключевых слов из языка Пушкина, Шевченко и Купалы, как *бог*, *брат*, *видеть* / *бачить* / *бачыць*, *дать* / *даты* / *даць*, *добрый* /*добрий* / *добры*);

2) ряд общих концептов характеризует национальную ментальность только двух братских народов. К примеру, в языке Пушкина и Шевченко такие концепты обозначаются при по-

мощи следующих ключевых слов: *дети*/*діти*, *друг*, *думать*/*думаті*. В свою очередь, в языке Пушкина и Купалы общие концепты выражаются посредством следующих ключевых слов: *большой*/*вялікі*, *век*, *выдти=выйти*/*выйсці*, *год*, *глаз*/*вока*, *гора*/*гара*, *день*/*дзень*, *деревня*/*вёска*, *дорога*/*дарога*, *другой*/*другі*, *душа*, *жизнь*/*жыццё*. Наконец, в языке Шевченко и Купалы общие концепты получили отражение благодаря следующим ключевым словам: *батько*/*бацька*, *бути*/*быць*, *дати*/*даць*, *доля*, *дитина*/*дзіця*, *жити*/*жыць*, *знати*/*знаць*, *казати*/*казаць*;

3) национальная ментальность русских, украинцев и белорусов содержит отдельные специфические концепты, присущие в наибольшей мере только одному из указанных этносов (в языке Пушкина специфически русские концепты передаются, к примеру, посредством таких ключевых слов этикетного характера, как *генерал*, *господин*, *государь*, *граф* и т. п.; в языке Шевченко к числу специфически украинских можно отнести те концепты, которые обозначаются такими ключевыми словами с культурными коннотациями, как *дивитися*, *Дніпро*, *Київ*, *кобзар*, *козак*, *лихо*, *люди*, *лях*, *мати*, *могила* и т.п.; в языке Купалы для выражения собственно белорусских концептов используются такие ключевые слова народно-исторического характера, как *беларускі*, *бяда*, *воля*, *гора*, *зямля*, *край*, *кроў* и др.).

Приведенные выше результаты позволяют сделать следующие выводы:

1) о наличии сложной мозаики концептуальных взаимосвязей между языками и культурами восточных славян, обусловленной длительным совместным проживанием в общих государственных образованиях;

2) о принципиальной возможности использования сравнительного анализа словарей народных писателей России, Украины и Белоруссии в качестве метода изучения национальной ментальности восточнославянских народов;

3) о жизненной необходимости формирования еще одного направления когнитивной лингвистики — сравнительной авторской лексикографии с когнитивным уклоном.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 25-27.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003. С. 4-16.

Касевич В.Б. Буддизм: картина мира, язык. СПб., 1996.

Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ). Автореф. дис. … докт. соц. наук. Минск, 2007.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007.

Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010.

Рагойша В.П. «А хто там ідзе?» // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1986. С. 22-23.

СК — Слоўнік мовы Янкі Купалы: В 8 т., 9 кн. Мн.; Гомель, 1997–2012.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М., 1956–1961.

СШ — Словник мови Шевченка: В 2 т. К., 1964.

Н.А. Афанасьева
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

«СЛОВАРЬ ТРАДИЦИОННЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ: XI–XV ВВ.»

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье освещаются принципы организации «Словаря традиционных поэтических образов: XI–XV вв.», цель которого — выявление истоков значимых для русского поэтического сознания образов в древнерусской литературе.

Ключевые слова: словарь традиционных поэтических образов, литература Древней Руси.

«Словарь традиционных поэтических образов: XI–XV вв.» призван проследить бытование ключевых для русского поэтического сознания образов в древнерусской литературе. В качестве объекта словарного описания выбраны те образы, которые были значимы в течение трех веков (XVIII–XX вв.) в русской поэзии и остаются таковыми в современном поэтическом сознании. Словарь должен стать частью «Словаря традиционных поэтических образов», ориентированного на выявление динамических процессов в развитии поэтической образности русской лирики XVIII–XX вв. В настоящее время опубликован пробный выпуск словаря — «Словарь традиционных поэтических образов: XVIII век».

Под традиционным поэтическим образом (ТПО) понимается образ, имеющий длительную традицию употребления в русской поэзии, проходящий через все поэтические эпохи, школы и на-

правления, обладающий относительно устойчивым семантическим ядром и словесным выражением, связанный с непрямым словоупотреблением. ТПО имеет архетипичные корни, является одновременно категорией языка и поэтического сознания, отсылает к экзистенциальным и ментальным понятиям. К таким образам относятся: *путь*, *огонь*, *вино*, *чаша*, *нить*, *театр*, *игра* — «жизнь»; *огонь*, *вино*, *болезнь* — «любовь» и др.

«Словарь традиционных поэтических образов: XI–XV вв.» (далее — Словарь) будет охватывать три эпохи древнерусской литературы: литературу Киевской Руси, литературу периода феодальной раздробленности (XIII–XIV вв.), литературу периода объединения северо-восточной Руси и образования русского централизованного государства (с конца XIV до начала XVI в.). Внутри каждой части Словаря, соответствующей определенной эпохе, традиционные образы будут организованы в группы по основному слову — конкретному компоненту образа. Например, ТПО **огонь — жизнь**, **огонь — война**, **огонь — чувства** объединяются в одну группу и представлены в разделе ОГОНЬ.

Основным материалом Словаря являются тексты произведений древнерусской литературы, опубликованные в 1–9 тт. «Библиотеки литературы Древней Руси» [БЛДР]. Значимая для широкого читателя форма представления текстов с параллельным переводом сохраняется и в собираемом словаре, также приводятся ценные комментарии БЛДР (например, указания на библейские источники цитат).

В Словаре будут представлены контексты образов не включенных в БЛДР произведений, которые приводятся в работах исследователей изобразительного стиля литературы Древней Руси, а также толкования лексем, формирующих контекст образного представления, данные в толковых словарях языка названной эпохи.

Цель Словаря — выявить истоки современной традиционной поэтической образности в древнерусской литературе, проследив бытование образа в эту эпоху. Поставленная цель определяет необходимость включения в лексикографическое описание не только контекстов собственно образов, но и те случаи прямого / непрямого словоупотребления лексем — конкретных компонентов образов, которые свидетельствуют о значимых исторических фактах, отражают важные для исследуемой эпохи представления.

В настоящее время выработаны следующие принципы организации материала в Словаре:

1. Планируется включить в словарную статью все контексты образов названного издания, что позволит получить достаточно полное представление о появлении и бытовании образа в исследуемую эпоху.
2. В создании образного представления активную роль играют слова разных частей речи: не только существительные, но и глаголы, прилагательные, наречия и т.д. Одной из особенностей данного Словаря является учет всей лексики (слов разных частей речи), входящей в контекст образа. Например, образ **огонь — жизнь** может быть представлен с помощью глагола (см. Таблицу 1).
3. Одна из задач всего лексикографического описания — отразить характерные черты, проявляемые при реализации образа, или способы его преобразования, динамики в определенный исторический период, поэтому в словарной статье дается характеристика образа с точки зрения его структуры и схемы реализации.

В основе структуры ТПО лежит метафора, благодаря чему происходит сопряжение абстрактных понятий (А) с конкретными (К): *жизнь* / *смерть* — *путь*, *поле*, *море*, *сон*, *темница*, *пир*, *чаша*; *страсть*, *любовь* — *огонь*, *отрава*, *рана*, т.е. в рамках образа взаимодействуют слова, принадлежащие разным семантическим полям (СП). В силу антропоцентризма языковой деятельности особую роль в формировании образа играет лирический герой, человек (Ч), непосредственно связанный с абстрактным понятием (*жизнь*, *чувства человека*).

Другой аспект структуры и динамики ТПО связан со способами его линейного развертывания в поэтических текстах. Здесь мы обращаемся к области синтагматики и предлагаем понятие **схемы ТПО**. Поскольку развертывание ТПО влечет за собой обращение к компонентам сразу трех СП, то наличие слов трех СП (абстрактного (А), конкретного (К) и СП «человек» (Ч)) в ТПО будет соответствовать реализации полной схемы ТПО: К–А–Ч. При этом основная схема развертывания образа (К–А) допускает отсутствие компонента Ч (слов СП «человек»). Отказ от экспликации абстрактного компонента схемы (А) ведет к семантическому напряжению. При каждом словоупотреблении в лексикографическом описании дается схема реализации образа (см. Таблицу 1).

4. Принцип расположения слов в словарной статье — гнездовой. Для удобства пользования в квадратных скобках даются беспри-

ставочные глаголы, отсутствующие в тексте, но имеющие производные однокоренные образования (см. Таблицу 1). При словах-существительных указываются определяющие их прилагательные или существительные (см. Таблицу 2).

5. В данном Словаре предполагается включение в словарную статью комментариев, приведенных в БЛДР (знак *) (см. Таблицу 2), а также материалов исследовательской литературы и ссылок на статьи и монографии, в которых исследуется названный образ (см. Таблицу 3).
6. Поскольку цель Словаря — выявить истоки традиционных образных представлений русского поэтического сознания, то в лексикографическое описание будут включаться не только контексты употребления собственно образов, но и те случаи прямого / непрямого словоупотребления слов — конкретных компонентов образов, которые свидетельствуют о значимых исторических фактах или важных для того исторического периода представлениях.

Например, таким значимым историческим фактом для формирования образа **огонь — война** могло стать использование так называемого греческого огня (вид напалма) в военных сражениях исследуемой эпохи, важно и сравнение этого вида оружия с молнией в тексте «Повести временных лет» (см. Таблицу 4).

В другом отрывке из «Повести временных лет» нельзя говорить собственно об образе **море — жизнь**, однако очевидно, что в сознании людей того времени море олицетворялось и было связано с представлением об опасности, смерти, непредсказуемости судьбы, бессилии человека перед роковым течением жизни (см. Таблицу 5).

Древнерусской литературе свойственно обращение к образной параллели **свет — вера, христианство, Бог, нечто положительное** [Адрианова-Перетц 1947: 35–41]. Однако в следующем отрывке «Поучений и молитвы Феодосия Печерского» (см. Таблицу 6) словосочетание *истинный свет* используется автором как наименование реалии: *истинный свет* должен *просиять в душах* молящихся в определенный момент церковной службы. Вызывает сомнение, что включение этого предложения в один ряд с такими очень бытовыми правилами поведения, как то: стоять надо *без кашля и копошения*, нельзя *вносить сумятицу во время пения* — и является риторическим приемом преподобного Феодосия Печерского.

Все названные выше принципы лексикографического описания, а также учет слов разных частей речи, входящих в контекст образа, характеристика образа с точки зрения его структуры и схемы реализации будут способствовать выявлению истоков традиционной образности русской лирики нового времени.

ТАБЛИЦА 1

[ГАСНУТЬ] УГАСНУТЬ угасе	Радость мнѣ отселѣ никако не прикоснеться, — свѣтъ бо мой и надежда и живот, Сын и Бог, на древѣ **угасе** (Слова и поучения Кирилла Туровского) (А — нет / в контексте, К — угасе).	Никакая больше меня не коснется радость, ибо свет мой, надежда и жизнь, Сын и Бог, на кресте **угас** (Слова и поучения Кирилла Туровского).

ТАБЛИЦА 2

ИСТОЧНИК источникъ евангельскыи	Пустѣ бо и прѣсъхлѣ земли нашей сущи, идольскому зною исушивъши ю́, вънезаапу потече **источникъ** евангельскыи, напая всю землю нашу. Яко же рече Исаиа: «Разверзется вода ходящиимъ по безднѣ, и будеть безводнаа въ блата, и въ земли жажущии **источникъ** воды будеть»* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); (*...«Разверзется вода... источникъ воды будеть». — Ис. 35, 6–7.)	Тогда как пуста и иссохша была земля наша, ибо идольский зной иссушил ее, внезапно разлился источник Евангельский, напояя всю землю нашу. Как говорит Исайя: «Прольются воды странствующим в пустыне, и превратится <земля> безводная в озеро, и в земле жаждущей будет источник вод» (Слово о законе и благодати митрополита Илариона).

ТАБЛИЦА 3

ПУЧИНА[1] пучину житиа	Паче же помолися о сынѣ твоемь, благовѣрнѣмь каганѣ нашемь Георгии, въ мирѣ и въ съдравии **пучину житиа** прѣплути	И еще помолись о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, да в мире и здравии переплыть <ему> **пучину жизни**

	и въ пристанищи небеснаго завѣтрия пристати, неврѣдно корабль душевны и вѣру съхраньшу, и съ богатеством добрыими дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивьшу, стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседръжителя Бога и за трудъ паствы людии его приати от него вѣнець славы нетлѣнныа съ всѣми праведныими, трудившиимися его ради (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); (К — пучина; А — житиа).	<сей> и невредженно привести корабль душевный <свой> к безбурному пристанищу небесному, и веру сохранив, и с богатством добрых дел, да, непреткновенно управив Богом вверенный ему народ, вместе с тобою непостыдно предстать <ему> престолу Вседержителя Бога и за труды пастьбы народа своего приять от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися ради него (Слово о законе и благодати митрополита Илариона).

[1] О различии смысла символического и смысла предметно-образного данного образа Илариона в «Слове о Законе и Благодати» см. [Демин 2015: 90]; об образе **жизнь — море** см. [Адрианова-Перетц 1947].

ТАБЛИЦА 4

ОГОНЬ огнь	Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ съ огнемъ, и нача пущати **огнь** трубами на лодья рускыя.* И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же, видяще пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и тако прочии възвратишася въсвояси. Тѣмьже пришедъшимъ в землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнѣмъ огни: «Якоже молонья, — рече, иже на небесихъ, грѣци имуть в себе, и сию пущающе, жьжаху насъ, и сего ради не одолѣхом	Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать **огонь** на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русичи же, видя пламя, бросались в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились восвояси. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и пуская ее, пожгли

	имъ». Игорь же, пришедъ, и нача съвокупляти вои многы, и посла по варягы за море, вабя и́ на грѣкы, паки хотя поити на ня. * ...пущати огнь трубами на лодья рускыя. — Византийские корабли были оснащены сифонами, из которых выбрасывалась струей горящая смесь смолы, серы, селитры и нефти (Повесть временных лет).	нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них (Повесть временных лет).

ТАБЛИЦА 5

МОРЕ с моремъ	Ркоша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголеть цесарь, то что хощемъ боле того: не бившися, имати злато, и серебро, и паволокы? Еда кто вѣсть: кто одолѣеть, мы ли, они ли? Или с **моремъ** кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстий — и обьча смерть всѣмъ» (Повесть временных лет).	Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кто одолеет: мы ли, они ли? Или с **морем** кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть» (Повесть временных лет).

ТАБЛИЦА 6

СВЕТ свѣт истинный	В ПЯТОК 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИА ПОУЧЕНИЕ О ТРЪПѢНИИ И О СМИРЕНИИ Кадящу прозвитеру святый олтарь и намъ чающимъ присѣщениа кадилнаго, не лѣпо с лѣностию стояти, но страх великый имѣти. Святое бо кадило образъ Свята-	В ПЯТОК ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ ПОСТА ПОУЧЕНИЕ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ О ТЕРПЕНИИ И СМИРЕНИИ Когда кадит пресвитер святой алтарь и ожидаем мы его приближения с кадилом, следует нам стоять не леностно, но со страхом. Ибо святое кадило — образ Святого Духа, да не лишимся его, воз-

	го Духа есть, да не лишимся того, любимици! Да егда приобрящемся благодати Святаго Духа кадилным присѣщениемъ, и на мѣсто свое шедше и стати ны лѣпо есть съ всякою кротостию, якоже въ уставѣ пишеть, сонъ отложивше и мертва себе сътворити къ копасаниемъ и к кашлю акы нечювствьна, и съ умилениемъ молитися Богу, да послеть намъ помощь скончати намь въ блазѣмъ тръпѣнии заутреню и канонъ. Да егда присѣщениемъ Божиимъ въсиаеть въ душах нашихъ **свѣт истинный** и по пѣнии «Богъ Господь» егда начнемъ псалтырное пѣние, не лѣт ны есть другъ друга прихватити стиховъ и пѣнию мятежь творити немалъ, но на стрѣйшаго сторону взирающе, и безъ того початиа не лѣпо есть починати никомуже; тако бо доброчиньство бываеть (Поучения и молитва Феодосия Печерского).	любленные мои! После того как приобщимся мы благодати Святого Духа через каждение, следует нам, вернувшись на свое место, встать там со всею кротостью, как написано в уставе, забывши сон и замерев, без кашля и копошения, словно бесчувственным, и с умилением молиться Богу, чтобы послал он нам помощь, с благим терпением свершить заутреню и канон. И когда благодаря Божию посещению просияет в наших душах **свет истинный**, когда после пения «Бог Господь» начнем псаломское пение, не следует нам перехватывать друг у друга стихи и вносить тем немалую сумятицу в пение, но подобает следить за старостой клироса и не начинать никому, пока не начнет он, тогда и благочиние будет (Поучения и молитва Феодосия Печерского).

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1997–2003. — http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070# (октябрь, 2018).

Демин А.С. Древнерусская литература как литература (О манерах повествования и изображения) / Отв. ред. док. филол. наук В.П. Гребенюк. М., 2015.

Н.В. Патроева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ОТ КАНТЕМИРА ДО ЛЕРМОНТОВА

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ*

В статье предложена общая характеристика первого в истории отечественной лексикографии синтаксического поэтического словаря, содержащего разноаспектное описание простых и сложных предложений, извлеченных создателями словаря из обширного стихотворного наследия русских классиков XVIII–XIX вв. Классификация поэтического синтаксического материала предлагается в тесной связи со структурой и грамматической семантикой конструкции, жанром, метрикой и строфикой текста.

Ключевые слова: синтаксический словарь, поэтический синтаксис.

В отечественной лингвистике синтаксические словари — пока еще новая и мало освоенная исследователями русской речи область лексикографической индустрии. Самые известные примеры

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17–04–00168 («Синтаксический словарь русской поэзии XIX века»).

подобных изданий — словарь [Золотова 2006], представляющий типы «свободных», «связанных» и «обусловленных синтаксем» современного русского литературного языка и созданный в рамках коммуникативной (функциональной) парадигмы языкознания конца XX в., а также [Русские глагольные предложения 2016], где содержатся семантические модели глагольных предложений русского языка, и «фразарий» [Ильенко: 2007], посвященный описанию структурно-коммуникативных особенностей изъяснительных полипредикативных конструкций. Напротив, плодотворно развивается авторская лексикография, активно издаются писательские словари: согласно наблюдениям Л.Л. Шестаковой, «с начала 90-х гг. по настоящее время вышло более ста словарей — языка поэзии, прозы, драматургии, литературы XIX и XX вв., одного автора и ряда авторов» [Шестакова 2011: 218]. Однако несмотря на то, что отечественная филология накопила уже значительный опыт создания традиционных и компьютерных собраний поэтической лексики и фразеологии, существующие словари и конкордансы не позволяют эффективно использовать их данные для регистрации и разноаспектного описания материалов художественных текстов на синтаксическом уровне: так, при всем богатстве возможностей, предоставляемых, например, [НКРЯ][1], «на настоящий момент он не располагает инструментами поиска в одном из самых продуктивных направлений стиховедческих штудий последних десятилетий, а именно в сфере поэтического синтаксиса», так что «если бы уже завтра стало возможным автоматическое обследование синтаксиса поэтической речи с учетом достижений стиховедов, нас бы, возможно, ожидала настоящая революция» [Белоусова 2014]. В российской и мировой корпусной лингвистике пока нет (во многом в силу отсутствия специальных компьютерных программ, выполняющих анализ контекстов в рамках структуры не только словосочетания, но и предложения, выясняющих грамматические

[1] Сведения о грамматической структуре и синтаксических отношениях (так называемом «древе зависимостей») представлены в синтаксически размеченном корпусе НКРЯ, однако материал для создания «СинТаг-Рус» извлекался из новейших прозаических и публицистических текстов. Работа по созданию компьютерной модели русского синтаксиса, которая была бы применима к анализу стихотворных текстов, велась А.С. Старостиным [Пильщиков, Старостин 2009].

модели построения целого текста, частотность той или иной конструкции) опыта создания грамматического словаря, который представлял бы собой тезаурус конструкций, используемых при построении поэтического текста.

Главным результатом осуществляемого с 2015 г. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета научного проекта стал словарь синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами классического периода (эпохи русского барокко, классицизма, сентиментализма, романтизма). Вышел первый том словаря [Синтаксический словарь 2017].

Объектом систематизации и описания в «нелексическом» словаре поэтической речи являются простые и сложные предложения, участвующие в построении стихотворных текстов. Синтаксический поэтический словарь предоставляет в распоряжение филологической общественности ценные сведения и материалы для создания в ближайшем будущем фундаментальной исторической грамматики русского языка XVIII–XIX в., в силу того что в этот период судьбы языка поэзии и литературного книжно-письменного языка были тесно связаны, а реформаторами языка были именно поэты — М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, так как центральное место в системе средств литературного выражения вплоть до 1830-х гг. занимала стихотворная речь. Кроме того, поскольку словарь предлагает характеристику синтаксических особенностей поэтических высказываний в тесной связи с метром и строфической организацией произведения, присутствием переносов из строки в строку (анжамбеманов), материалы словаря могут стать хорошим подспорьем для продолжения исследований в области «лингвистики стиха», в последние десятилетия активно и плодотворно развивающейся благодаря усилиям стиховедов (М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой, М.И. Шапира и др.).

Разработанная в рамках проекта новая методика лексикографического представления поэтических контекстов предоставляет возможность отбора единиц: а) по структурной схеме или типологической рубрике (простое или сложное предложение, элементарное (в том числе с расширителем модели в виде однородного ряда) или осложненное, двусоставное или односоставное, сложное бинарное либо многочастное предложение); б) по типу синтаксических связей и количеству частей (для полипредикативных конст-

рукций); в) по виду синтаксических отношений (для сложных предложений); г) по модальной характеристике (утвердительное, обще- или частноотрицательное); д) по полноте / недостаточности состава (полное, неполное, эллиптическое); е) по принадлежности к так называемым «элементам текста», то есть экстра-, а не интрапредложенческим феноменам (заглавиям; нечленимым синтагмам, выраженным частицами, междометиями, модальными словами; обращениям; сегментам типа именительного или инфинитива темы; парцеллятам; парантезам, представляющим собой автономные синтаксемы); ж) по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию); з) по типу осложнителей (фиксируется присутствие в предложении обособленных оборотов, вводных либо вставных синтагм, обращений, сегментированных или присоединительных элементов) либо расширителей модели — однородных рядов; и) по соотнесенности с жанром, видом строфы или астрофической композицией, метрической схемой, с указанием наличия переноса (анжамбемана) как свидетельства несовпадения синтаксического и стихового членения текста); к) по риторическому приему (фигуре речи). В результате пользователь будущего словаря сможет получить список всех синтаксических примеров (контекстов), относящихся к рассматриваемому типу конструкции, ритмо-метрической схеме, строфическому / астрофическому типу построения, жанровой разновидности, а также выяснить распространенность того или иного типа синтаксических структур в стихотворном творчестве выбранного автора либо ряда поэтов, относящихся к одной литературной школе, направлению, методу (с целью выявления стилистических синтаксических доминант).

Классификация и описание синтаксических конструкций проводились с опорой на традиционную для русской грамматики и отраженную в академической «Грамматике русского языка» [Виноградов 1954] и во многих учебных пособиях для высшей школы (например, [Современный русский язык 2013]) типологию простых и сложных предложений, синтаксических отношений и связей, хотя для современной лингвистики характерно многообразие теоретико-методологических подходов к дефиниции и классификации предложения как основной синтаксической единицы: структурный (формальный), семантический (логический), коммуникативный (функциональный) и др. Несмотря на то что в последнее время ученых-синтаксистов все больше привлекают семантический и

функциональный аспекты анализа предложения, а модель построения пассивной грамматики постепенно вытесняется грамматикой активной (грамматикой адресата, а не субъекта речи — идея, высказанная Л.В. Щербой и развивавшаяся в современной лингвистике Ю.Н. Карауловым, Б.Ю. Норманом), было бы неверно утверждать бесперспективность долго господствовавшей структуралистской парадигмы, как и традиционной (классической) грамматики, с универсальностью, как будто очевидной простотой и доступностью ее типологии, при том что и здесь остается немало спорных вопросов, требующих своего решения и доныне. Между тем коммуникативный и семантический синтаксис не могут пока похвастаться подобной всеохватностью интерпретации синтаксических феноменов: пока специалистами в этой области описаны только отдельные семантические разновидности и коммуникативные типы предложений-высказываний. Поскольку перед создателями «Синтаксического словаря русской поэзии» стояла задача фронтального описания всех синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами, авторами словаря в качестве главной была выбрана традиционная грамматическая типология простых и сложных предложений. Кроме того, выбор в качестве теоретико-методологической основы изучения поэтического синтаксиса классической модели обусловлен и необходимостью выяснения активности разных типов синтаксических связей в структуре предложения, строки и строфы, поскольку словарное описание большого фонда конструкций позволяет проверить и уточнить данные, полученные в начале нынешнего столетия стиховедами [Шапир 2003; Скулачева, Буякова 2010].

Еще одним мотивом, обусловившим отказ составителей словаря от применения разработанных в рамках семантического синтаксиса моделей описания предложения, было убеждение, что выявление поверхностного, связанного с пропозициональной актантно-предикатной структурой высказывания, смысла не ведет автоматически к интерпретации смысла глубинного, то есть семантики целого текста, изменчивой при каждом новом восприятии произведения тем или иным читателем. Как показали, в частности, наблюдения С.Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста… Случаи, когда тексту может быть приписано только одно

“правильное” значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [Золян 2014: 75]. Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов — их «структурное свойство» [Ревзина 2002: 424]; см. также [Перцов 2000].

Что касается использования в качестве процедурной основы синтаксического словаря тема-рематического (актуального) членения высказывания, изучаемого коммуникативной грамматикой, то заметим, вслед за Б.В. Томашевским, Т.И. Сильман и И.И. Ковтуновой, что лирическое стихотворение строится как размышление на заданную тему, обрастающую все новыми и новыми ассоциациями, а потому представляет собой «сплошную сложно организованную рему (предикат). Если в отдельных предложениях лирического текста допустить возможность внутреннего членения на тему и рему, то такое членение будет занимать иерархически подчиненное положение и с точки зрения семантики целого явится второстепенным» [Ковтунова 2005: 286]. Поэтому строить цепочки тема-рематических доминант на материале малых стихотворных жанров — дело, не адекватное самой сущности лирического рода, и подобная операция могла бы быть осуществлена в рамках отобранных для синтаксического словаря стихотворных текстов малых и средних жанров разве что на примере сатирических, басенных и идиллических текстов как жанров лиро-эпических по своей природе.

Примененная в настоящем лексикографическом опыте традиционная грамматическая классификация, разумеется, давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта нередко приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями — примерами как структурной, так и семантической контаминации (конденсации, «компрессии» лирического текста). Поэтическому тексту вообще свойственна неоднозначность, неопределенность, в силу «повышенной» (согласно терминологии, использованной в «Поэтическом синтаксисе» И.И. Ковтуновой) его предикативности, сконденсированности передаваемой информации в рамках малой формы. Принятия специальных решений требовали, например, такие до сих пор остающиеся дискуссионными вопросы, как принципы построения структурной схемы простого и сложного предложения, коммуникативная задача и значение синтаксического наклонения, как статус односоставных конструкций с несколькими предикатами, характеристика определенно-личных

предложений, модальная характеристика предложений, с обособленными оборотами, содержащими негацию, границы понятий «расширение» и «осложнение» элементарной модели предложения, синтаксический статус заглавий и контекстов с прямой речью, случаи неодинакового или «странноватого» оформления одной и той же конструкции в изданиях сочинений выбранных для разбора авторов, что приводит к колебаниям, неясности, препятствующей принятию твердого решения при квалификации предложений.

Материал для словаря извлекается методом сплошной выборки (за исключением разделов «Переводы») из изданных АН СССР, прежде всего в рамках большой серии «Библиотеки поэта», полных собраний стихотворений А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, Г. Державина, М. Хераскова, Н. Карамзина, И. Дмитриева, И. Крылова, В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Пушкина, М. Лермонтова, П. Вяземского, Е. Баратынского, А. Дельвига, Н. Языкова и др.

Единицей лексикографического описания в синтаксическом словаре является предложение, а аналогом традиционной словарной статьи служит строка таблицы, содержащая его разноаспектную характеристику. Авторы надеются на основе полученных в ходе синтаксической разметки стихотворных контекстов данных получить «на выходе» типологию «грамматических композиций» поэтического текста, отражающую «процессы поэтического формообразования» [Яцкевич 1999: 4].

ЛИТЕРАТУРА

Белоусова А.С. Проблемы исследования стихового синтаксиса и поэтический корпус // Корпусный анализ русского стиха: Сб. научных статей. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014. С. 105-112.

Виноградов В.В. (ред.). Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1954. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М., 2006.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.

Ильенко С.Г., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения / Отв. ред. М.Я. Дымарский. СПб., 2007.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Ковтунова И.И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т. 1. М., 2005.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018).

Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55-82.

Пильщиков И.А., Старостин А.С. Проблемы автоматизации базовых процедур ритмико-синтаксического анализа силлабо-тонических текстов // Национальный корпус русского языка: 2006–2008: Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2009. С. 298-315.

Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.

Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2016.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб., 2017.

Скулачева Т.В., Буякова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37-54.

Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2013.

Шапир М.И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31-78.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Яцкевич Л.Г. Структура поэтического текста. Вологда, 1999.

Е.М. Матвеев

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА В СЛОВАРЕ «РИТОРИКА М.В. ЛОМОНОСОВА»

Статья посвящена проблемам формирования словника, которые возникли в ходе работы над словарем «Риторика М.В. Ломоносова». Описываются критерии выделения риторических терминов в главном источнике словаря — «Кратком руководстве к красноречию».

Ключевые слова: риторика, М.В. Ломоносов, словарь, терминология, словник.

1. В 2017 г. был опубликован подготовленный в ИЛИ РАН словарь [Риторика 2017] — первая, пробная, часть словаря риторической терминологии М.В. Ломоносова, которая включает 45 статей, содержащих терминологию раздела «О украшении» главного ломоносовского риторического трактата — «Краткого руководства к красноречию» (1747). Словарь, с одной стороны, содержит лексикографическое описание риторической терминологии как особой терминосистемы ломоносовского идиолекта, с другой, обращен к истории европейской и русской риторики: вторая часть словарного описания термина — «Диахронический риторический контекст» — демонстрирует контексты применения терминов Ломоносова и их аналогов в источниках, представляющих европейскую и русскую

риторическую традицию. Настоящая статья посвящена проблемам формирования словника, которые обсуждались в ходе работы над словарем и которые необходимо учитывать в случае продолжения работы над словарем риторической терминологии Ломоносова.

2. Работа над словарем и обсуждение проекта этого словаря [Риторика 2013] показали, что одной из самых существенных проблем при создании словаря риторической терминологии является выбор критериев для составления словника и определение его границ. В предисловии к словарю отмечается, что главным принципом включения лексической единицы в словник является отнесенность единицы к разряду риторических терминов [Риторика 2017: 14]. Соответственно, перед составителями словаря встал практический (но имеющий также и важное теоретическое значение) вопрос о критериях отбора риторических терминов из текста «Краткого руководства к красноречию».

3. Термин — это лексическая единица языка науки или языка для специальных целей, обладающая рядом особенностей или специфических признаков.

3.1. Соотнесенность со специальным понятием той или иной научной области.

Термины «всегда соотнесены со специальными понятиями, в отличие от общеобиходных слов, которые соотносятся с понятиями неспециальными» [Даниленко 1977: 16]. Термин называет, обозначает или выражает специальное понятие [Лейчик 2007: 23]; в этом проявляется его номинативно-дефинитивная функция [Даниленко 1977: 8].

3.2. Однозначность или семантическая определенность.

У терминологической лексики преобладает прямое (номинативное) значение. Однозначность проявляется также в том, что термины часто имеют определение (дефиницию) и определяются через другие термины. Однако исследователи проблем терминологии справедливо обращают внимание на то, что наличие сформулированной в тексте дефиниции не может считаться дифференциальным признаком термина. Рассматривая проблему определения, В.М. Лейчик отмечает, что по многим причинам говорить о термине как о слове или словосочетании, имеющем дефиницию, некорректно, «более точными представляются те определения термина, в которых сказано, что термин — лексическая единица, *требующая* определения» [Лейчик 2007: 24].

3.3. Системность.

Термин «непременно является элементом определенной совокупности языковых единиц, которая разными авторами называется *терминология* или *терминосистема*» [Там же: 18]. Поскольку понятие, которое обозначается термином, взаимосвязано с другими понятиями той же области и является элементом системы понятий, то и термин оказывается взаимосвязан с другими терминами внутри терминосистемы (т.е. связь между терминами внеязыковая, она основана на связи понятий друг с другом).

3.4. Употребление в научном контексте.

Термины, по словам В.П. Даниленко [1977: 19], «составляют главную специфику лексики языка науки» и «организуют в качестве базовых слов специальный контекст» той или иной научной области [Рупосова 1992: 116]. Помимо терминов, в язык науки входят еще две группы лексики: нетерминологическая лексика (нейтральная словесная ткань специального текста или речи) и общенаучная лексика (специальные слова, обслуживающие не одну научную область) [Даниленко 1977: 18]. Отметим, что у исследователей нет единого представления о том, что такое общенаучная лексика. Так, Даниленко относит к этому типу лексики такие слова, как *гипербола* (филол., матем.), *депрессия* (политич., геол., геогр., мед.), *редукция* (лингв., хим., биол.), т.е. слова, используемые в разных научных областях. Е.Н. Толикина [1974: 86] включает в общенаучную лексику слова, употребление которых не приурочено к какой-либо специальности, а «в равной мере обслуживает общение на разные специальные темы», например: *глобальный*, *дискретный*, *модель*, *инвариант*, *уровень* и др. Представляется, что второй подход более логичен, так как в первом случае речь идет о своеобразной терминологической омонимии: *гипербола* (филол.) и *гипербола* (матем.) включены в две разные терминосистемы. Не случайно А.А. Реформатский [1986: 166] писал о многозначности термина вне данной терминологии и об однозначности термина в пределах данной терминологии.

3.5. Конвенциональность.

Термин обладает «специальным терминологическим значением», которое «достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия» [Прикладное языкознание 1996: 72]. Это значение складывается в результате коллективной договорен-

ности, которая, как отмечает А.С. Герд, может быть сознательной, а может быть стихийно сложившейся [Там же]. Конвенциональность термина влечет за собой его воспроизводимость.

4. Рассмотренные основные признаки термина в целом применимы к риторической терминологии Ломоносова. Использованные им в «Кратком руководстве к красноречию» термины — это слова, соотнесенные со специальными понятиями риторики как особой области знаний, они употреблены в риторическом контексте (в качестве научного контекста выступает как терминология ломоносовского риторического трактата, так и терминология европейской и восточнославянской риторической традиции в целом), они используются в соответствии со стихийно сложившейся коллективной договоренностью (наличие общеевропейской риторической традиции являет собой эту договоренность). Отдельно остановимся на проблеме семантической определенности и системности риторических терминов Ломоносова.

Большинство риторических терминов Ломоносова имеют дефиниции в тексте «Краткого руководства к красноречию». Однако обращение к тексту ломоносовской «Риторики» подтверждает тезис о необязательности эксплицитного определения термина. Некоторые очевидные риторические термины (об очевидности мы можем судить, опираясь на общеизвестные данные исследований риторической традиции) не имеют в тексте «Краткого руководства к красноречию» определения или толкования. Так, у Ломоносова отсутствует дефиниция термина *общее место*; центральное понятие всей ломоносовской риторической теории *сопряжение* также оставлено без определения (этот термин используется в названии главы «О сопряжении простых идей», но нигде не определяется).

Система ломоносовской риторики хорошо изучена и описана исследователями. В частности, о ломоносовской риторике как о системе подробно пишет Л.И. Сазонова [2013]. Словник риторических терминов должен отражать эту систему; другими словами, в словник должны быть включены термины, обозначающие те понятия, которые составляют элементы риторической терминосистемы, созданной в «Кратком руководстве к красноречию».

5. Пытаясь вычленить те понятия, которые составляют элементы риторической терминосистемы Ломоносова, и практически сформировать словник, мы сталкиваемся с рядом существенных трудностей.

Во-первых, в число важнейших риторических понятий включаются слова, не обладающие, как кажется, специальным терминологическим значением, то есть такие, семантика которых не отражает какого-либо специального, специфически риторического, понятия. В особенности это касается ряда понятий в первой части «Риторики» — «О изобретении». Например, дефиниция понятия *идея* у Ломоносова выглядит следующим образом: «Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем» [Ломоносов 1952: 100]. Ср. весьма сходное толкование слова *идея*: «Идея — представление какой-либо вещи, действия или предмета в уме; умопонятие» [САР, III: 203]. То же самое касается таких понятий, как *страсти*, *добродетели*, *пороки*, *целое*, *часть*, *причина*. Приведем еще один показательный пример. Как известно, одна из важнейших частей риторического учения, представленная у Ломоносова в соответствии с многовековой риторической традицией, описывает проблему рецепции текста слушателем и связанное с этой проблемой учение о страстях и нравах. Это учение изложено Ломоносовым в шестой главе первой части «Краткого руководства» — «О возбуждении, утолении и изображении страстей». Здесь находим множество определяемых слов, значение которых, как и в случае со словом *идея*, не является специально-терминологическим (например, *страсть*, а также различные виды страстей: *радость*, *печаль*, *любовь*, *ненависть*, *надежда*, *боязнь*, *гнев*, *сожаление*, *милосердие*, *честь*, *честолюбие*, *стыд*, *зависть*, *ревность*, *раскаяние*). Такие слова могут быть включены в словник на основании их семантической определенности (наличия эксплицитной дефиниции), однако в этой же главе в одном ряду с ними находим понятия без дефиниций, которые с точки зрения системности также стоило бы включить в словник: это слово *нравы* («Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно» [Ломоносов 1952: 168]), а также слова *смех* и *слезы*. *Смех* и *слезы* — это особые «формы» рецепции, которые рассматриваются Ломоносовым в финале главы о страстях: «Итак, остается еще упомянуть о смехе и о слезах. Первое происходит от представления таких вещей, которые в себе прекословие заключают, то есть которые в натуре быть не могут или нравам и обыкновениям человеческим весьма противны и общему понятию странны кажутся <…> Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпиграммах, где главное и нужное сего употребле-

ние. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оного остерегаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство» [Там же: 194–195]. С точки зрения риторической системы, снабженные дефинициями понятия *любовь* и *гнев*, с одной стороны, и не снабженные дефинициями понятия *смех* и *слезы*, с другой стороны, равнозначны и должны быть включены в словник. Таким образом, определяющим признаком термина в «Риторике» Ломоносова оказывается не специальное, отличающееся от общеязыкового, терминологическое значение лексемы и не наличие дефиниции, а системность, то есть включенность лексической единицы в определенные ряды, связанные с классификацией понятий риторики.

Во-вторых, рассматривая различные уровни ломоносовской риторической системы, мы сталкиваемся со случаями, когда те или иные понятия выражены не однословным терминологическим наименованием, а описательно. Предисловие к «Краткому руководству» содержит перечисление требований к хорошему ритору: *природные дарования*, *подражание авторов*, *упражнение в сочинении*, *знание других наук* [Там же: 92]. Требования к ритору — это одна из важнейших составляющих риторического учения. Понятия, связанные с этим разделом риторики, несомненно должны быть отражены в словаре. С другой стороны, практическая сторона дела вызывает большие сомнения. Еще можно себе представить словарную статью с заголовочной единицей *природные дарования* или *подражание авторов*, но статья с заголовочной единицей *знание других наук* может вызвать недоумение[1].

В-третьих, в тексте «Краткого руководства» встречаются термины смежных с риторикой областей, прежде всего грамматики (*падеж*, *наречие*), логики (*рассуждение*, *силлогизм*, *посылка*, *следствие*) и поэтики (*проза*, *поэма*, *басня*, *загадка*). Иногда эта смежность была предметом рефлексии Ломоносова. Например, в некоторых случаях он проводит сопоставление риторической и логической терминологии: «Сложенные идеи *по-логически* <курсив мой. — *Е. М.*> называются рассуждениями» [Ломоносов 1952: 117]. В других случаях он сопоставляет общефилологическую и

[1] Осознавая это, мы все же включили сочетание *знание других наук* в предварительный словник словаря.

специальную риторическую терминологию: «Сопряжением простых идей составленные предложения называются *по-риторически* <курсив мой — *Е. М.*> периодами» [Там же: 121]. Распределение терминов, например, между риторикой и грамматикой у Ломоносова иногда не вписывается в современные привычные представления. В § 34 Ломоносов пишет: «Сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют. Оне имеют две части — подлежащее и сказуемое. Оное значит вещь, о которой рассуждаем, а сие показывает самое то, что рассуждаем о подлежащем» [Там же: 117]. На первый взгляд кажется, что Ломоносов в «Риторике» напоминает читателю основную грамматическую терминологию. Однако это не так. Термины *подлежащее* и *сказуемое* в «Российской грамматике» отсутствуют, как вообще отсутствуют в ней разделы, посвященные синтаксису, соединению слов в предложения. Слова *подлежащее* и *сказуемое* в идиолекте Ломоносова встречаются только в тексте «Краткого руководства». Таким образом, *подлежащее* и *сказуемое* в системе ломоносовских представлений — это термины именно риторики, а не грамматики.

Наконец, в-четвертых, для отбора единиц словника словаря особую проблему составляют зачеркнутые фрагменты текста «Риторики». Здесь мы сталкиваемся с двумя типами явлений:

а) зачеркнутые термины, которые Ломоносов исключил из системы риторических терминов-понятий. Примером такого термина может служить троп *ипербатон*, который Ломоносов первоначально включил в раздел тропов предложений. Кроме того, названия некоторых литературных жанров (*повесть*, *сказка*) присутствуют только в зачеркнутых фрагментах[2]. С учетом того, что словарь ставит своей целью отразить систему риторических терминов-понятий ломоносовской «Риторики», исключенные самим Ломоносовым из текста понятия не должны включаться в основной словник словаря. При необходимости они могут быть описаны в особом разделе или в приложении к словарю;

б) варианты терминов, от которых Ломоносов отказался. Например, *единознаменование* вместо зачеркнутого *соименство*, *ле-*

[2] Их исключение из текста «Краткого руководства к красноречию» может быть объяснено ломоносовским замыслом написать трехчастный труд — Риторику, Ораторию и Поэзию [Ломоносов 1952: 97].

ствица [Ломоносов 1952: 257]. Такие термины должны обязательно попасть в словник, так как они отражают процесс создания Ломоносовым русской риторической терминологии.

6. На основании вышеизложенного сформулируем общие принципы составления словника словаря «Риторика М.В. Ломоносова»:

а) в словник включаются только термины, являющиеся существительными и номинативными словосочетаниями[3];

б) главный принцип, на основании которого лексическая единица включается в словник, — **системный**. Сохраняя в качестве формального практического критерия выделения риторического термина наличие определения (толкования) в тексте «Краткого руководства к красноречию», мы включаем в словник также некоторые термины, не имеющие эксплицитного толкования на том основании, что они входят в риторическую систему понятий ломоносовской риторики. Системность состоит в том, что лексическая единица включена в определенные классификационные ряды в тексте «Краткого руководства» и состоит с другими терминами в гипонимических отношениях (например, *общее место* и его разновидности). Дополнительным доказательством того, что та или иная единица входит в число риторических терминов, может быть анализ функционирования данной единицы в пределах риторической традиции;

в) на основании системного подхода в словник включаются слова, по-видимому, не обладающие специальным терминологическим значением (*идея*, *страсти*, *любовь*, *слезы* и др.);

г) термины смежных с риторикой областей включаются в словник, если в тексте «Краткого руководства к красноречию» дается их толкование (*басня*, *силлогизм* и др. включаются, *наречие*, *падеж* и др. не включаются). Термины смежных наук, которые Ломоносов истолковывает в «Кратком руководстве», можно считать риторическими терминами в широком смысле (они входят в риторическую систему);

д) среди зачеркнутых терминов в словник попадают только исключенные дублеты (варианты) термина.

---

[3] О классификации терминов по частям речи см., например: [Лейчик 2007: 94].

ЛИТЕРАТУРА

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.

Прикладное языкознание / Под ред. А.С. Герда. СПб., 1996.

Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 168-198.

Риторика М.В. Ломоносова: проект словаря / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2013.

Риторика М.В. Ломоносова. Тропы и фигуры / П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, А.А. Ветушко-Калевич, Н.В. Карева, К.Н. Лемешев, Е.М. Матвеев и др. / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2017.

Рупосова Л.П. Принципы номинации в русской музыкальной терминологии XV–XVII вв. // Семантика русского языка в диахронии: Лексика и грамматика. Калининград, 1992. С. 116-123.

Сазонова Л.И. Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М.; СПб., 2013. С. 20-40.

САР — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

Толикина Е.Н. Термин в Толковом словаре // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: к 80-летию чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М., 1974. С. 78-88.

А.С. СМИРНОВА
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

ПОЛИСЕМИЯ РУССКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА М.В. ЛОМОНОСОВА»

В статье рассматривается полисемия на примере многозначного прилагательного *простой* и его латинских эквивалентов, встречающихся в корпусе текстов М.В. Ломоносова. Сопоставление особенностей семантической структуры слова *простой* с выявленными латинскими эквивалентами показывает, что 1) в языке Ломоносова семантической структуре русского прилагательного в целом соответствует структура значения латинского *simplex*; 2) представление в словарной статье всех иноязычных эквивалентов способствует верной интерпретации русских текстов Ломоносова.

Ключевые слова: полисемия, русский, латинский, Ломоносов, словарная статья.

Лексическая полисемия ставит перед лексикографами ряд серьезных теоретических и практических проблем. По словам В.В. Виноградова, «эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрестанных смешениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и правильности их определения» [Виноградов 1977: 169].

В «Словаре языка М.В. Ломоносова» трудности, указанные В.В. Виноградовым, «дают себя знать» в той большей степени, что в нем описывается лексический материал нескольких языков (в основном русского, латинского и немецкого).

Полисемия требует особого подхода к оформлению многоязычной словарной статьи, в которой, по сути, сопоставляется семантическая структура слов-эквивалентов в нескольких языках, прежде всего — в русском и латинском.

В данной статье представление полисемии в «Словаре языка М.В. Ломоносова» будет рассмотрено на примере прилагательного *простой* и его соответствий в латинских текстах автора.

В существующих исторических и толковых словарях русского языка у прилагательного *простой* выделяется различное количество сем. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» описывает 16 значений [Сл. РЯ XI–XVII, 20: 233–234], в «Словаре Академии Российской» представлено 8 значений [САР, 4: 1091–1092], в «Большом академическом словаре» — 12 значений [БАС, 21: 274–276], в «Толковом словаре ключевых слов русского языка» — 10 значений [Толковый словарь 2014: 447], в отдельном исследовании, посвященном прилагательному *простой*, Е.Э. Бабаева выделяет 6 идейных блоков, составляющих в общей сложности 17 значений [Бабаева 2006: 833–842].

Рассмотрим значения слова «просты́й», отмеченные в САР и ЛП — в словарях, хронологически наиболее близких к текстам М.В. Ломоносова:

1. Несложный.
2. Порожний, не занятый ни чем.
3. Обыкновенный, не имеющий прикрас.
4. Нетрудный, незапутанный.
5)* Безпритворный, безковарный, чистосердечный, нелукавый.
6)* Непросвещенный науками, неученый.
7)* Глупый, оплошный.
8)* Низкий, неотличный.

САР выделяет 4 прямых значения и 4 переносных. Необычное для современного русского языка значение «порожний» (2) приведено в словарной статье САР перед значением «обыкновенный» (3) как более распространенное и употребительное. В разных значениях оказываются «неученый» (6*) и «глупый» (7*). Метафорическим значением «простого» является определение этим словом человека низкого происхождения (8*).

В «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова прилагательное *простой* описано в двух статьях, семантически соответствующих значениям 8* и 2 в САР:

Просты́й — ἁπλὸς («простой»), ποταπὸς («неизвестного происхождения»), ἰδιώτης («простолюдин»), idiota («простолюдин»), simplex («простой») [ЛП 1704: 63].

Просты́й, зри **поро́жный** — τόωιϊ, κενὸς («пустой»), λαγαρὸς («бедный»), vacuus («пустой»), expers («лишенный») [Там же: 24].

В текстах Ломоносова мы обнаруживаем 306 употреблений слова *простой* и предварительно выделяем 7 значений этого слова, расположенные в порядке убывания по частотности употребления, к которым примыкают различные латинские эквиваленты из параллельных текстов и переводных работ Ломоносова:

● — Обычный, не имеющий дополнительных свойств, дополнительного оснащения (обычно об инструментах).
Латинские эквиваленты — quotidianus, trivialis, simplex.

♦ — простым глазом (лат. nudo oculo), простыми глазами.

● — Односложный.
Лат. — simplex.

● — Элементарный.
Лат. — simplex.

● — Обыкновенный (хим.)
Лат. — communis, vulgaris, simplex.

● — Низкого происхождения, необразованный.
Лат. — rudis, vulgus (т.е. «простой народ»).

● — Грубый, неотделанный.
Лат. — rudis, rusticus.

● — Пустой, полый.

Набор значений этого прилагательного в языке Ломоносова в основном совпадает с представленными в указанных словарях значениями. Расхождения объясняются характером корпуса текстов языка Ломоносова: в них преобладают научные работы, включающие специальную лексику (физические, химические, риторические или грамматические термины) в значительно большей пропорции, чем тот язык, который, как правило, становится предметом описания толковых словарей.

В русских текстах Ломоносова прилагательное *простой* обычно появляется в группах препозитивных определений, напри-

мер, *«самыми первоначальными простыми и несмешанными материями»* (3,332[1]), *«простой и весьма понятный пример»* (3,334), *«простые, твердые и неразделимые частицы или атомы»* (2,143, ср. лат.: *«simplicissimi et solidissimi atomi»*, 2,142), *«простой и всякому известный опыт»* (3,391, ср. лат.: *«experientia trivialis»*, 3,390), *«простое и неоспоримое математическое основание»* (3,391, ср. лат.: *«simplicissimum axioma»*, 3,390), «*повседневное и самое простое искусство»* (3,391, ср. лат.: *«quotidiana experientia»*), *«простые и повседневные явления»* (3,391, ср. лат. *«communia phaenomena»*, 3,390).

Латинские соответствия в параллельных текстах показывают, что необходимость в определениях, уточняющих значение термина *простой*, возникала при сочинении научных текстов на русском языке и переводе на него из-за отсутствия устоявшейся терминологии (например, *«experientia trivialis», «communia phaenomena»*). В словосочетании *«простое и неоспоримое математическое основание»* (*«simplicissimum axioma»*) прилагательное *неоспоримый* тесно связано с понятием *математическое основание* и не является уточнением прилагательного *simplicissimus*.

Словосочетания «простой народ», «простой человек (отрок, гражданин)» нередко распространяются двучленными атрибутивными группами (*«человек простой и убогий»* [2,366], *«простой и суеверный народ»* [6,223], *«простые, безграмотные мужики»* [6,396], *«простой или неученый народ»* [4,327, ср. лат. *«plebemne rudem et indoctam»*, 4,326)) и обозначают суеверных и необразованных людей. Таким образом, в значении «низкого происхождения» появляется подзначение «необразованный». Это подтверждается также материалом переводов Ломоносова с латыни, например, *«отрок из простых»* (7,265, ср.: *«adulescentulum privatum»* [*Cic*. Pro lege Manilia XXI,61]), *«царствовал в простом народе»* (7,314, ср.: *«agrestium regnavit populorum»* [*Horat*. Od. 3,30]), *«перед простым народом»* (7,195, ср.: *«in imperita multitudine»* [*Cic*. Pro Mur. XXIX, 61]). Латинские соответствия (*agrestis*, *imperitus*, *privatus*) в текстах Цицерона и Горация, цитаты из которых переведены Ломоносовым, позволяют точнее определить оттенки значения русского прилагательного. Это обстоятельство дополнительно обосновыва-

[1] Примеры цитируются по изданию: [Ломоносов 1950–1983]. В ссылке указывается номер тома и страницы.

ет необходимость обращения к текстам оригиналов переводных текстов при составлении «Словаря языка М.В. Ломоносова».

В значении «обычный, не имеющий дополнительных свойств (дополнительного оснащения)» в параллельных текстах и переводах Ломоносова прилагательному *простой* чаще всего соответствует латинское *simplex*: *«самый простой игрометр»* (т.е. измеритель влажности) (1,464, ср. лат. *«hygrometrum simplicissimum»* [Thümmigius, 1729: 289]), *«темная каморка простая»* (1,491, ср. лат. *«camera obscura simplex»* [Ibid., 1729: 325]), *«простые ниточки»* (1,501, ср. лат. *«filamenta simplicia»* [Ibid., 1729: 339]) и др. *Quotidianus* и *trivialis* появляются в этом значении в автопереводах Ломоносова по одному разу. Частое выражение, встречающееся у Ломоносова как в его собственных текстах, так и в текстах его переводов, — «простым глазом», лат. «nudo oculo» — равнозначно современному «невооруженным глазом», означает: «поддающийся зрению человека без применения оптических приборов».

В значении «односложный» прилагательное *простой* выступает в составе риторических и грамматических терминов, например, *«простая идея», «действительный (страдательный) простой»* (о еврейском глаголе), *«первообразные (производные) простые числительные», «простые глаголы», «простые местоимения», «простые наречия»*. Все они объединены идеей односложности (это означает, как правило, что денотат состоит из одного компонента, слова), противополагаются терминам с определением *сложный* (состоящий из двух и более частей, слов). В латинских текстах Ломоносова, не переведенных им на русский язык, все соответствующие термины включают определение *simplex*, например, *«simplex et compositum»* (о способах спряжения глаголов, 7,696).

Значение «элементарный» включает в себя идею первоначала *«самые простые, твердые и неразделимые частицы или атомы»* (2,143, ср. лат. *«simplicissimi et solidissimi atomi»* [2,142]), *«самые первоначальные простые и несмешанные материи»* (3,332), *«простое существо»* (3,385, ср. лат. *«ens simplex»* [3,384]). В собственно латинских текстах Ломоносова в этом значении имеется только *simplex* (*«corpus simplex»* [1,78], *«ens simplex»* [1,118] и др.).

Значение «обыкновенный» относится к «естественному миру» и «чистым веществам», минералам без примесей: *«соль простая»* (1,469, ср. лат. *«sal communis»*), *«простое железо»* (5,375), *«сера простая»* (5,96, ср. лат. *«Sulphur vulgare»* [MIP 1745: 33]) и т.д.

В некоторых случаях в параллельном латинском тексте нет точного эквивалента: так, «простой орех», обозначающий размер, величину, в латинском тексте — «nux avellana». Надо думать, предлагая такой перевод, Ломоносов ориентировался на реалии, понятные русскому читателю.

В значениях «низкого происхождения, необразованный» и «грубый, неотделанный» латинские эквиваленты встречаются у Ломоносова 1–2 раза.

Один пример употребления прилагательного *простой* в значении «пустой, свободный от чего-то» встречается в ломоносовском переводе немецкой статьи Г.В. Крафта «Продолжение описания разных машин» (рус. *простой* — нем. *frey*): *«Сии (т.е. шатры) имеют в нутре простое место»* (11,65). Ср.: *«Diese haben inwendig einen freyen Raum»* [Kraft 1742: 177].

Как видно из рассмотренного выше материала, в латинских текстах Ломоносова и латинских оригиналах его переводов для русского прилагательного *простой* обнаруживается целый ряд эквивалентов: *simplex*, *communis*, *nudus*, *quotidianus*, *rudis*, *rusticus*, *vulgaris*, *trivialis* (последнее встречается в корпусе текстов Ломоносова единожды).

Особенности их семантики можно охарактеризовать следующим образом:

communis (*«sal communis»*, *«pulvis pyrius communis»*) указывает на распространенность и общеизвестность;

nudus — в сочетании *«nudo oculo»* — указывает на отсутствие дополнительного оснащения, зрительных инструментов;

quotidianus (*«quotidiana experientia»*) указывает на повторяемость, свойственную обыкновенным и распространенным явлениям;

rudis (*«lapis rudis»*) значит «необработанный», естественный, какой встречается в природе;

rusticus — только в сочетании *«rusticum carmen»* — означает простоту и необработанность народной песни;

vulgaris (*«sulphur vulgare»*, *«alumen vulgare»*) — общераспространенный, что в терминах естественных наук передается определением «обыкновенный»;

trivialis (*«experientia trivialis»*) — общеизвестный.

Следует заметить, что из перечисленных прилагательных шесть — *simplex*, *communis*, *rudis*, *vulgaris*, *nudus*, *quotidianus* — сами по себе в языке Ломоносова выступают многозначными словами.

Как устойчивое сочетание можно отметить *«quotidiana experientia»* (10 раз), или *«повседневное и самое простое искусство»*, то есть повседневный опыт; в том же значении используется *«trivialis experientia»* (1) и *«vulgaris experientia»* (1), таким образом, прилагательные *quotidianus*, *trivialis* и *vulgaris* являются контекстуальными синонимами.

Самый частотный эквивалент прилагательного *простой*, *simplex* (47 употреблений), употребляется в работах Ломоносова в значениях «односложный», «элементарный», «обычный, не имеющий дополнительных свойств, дополнительного оснащения», «обыкновенный». Отметим, что прилагательные *простой* и *simplex* сходны и в своих антонимических связях, например: простой — двойной (о брусках, лат. simplex — duplex), простой — сложный (например, об инструменте, цвете, лат. simplex — compositus / mixtus), простой — высокий (о стиле, лат. simplex — oratorius). Таким образом, семантической структуре русского слова *простой* в языке Ломоносова в целом соответствует структура значения многозначного *simplex*, что во многом объясняется преобладанием научных текстов в его литературном наследии.

Как показывает приведенный в настоящей статье разбор семантической структуры прилагательного *простой*, при составлении полного «Словаря языка М.В. Ломоносова» необходимо учесть в словарных статьях все иноязычные эквиваленты русской лексики Ломоносова, представленные в его собственных текстах и в сочинениях цитируемых им авторов. Обращение к ним полезно как для интерпретации отдельных мест в русских сочинениях Ломоносова, так и для изучения разрабатывавшейся им терминологии естественных и гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. С. 761-844.

БАС — Большой академический словарь. Т. 1–24–. СПб., 2004–2017–.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983.

ЛП — Поликарпов Ф.П. Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровище. М., 1704.

САР — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–28–. М., 1975–2008 –.

Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. рук. Г.Н. Скляревской. СПб., 2014.

Kraft G.W. Fortsetzung der Beschreibung mancherley Maschinen / Anmerckungen bey den Zeitungen. St. 44 und 45. SPb., 1742.

MIP — Musei Imperialis Petropolitani volumen 1, pars 3: res naturales ex regno minerali. SPb., 1745.

Thümmigius L.Ph. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae. Opera Ludovici Philippi Thümmigii. Francofurti et Lipsiae, 1729. T. I.

А.А. Хуснутдинов
*Ивановский государственный университет,
Иваново*

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА А.Н. ОСТРОВСКОГО»

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности содержания и построения «Словаря языка А.Н. Островского», принципы отбора и расположения в нем языкового материала, а также приемы и способы его лексикографической разработки. Показывается, что индивидуальность данного словаря в ряду других авторских словарей определяется своеобразием творческого наследия русского драматурга и стремлением составителей показать современному пользователю лексикон А.Н. Островского в том виде, в каком он представлен в его текстах.

Ключевые слова: русский язык, русская лексикография, авторский словарь, словарь языка писателя, А.Н. Островский.

Особенности содержания и построения словаря языка писателя формируются в результате удовлетворения ряда условий и требований, которые определяются, с одной стороны, спецификой самого материала, представленного в творческом наследии автора, с другой — назначением и адресатом самого словаря, целями и задачами составителей, концепцией, заложенной в основу словаря, и т.д. Не является исключением в этом смысле и «Словарь языка А.Н. Островского» [2012] (далее — Словарь).

Словарь составлен на основе «Частотного словаря языка А.Н. Островского», включающего в себя расположенный в алфавитном порядке перечень всех слов, содержащихся в текстах Ост-

ровского, опубликованных в 12-томном собрании его сочинений [Частотный словарь 2012]. При определении списка слов, подлежащих описанию в Словаре, из словника были исключены имена собственные (имена исторических и мифологических лиц, имена персонажей произведений, наименования обществ и организаций, наименования географических объектов и т.д.). Исключение имен собственных объясняется необходимостью их отдельного и особого описания, что связано с их категориальным своеобразием как особых единиц языка. О представлении в Словаре фразеологизмов будет сказано ниже.

Основная задача Словаря — представить лексикон Островского в том виде, в каком он находит отражение в его текстах. Это требовало такого описания в Словаре состава и употребления лексических единиц, которое позволило бы пользователю увидеть своеобразие языка и стиля писателя, индивидуальные черты его лексикона и особенности использования слова в художественных и нехудожественных текстах разных типов и жанров. Важно также, что Словарь преследует как научные, так и практические цели: с одной стороны, он должен удовлетворять научные запросы исследователя творчества Островского, представляя в системном и обработанном виде языковой материал; с другой стороны, он должен быть практическим пособием, способным помочь современному читателю установить особенности значения и использования слов, которые могут потребовать каких-либо разъяснений и комментариев. Отдельной категорией пользователей Словаря следует назвать также актеров и режиссеров, участвующих в постановках пьес Островского на современной сцене.

Словарь должен представить лексику всех текстов Островского в соответствии с периодизацией его творчества (1840–1850, 1860, 1870–1880 гг.). Это означало, что в Словаре должны быть показаны особенности употребления каждого включенного в словник слова в разные периоды творчества писателя. Было очевидно, что «полный» вариант, при котором в Словарь включаются все без исключения слова и все контексты, в которых они употребляются, оказывается неприемлемым, так как при этом значительно — и часто неоправданно из-за повторяющихся цитат из текстов — увеличивается объем Словаря. При «полном» варианте, например, предложение, состоящее из шести слов, должно быть включено в текст Словаря в качестве иллюстрации шесть раз, при описании

каждого слова из этого предложения, что привело бы к появлению большого количества дублирующих цитат. Поэтому в Словаре объем иллюстративного материала в словарной статье ограничивается за счет исключения однотипных цитат (количество примеров с однотипным, аналогичным употреблением слова сокращается до одного контекста) и представлением цитаты в том минимальном объеме, который достаточен для раскрытия значения слова и характеристики его использования в данном контексте (купюры в цитате отмечаются знаком «<..>»). Однако при этом составители стремились к тому, чтобы такие ограничения не наносили ущерба полноте описания слова в Словаре.

Объем иллюстративного материала в словарной статье определяется: функционированием слова в текстах Островского в одном или нескольких значениях (описывается и иллюстрируется каждое значение); представленностью слова в текстах разных периодов и разных жанров (в художественных и нехудожественных текстах в каждом периоде творчества, а также в дневниковых записях, официальных и личных письмах); разнообразием грамматических форм (причастных, деепричастных, форм сравнительной степени и т.д.); количеством и разнообразием вариантов, описываемых внутри словарной статьи (*бальзам*, *бальсам*, *бальсанец*); использованием слова в составе устойчивых сочетаний разных типов (*ангел*, *ангел-хранитель*, *день ангела*, *ангел небесный*, *ангел-девочка*). Объем иллюстраций увеличивается, если минимальное количество цитат не дает достаточно полного представления об особенностях использования слова (например, необходимость иллюстрирования употребления слова *барский* в таких сочетаниях, как *барское дело*, *барский род*, *барские замашки*, *барская спесь*, *барские деликатности*, *барское захолустье*, *барская рука*, *не барское это дело* и т.д.).

Таким образом, при описании слова составители Словаря стремились выдерживать принцип полноты, сокращая только то, что не нанесет значительного ущерба пользователю. Так, в Словаре с целью сокращения объема отдельно не описывались некоторые группы слов, значение и употребление которых у современного читателя не вызывает затруднений, в частности количественные и порядковые числительные, служебные слова, которые в текстах Островского весьма частотны и используются так же, как и в современной речи. Однако некоторые из указанных разрядов слов

включались в словник Словаря и получали полноценную лексикографическую разработку, если они, с точки зрения составителей, важны для характеристики языка писателя (*аки*, *аже*, *один*, *первый*, *эфто* и т.п.).

Указанными требованиями определялись также принципы расположения единиц в Словаре и место их разработки. В Словаре принят алфавитный принцип расположения с элементами гнездования. Большая часть слов, включенных в словник, описывается в отдельных словарных статьях. Здесь слово получает лексикографическую разработку по всем параметрам в соответствии с принятыми в Словаре принципами описания. Часть слов помещается в гнездо и разрабатывается внутри словарной статьи на основное слово. При этом они сохраняют свое место в общем перечне описываемых слов и снабжаются ссылкой «См.» на основное слово. Таким образом, пользователь имеет возможность найти место разработки любой включенной в словник Словаря лексической единицы. Внутри словарной статьи разрабатываются: вариантные формы слов (*адский*/*адской*), искаженные формы слов (*абвокат*, *антрыга*, *бралиантовый*), слова с уменьшительно-ласкательным значением (*ананасик*, *балаганчик*, *банька*). Поэтому некоторые словарные статьи имеют значительный объем (например, в первом томе Словаря: ***вода*** — с. 276–281, ***глаз*** — с. 396–403, ***голова*** — 418–422 и др.). Такие объемные словарные статьи показывают и степень значимости обозначаемых данными словами понятий (концептов) в лексиконе автора.

Указанными требованиями определяются и особенности описания различных сторон слова. При определении параметров описания составители обращали внимание на то, чтобы расхождения в характеристиках описываемых в Словаре слов с употреблением их в современной речи, связанные с изменениями, произошедшими в языке за последние полтора столетия, не могли существенным образом повлиять на объективность и качество разработки языкового материала. Поэтому в Словаре не обозначается ударение слова и не используются пометы, указывающие на такие свойства слова, которые могли подвергаться изменениям за предшествующий исторический период (сфера употребления, стилистическая окраска, историко-временная отнесенность). Однако все свойства слова, касающиеся его формы, содержания и употребления, учитывались при отборе языкового материала: материал для словарной статьи

подбирался таким образом, чтобы он отражал не только особенности формы и значения описываемых слов, но и их лексическую и грамматическую сочетаемость, ситуацию употребления, стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску и т.д. При этом в качестве обязательных принимались следующие параметры: орфография (в соответствии с современной нормой правописания), толкование значения (значений), грамматические свойства слова, лексическая и грамматическая сочетаемость, стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска, употребление слова в составе устойчивых сочетаний, ситуация использования слова, авторское употребление слова. При необходимости в описание слова включалась и другая информация: сведения энциклопедического характера, дополняющие толкование значения слова и объясняющие особенности использования слова в данном контексте или речевой ситуации; сведения о происхождении слова, позволяющие объяснить особенности значения слова и мотивировать его использование в том или ином контексте; сведения о сфере употребления слова (для слов с ограниченной сферой употребления), историко-временной отнесенности (для устаревших слов и значений) и иных особенностях речевой реализации слова (речевой ситуации). Целенаправленный отбор цитат позволяет отразить все стороны (свойства) слова и дать достаточно полное представление об особенностях его использования в отдельном контексте, тексте, языке Островского в целом.

Следует отметить и такое свойство Словаря, как полифункциональность элементов словарной статьи, когда отдельные зоны (заголовка, толкования, иллюстраций) содержат информацию, которая отражает характеристику слова одновременно по нескольким параметрам. Так, в заголовке отражается написание слова, его исходная форма, варианты (***веление***/***веленье***), лексическая и грамматическая сочетаемость (***брудершафт*** *пить*, *выпить*); в толковании — значение слова, соотношение его с другими словами, парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.д.), лексико-грамматические свойства (дефиниция составляется с учетом частеречной принадлежности описываемого слова), авторское употребление (***бородач*** — бородатый человек // человек из купеческого сословия; купец); сведения о происхождении слова и сфере его распространения (***алебардщик*** — тот, кто вооружен алебардой (бердышом) — старинным холодным оружием в виде длинного копья с насаженным на него топориком или секирой, алебардист;

аквамариновый — сделанный из аквамарина, драгоценного камня голубовато-зеленого цвета (от лат. aqua marina — морская вода); ***богатырь*** — рослый, крепкого сложения, сильный человек (от героя русских былин и сказок, отличающегося необычайной силой, мужеством, удалью); ***амбал*** — грузчик (обычно в южных портах). Вместо толкования используются и отсылки к соответствующим основным статьям: ***артистка*** — женск. к ***артист***; ***бражка*** — то же, что ***брага***). Так же многофункциональна и зона иллюстраций: в ней находят отражение те особенности слова, которые определяют возможности его использования в речи. Описание лексических единиц в Словаре было ориентировано на то, чтобы обеспечить пользователю полноценное восприятие каждого слова во всех случаях его использования в текстах Островского.

Следует особо сказать об описании в Словаре устойчивых сочетаний. Фразеология играет важную роль в произведениях Островского, поэтому она заслуживает специального описания в особом — фразеологическом — словаре. В Словаре фразеология дается и описывается избирательно, с ориентацией на слово, которое выступает в качестве компонента сочетания. Цель включения в словарную статью устойчивых сочетаний — показать возможности использования слова в составе устойчивых выражений разных типов. Этим же определяется их размещение (внутри словарной статьи) и глубина разработки. (Полное и всестороннее лексикографическое описание состава и употребления фразеологических единиц в текстах Островского является задачей будущего.)

Ориентацией на пользователя обусловлены также приемы лексикографического описания и метаязык Словаря: составители стремились придать Словарю привычную форму толкового словаря, использовать такие приемы и способы описания, которые широко применяются в лексикографической практике, в том числе самые простые, ясные, общепринятые сокращения и минимум условных знаков.

Для иллюстрации сказанного приведем фрагменты отдельных словарных статей из первого тома Словаря.

АДАШЕВЕЦ. Сторонник А.Ф. Адашева. Алексей Федорович Адашев — окольничий, один из ближайших советников Ивана Грозного в первый период его царствования. Член Избранной рады — неофициального правительства Русского государства в конце 40–50-х гг. XVI века. Попав в опалу, Адашев был от-

правлен воеводой в город Феллин, где и умер, находясь под стражей, в 1561 г. *[Царь:] Молчи, холоп! Я знаю вас давно,* ***Адашевцы****! Вам не любо, что воли Я не даю вам прежней. Вы хотите, По старому, связать мне руки. Знаю Боярское раденье ваше, помню!* Василиса Мелентьева.

АДМИРАЛ. Воинское звание высшего командного состава в военно-морских флотах; лицо, имеющее такое звание. *Мы живем в гостинице у Александра Васильевича, все здешнее начальство: губернатор Смекалов, вице-губернатор — князь Еристов, начальник порта,* ***адмирал*** *Греве у нас с утра до ночи, завтракают и обедают вместе с нами и всюду нас сопровождают.* Письмо М. В. Островской, 25 окт. 1883. *В Батум приехали в 11 $^{1}/_{2}$ часов. Нас встретил начальник порта* ***адмирал*** *Греве. <..> Утром был в мечети с кн. Эристовым и* ***адмиралом*** *Греве.* Дневники. 1883. // Самый старший, самый главный. *От Нижнего мы плыли при постоянно попутном холодном ветре с дождями и шквалами, живописные берега, на короткие промежутки освещаемые солнцем, грустно улыбались, глядя на нас; к счастию судьба нам послала вместо одного пароходного капитана двух <..>, что очень приятно, если взять в расчет, что они оба моряки и оба пьяницы. Горбунов, разумеется, сейчас же принял над ними начальство как старший чином (в городах он Генерал, на воде* ***Адмирал****), на пароходе водворился порядок, подняли адмиральский флаг и дело пошло как по маслу*. Письмо Е. Н. Васильевой (Лавровой), 25 мая 1865.

АЖИТАЦИЯ. Волнение, возбуждение (фр. agitation, от лат. agitation — побуждение к чему-либо, возбуждение). *[Елена:] Я совсем не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорят мне! [Агишин:] Что за* ***ажитация****! Я от вас не ожидал. Будьте благоразумны.* Женитьба Белугина. **В АЖИТАЦИИ.** *[Белесова:] Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что если он не снимет с меня этих упреков, этого позора, я могу дойти до отчаяния и сойти с ума. [Гневышов:] Вы* ***в ажитации****, мой друг, вам надо успокоиться.* Богатые невесты.

АЛЕБАРДА. Старинное холодное оружие в виде длинного копья с насаженным на него топориком или секирой; бердыш. *Входят Басманов, десятка три немцев с* ***алебардами****. Звон оружия и крики.* Тушино. *А на флюгере знаете ли что? Ярославский герб. А ярославский герб — медведь. Вот золоченый медведь, держась лапами за шпиль, с* ***алебардой*** *на плече, пресмешно поворачивается по воле ветра. Я поглядел на него и подумал:*

ну, заехал я в медвежью сторону. Письмо А.С. и С.С. Кошеверовым, П.М. Садовскому, И.Е. Турчанинову, 16 июля 1857.

АМБИЦИЯ. 1. Гордость, обостренное чувство собственного достоинства. *[Липочка:] Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него* ***амбиция****? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?* Свои люди — сочтемся. *[Вихорев:] (один). <..> Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать,* ***амбицию****-то пока в сторону отложим.* Не в свои сани не садись. *[Оброшенов:] <..> Ну, а потом, как пошел я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, там уж всякая* ***амбиция*** *пропала. Тому так потрафляй, другому этак.* Шутники. *[Счастливцев:] Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду, и у меня есть* ***амбиция****. [Несчастливцев:] Я знаю, что* ***амбиция*** *есть; а паспорт есть ли?* Лес. *[Сыромятов:] Честное! А с нами твое дело честное? Стало быть, мы хуже других, с нами можно все... дескать, не взыщут, таковские... Нет, ты ошибся, и у нас тоже своя* ***амбиция*** *есть, да еще побольше, чем у других прочих... за себя постоять можем!..* Женитьба Белугина. **В АМБИЦИЮ <ВЛАМЫВАТЬСЯ>.** Выражать свою обиду, недовольство. *[Оброшенов:] <..> Что ты будешь с ним делать! Я было* ***в амбицию****. Только тут один чиновник, постарше, мне и говорит: ты обидеться не вздумай! Ни копейки не получишь: он не любит, когда обижаются.* Шутники. **НАБЛЮДАТЬ СВОЮ АМБИЦИЮ.** Сохранять чувство собственного достоинства. *[Сыромятов:] Ну как же! Очень нужно тебе знать!..* ***Наблюдай свою амбицию****...* ***амбицию наблюдай****!.. Смеяться тебе надо ему в глаза, а не плакать...* Женитьба Белугина. **2.** Чрезмерное самомнение, самолюбие; спесь, чванство. *[Андрей Титыч:] Он такую откровенность задаст, что места не найдешь. Вы думаете, он не знает, что ученый лучше неученого, — только хочет на своем поставить. Один каприз, одна только* ***амбиция****, что вот я неучен, а ты умнее меня хочешь быть.* В чужом пиру похмелье. **ПОКАЗЫВАТЬ АМБИЦИЮ.** *[Юсов:] Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого еще и губы не обсохли, а уж* ***амбицию показывает****. Кто я! Не тронь меня!* Доходное место. **3.** Важность, представительность, значительность. *[Фетинья:] Ей хоть миллион дай, все-таки видом и* ***амбицией*** *она против моей Ларисы не выдет. [Лариса:] Не только видом и* ***амбицией****, но и всем прочим супротив меня далеко.* Не было ни гроша, да вдруг алтын.

АНТР. АНТР НУ ДЁ. Между нами, без разглашения другим. Из фр. выражения entre nous soit dìt — между нами будь сказано; дё — фр. deux «два, двое» — излишне в этом выражении (показывается незнание фр. языка). *[Мурзавецкий:] <..> Она просила, чтоб это дело пока осталось* ***антр ну дё.*** *[Мурзавецкая:] А что если правда? Да понимаешь ли ты, как это важно для нас?* Волки и овцы.

АПТЕКАРСКИЙ. Относящ. к аптеке. **АПТЕКАРСКАЯ ПАЛАТА (АПТЕКАРСКИЙ ПРИКАЗ).** Административный орган в Москве, в ведении которого находились аптека, иностранные медики и ученики их. В помещении над аптекарским приказом, находившемся в одном из кремлевских зданий, в 1672 г. был устроен театр Иоганном Готфридом Грегори. *[Яков:] Спросили нас, подьячих молодых, Не хочет ли который обучаться В* ***аптекарской палате*** *у Грегори Какому-то неслыханному действу.* Комик XVII столетия. *[Юрий:] Кирилл Панкратьич, Не для того привел к тебе я сына, Прислал его боярин не за тем. Возьми его! По царскому веленью В* ***аптекарской палате*** *обучают Подьяческих робят библейским действам, Готовятся с великим поспешеньем, Чтоб действовать перед царем «Есфирь» В недолгий срок.* Комик XVII столетия.

В отечественной и зарубежной лексикографии ведется активный поиск решения теоретических и практических проблем, связанных с научным описанием индивидуального лексикона личности и созданием авторских словарей разных типов. Каждый лексикографический проект вносит свой вклад в решение этих проблем, добавляя что-то свое в копилку достижений в этой области или развивая опыт предшественников. Возможно, при разработке проектов новых авторских словарей будет учтен и опыт составления «Словаря языка А.Н. Островского».

ЛИТЕРАТУРА

Словарь языка А.Н. Островского: В 4 т. / Автор и рук. проекта докт. филол. наук И.А. Овчинина. Сост.: А.А. Хуснутдинов, А.А. Хуснутдинова, М.С. Бахвалова, Т.А. Курышкина и др. Шуя, 2012.

Частотный словарь языка А.Н. Островского / Под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия. Кострома; Шуя, 2012. С. 530-654.

В.В. Никульцева
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОМОНИМЫ В НЕОЛЕКСИКОНЕ Е. ЕВТУШЕНКО

В настоящей статье анализируется проблема отражения поэтических неологизмов в лексикографическом труде Р.Ю. Намитоковой и И.А. Нефляшевой «Слова поэта. Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко» (2009). На материале неолексикона известного советско-российского поэта показано, что при составлении словарей авторских неологизмов исследователи не уделяют должного внимания вопросам отбора окказиональной лексики и признания слова первичным либо вторичным неологизмом в языке писателя.

Ключевые слова: писательская лексикография, авторские словари, поэтический текст, авторский неологизм, неолексикон, язык поэзии XIX–XXI вв.

В конце XX – начале XXI в. появился ряд словарей, посвященных неологии отдельного писателя [Колесников 1991; Перцова 1995; Никульцева 2008; Намитокова, Нефляшева 2009; Валавин 2010] (ср. [СМЦ], а также [Масленников 2000; Словарь новых слов], где представлены неологизмы ряда авторов). Вместе с тем повышенный интерес отечественных лексикографов к составлению словарей неологизмов создал проблему признания слова авторским, что не лучшим образом отразилось на качестве новых словарей: опубликованные словники неолексиконов были выстроены непродуманно, без сопоставления и сверки с иными материалами.

Проиллюстрируем эту мысль на примере идентичных неологизмов Е. Евтушенко и других поэтов XIX−XX вв.

Из словника лексикографического труда [Намитокова, Нефляшева 2009] были выбраны только те неологизмы, которые имеют сходство или параллели в языке поэтов Серебряного века: окказиональные дублеты (*базарность*, *безвизный*, *бездомье* и др.); окказиональные омонимы (*безлюбье*, *безмашинный* и др.); окказиональные варианты (*антипатриот* / *анти-патриот*, *врасхлесть* / *врасхлёст* и др.); неологизмы, находящиеся в отношениях производности (*безгромный* / *безгромно*, *безлюбовный* / *безлюбовность* и другие); окказиональные омоформы (*бездомно*, *нар.* / *бездомно, КС*; *весенне*, *нар.* / *весенне*, *КС* и др.).

В рамках данной статьи остановимся на окказиональных омонимах в неолексиконах Е. Евтушенко и поэтов Серебряного века. Эту группу составляют новообразования *беззакатность*, *безлюбье*, *безмашинный*, *безмыслие*, *закатно*, *надмирно*, *картинно*, *лунность*, *манекенный*, *незабудочный*, *полумужчина*, *татарство*.

Одним из первых обратился к слову *беззакатность* А. Белый: *Летим к горизонту: там занавес красный* / *сквозит* ***беззакатностью*** *вечного дня* («За Солнцем», 1903). Перед нами абстрактное существительное, являющееся суффиксальным образованием, возникшим на базе книжного устарелого прилагательного *беззакатный*, поэтизма XIX − начала XX в. В [СУ] прилагательное обладает двумя значениями: «1. не заходящий; 2. *перен*. бесконечный». Таким образом, поэтический неологизм в языке А. Белого обладает значением, соотносящимся со вторым значением производящего слова.

Однако этот же неологизм встречается и в поэтическом языке Игоря-Северянина[1]: *А вся беспомощность, святая деликатность,* / *Готовность жертвовать для мужа и детей!* / *Не в том ль, милые, вся ваша* ***беззакатность****?* («Поэза о поэтессах», 1916)[2]. Здесь он имеет иное значение, нежели в языке А. Белого, — «вечность поэтического дара». Таким образом, можно признать эти идентичные новообразования окказиональными омонимами. Вероятно, творцом формы неологизма следует признать А. Белого; Игорь-

[1] О выборе дефисного написания псевдонима поэта см. [Никульцева 2009: 96–98].

[2] Здесь и далее контексты с неологизмами Игоря-Северянина приводятся по словарю [Никульцева 2008].

Северянин метафоризировал слово, наполнив его новым содержанием.

Этот неологизм Серебряного века так и остался бы забытым следом яркой эпохи, если бы не его фиксация в словаре новообразований Евгения Евтушенко: *Вторые сутки — аж мороз по коже! — / сойдя от* ***беззакатности*** *с ума, над нами солнце бешено хохочет, / как белая полярная сова* («Береговой припай», 1964)[3]. Неологизм словообразовательно и семантически связан с первым значением прилагательного *беззакатный*. Евтушенко оживляет потенции поэтизма, вводя его в лексическое окружение традиционного фразеологизма, и тем самым создает еще один окказиональный омоним.

Неологизм *безлюбье* со значением «невозможность любить» встречается в неолексиконе Игоря-Северянина: *Искать Любовь в* ***безлюбьи*** *« верить в чудо* («Тщета надежд», 1936). Евтушенко вводит его в разные тексты в прямом значении — «отсутствие любви»: *В жизни я не знал* ***безлюбья****. / Не такой уж я злодей, / если любят меня люди, / если я люблю людей* («Прощание с фильмом», 1979); *Вдруг ты сам себя жлобством заел, / самоедством* ***безлюбья****, бесстрастья* («Двадцать первый век», 1995); *Я к любви продираюсь, как будто в тумане, / сквозь непонимание, / сквозь обман на обмане, /* ***безлюбье*** *и безобниманье* («Обнимаю деревья», 2003).

Аналогично употребление существительного *безмыслие* / *безмыслье:* если в языке Ф. Сологуба оно обладает прямым значением «отсутствие мысли; бездумье» (*Среди лесов, среди полей / Покой,* ***безмыслие****, забвенье* [«Есть соответствие во всем…», б.д.]), то в языке Евтушенко — переносным значением «невозможность свободно мыслить» (*Но верю всею горькой болью, / что где-то, прячась, будто мышь, /* ***безмысльем*** *загнана в подполье, / скребет бумагу чья-то мысль* [«Китайский матрос», 1972]; *Народ вырастает во лбу, / который был стиснут, как в обруч, / в* ***безмыслия*** *страшный всеобуч, / во множество стольких табу* [«Народ вырастает во лбу...», 1986]).

Новообразование *лунность* регулярно повторяется в неолексиконе Серебряного века: оно встречается у Игоря-Северянина (*Я знал вас в солнечности, в* ***лунности****, / Гляделся в вашу полынью* [«Стихи о реках», <1920−1940-е гг.>]) в значении «время, когда

[3] Здесь и далее цитаты из произведений Е. Евтушенко приводятся по словарю [Намитокова, Нефляшева 2009].

светит луна; вечер и ночь», у Вяч. Иванова, К. Бальмонта, В. Нарбута (его стихотворение написано в пародийном стиле «под Бальмонта»: *И вдруг я понял откровенно, / С уже обрызганном росой лицом, / Что в этой* ***лунности*** *мгновенной / Сидел я — пред поющим мертвецом* [«Под луной», 1909]) и С. Есенина в значениях ‘лунный свет; романтика луны’. Существительное создано либо Вяч. Ивановым, либо Бальмонтом: *Как речь славянская лелеет / Усладу жен! Какая мгла / Благоухает,* ***лунность*** *млеет / В медлительном глагольном ла!* (Вяч. Иванов. «Славянская женственность», б.д.); *Затянут в свет чужих очей, / Я — в нежном золоте лучей, / Но вдруг изменится игра, / И нежит* ***лунность*** *серебра* (К. Бальмонт. «Мой завет», б.д.); ***Лунностью*** *полон небесный простор, / Вольно, воздушно, мертво. / Тихие, вечные волны морей, / Волны морей голубых. / Сердце, молчи, засыпай поскорей, / В* ***лунности*** *песен немых* (К. Бальмонт. «Косогор», б.д.).

Именно в этом значении оно было заимствовано Есениным, употребившем его четыре раза (*Чтоб под этою белою* ***лунностью****, / Принимая счастливый удел, / Я над песней не таял, не млел / И с чужою весёлою юностью / О своей никогда не жалел* («Листья падают, листья падают…», 1925); *Неуютная жидкая* ***лунность*** */ И тоска бесконечных равнин, / Вот что видел я в резвую юность, / Что, любя, проклинал не один* («Неуютная жидкая лунность…», <1925>); *Какая ночь! Я не могу… / Не спится мне. Такая* ***лунность****!* [«Какая ночь! Я не могу…», 1925]), и Нарбутом. Игорь-Северянин создает этот неологизм по типу абстрактов на *-ость*, характерных для символистской традиции, в частности, под влиянием неологизма Бальмонта. Евтушенко же вновь наполняет неологизм метафорическим значением: *А после ты любишь, а может быть, нет, / а после не любишь, а может быть, любишь, / и листья, и* ***лунность*** *меняешь на людность, / на липкий от водки и «Татры» паркет* («Я старше тебя на твои тридцать три», 1961). Поэтому новообразование *лунность* можно признать дублетом в словотворчестве Бальмонта, Вяч. Иванова, Есенина, Нарбута и Евтушенко, а в поэтическом пространстве Игоря-Северянина оно ведет себя как окказиональный омоним.

Неологизму *полумужчина* К. Вагинов придает пейоративное значение «бесполое существо»: *Полуженщина и* ***полумужчина****, / Полуребёнок и полубог, / Ты пройдёшь над землёй в овчине, / Как неведомый, незнаемый Бог* («Россия», 1917). Иное значение —

«повзрослевший мальчик; подросток» — свойственно новообразованию Евтушенко: *Я ждал тебя в Серебряном бору, / полумальчишка и* ***полумужчина****, / еще не смея ни на что решиться / и всё-таки решившийся на всё* («Серебряный бор», 1969).

Слово *татарство* одним из первых употребил А. Майков: *Тот вывез из степей всё то ж* ***татарство****, / Средь пышности ничтожность, пустоту…* («Две судьбы. Быль», 1843−1844); *Во имя гордого боярства / Не ополчусь я никогда. / В них ляха спесь и дичь* ***татарства*** */ Без чести, правды и стыда* (Незавершенное стихотворение сер. 1850-х гг.). Перед нами не собирательное, как может показаться вне контекста, а абстрактное существительное (по крайней мере, в первом случае), являющееся суффиксальным образованием, возникшим на базе существительного *татары*. Контекстуальное значение новообразования можно выявить через синонимический ряд *дикость*, *невежество* (*татаро-монголов, завоевателей Древней Руси*) и обозначить как имя признака — «варварство, грубая и разрушительная сила, вандализм».

Этот же неологизм встречается и в поэтическом языке Игоря-Северянина: *Беги ко мне, страшись «****татарства****»!* («Борису Верину», 1918). Здесь новообразование имеет то же самое значение, что и в языке поэзии Майкова — «варварство». Таким образом, можно признать эти идентичные новообразования окказиональными дублетами. Вероятнее всего, Игорь-Северянин заимствовал у Майкова понравившееся слово, о чем косвенно свидетельствует также употребление неологизма в кавычках, в виде цитаты.

Рассмотренный неологизм, возникший в 40-е гг. XIX в., а затем благодаря северянинской аллюзии перекочевавший в язык поэзии Серебряного века, так и остался бы реликтом двух эпох, если бы не его фиксация в словаре новообразований Евтушенко: *Итальянство твоё и* ***татарство*** */ угодило под русский наш снег, / словно крошечное государство, / независимое от всех* («Белла первая», 2005). Как видим, неологизм словообразовательно, но не семантически связан с новообразованием Майкова и словом, позаимствованным у него Игорем-Северянином. Евтушенко, знаток Золотого и Серебряного веков русской поэзии, наполняет неологизм новым смыслом («татарские корни, азиатское происхождение»), вводя его в поэтический текст в тандеме с другим сходноструктурным неологизмом — *итальянство*, и тем самым «узаконивает» рождение окказионального омонима.

Прилагательное *безмашинный* до Евтушенко ввел в художественную речь В. Маяковский: *...это — предки всех советских сатирических журналов, предки труднейшего, безбумажного,* ***безмашинного****, ручного времени* («Окна сатиры РОСТА»)[4]; ср. у Евтушенко: *Но силу трезвую / ощутил я совсем не в нем, / а в парнишке с верой железною, / в* ***безмашинном****, босом и злом* («Станция Зима», 1953–56).

Если у Маяковского новообразование *манекенный* в значении «стандартный, среднеформатный» обладает пейоративной семантикой (*Читатель троечного* ***манекенного*** *вида держит в руках книжку стихов* (Варианты к сценарию «Как поживаете»)), то Евтушенко, напротив, придает этому прилагательному мелиоративную окраску: *Но у московских девочек, / воспитанных на болгарских соках, / ноги росли с катастрофической быстротой, /* ***Манекенное*** *телосложение / Приняло массовый характер...* («Мама и нейтронная бомба», 1982), восхваляя (не без иронии, конечно) идеальные формы советских девушек.

Прилагательному *незабудочный* в неолексиконе В. Шершеневича свойственно значение «незабываемый» (*После* ***незабудочных*** *разговоров с угаром Икара, / Обрывая «Любит — не любит» у моей лихорадочной судьбы, / Вынимаю из сердца кусочки счастья, как папиросы из портсигара, / И безалаберно их раздаю толстым вскрикам толпы* [«После незабудочных разговоров с угаром Икара...», б.д.]). Евтушенко же вновь обращается к приему метафоризации, наделяя новообразование значением «цвета незабудки; ярко-голубой»: *И заплакали Андрей Мокаёнок / и генерал ВВС, / когда ко мне побежали женщины / и поползли младенцы, все — с* ***незабудочными*** *евтушенковскими глазами* («Мама и нейтронная бомба», 1982).

Прием метафоризации срабатывает и при введении качественных наречий в произведения Евтушенко, ср.: ***Закатно*** *гаснет краска, / День поджимает хвост* (Б. Пастернак. Редакция стихотворения «Безвременно умершему», 1936) — «краснея»; *Жизнь катится под гору юзом, / но если уж выхода нет, / то пусть она катится блюзом, /* ***закатно*** *звеня напослед* (Е. Евтушенко. «Святые джаза», 1972) — «закатываясь; умирая»; *...На грунте сумрач-*

[4] Тексты, включающие неологизмы В. Маяковского, цитируются по словарю: [Валавин 2010].

ном необозримой дали / Фигуры воинов, как тени, то черны, / То алым пламенем красно освещены, / ***Картинно*** *видятся в различных положеньях...* (В. Бенедиктов. «Бивак», 1938) — «рельефно, выпукло»; *И тень ресниц моих* ***картинно****, / когда я их небрежно нес, / чуть затеняла буратинный, сопливо-любопытный нос* (Е. Евтушенко. «Ресницы», 1995) — «вычурно, напоказ».

Виртуозно наполняя потенциально имеющиеся в узусе формы слов новым содержанием, Евтушенко расширяет семантические границы окказионального явления. Следует, однако, отметить, что в словаре Р.Ю. Намитоковой и И.А. Нефляшевой ссылки на идентичные неологизмы не приводятся, все из проанализиированных слов признаются неологизмами Евтушенко. В словаре же неологизмов Игоря-Северянина факт заимствования новообразований отражен в полном объеме.

ИСТОЧНИКИ

Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М., 1994.

Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Вагинов К.К. Стихотворения из альбома, подаренного К.Н. Маньковскому // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 169-214.

Есенин С. Полное собрание сочинений: В 7 тт. (9 кн.). М., 1995–2001.

Иванов В.И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995.

Майков А.Н. Избранные произведения. Л., 1977. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М., 1955−1961.

Нарбут В. Стихотворения. М., 1990.

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2 тт. Л., 1990. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1978. (Б-ка поэта. Большая серия.).

Шершеневич В. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. (Новая б-ка поэта. Малая серия.)

ЛИТЕРАТУРА

Валавин В.Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказиональной лексики. М., 2010.

Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В. Маяковского / Под ред. Н.М. Шанского. Тбилиси, 1991.

Масленников Д.Б. Словарь окказиональной лексики футуризма. Уфа, 2000.

Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп, 2009.

Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Под ред. проф. В.В. Лопатина. М., 2008.

Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96-98.

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Предисловие Хенрика Барана // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. Wien; Moskau, 1995.

Словарь новых слов / *Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л.* // Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века» (на основе электронной версии «Словаря языка русской поэзии XX века». — http://lexrus.ru/default.aspx?p=2675 (октябрь, 2018).

СМЦ — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т., 6 кн. / Сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М., 1996–2004.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

РАЗДЕЛ 2

НОВЫЕ АВТОРСКИЕ СЛОВАРИ И СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

О.М. Карпова

Ивановский государственный университет, Иваново

НОВЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ШЕКСПИРА

Статья посвящена описанию современных энциклопедических словарей Шекспира, созданных по запросам пользователя. Рассматриваются принципы построения новых шекспировских энциклопедий, путеводителей, словарей цитат Шекспира.

Ключевые слова: Шекспир, лексикография, энциклопедия, путеводитель, цитата, пользователь.

Шекспировская лексикография, ведущая свою историю с XVIII в., имеет в своем репертуаре более ста словарей различных типов и объемов [Карпова 2016]. Это лингвистические справочники:

- одноязычные конкордансы, глоссарии, индексы и толковые словари ко всему творчеству и отдельным произведениям Шекспира;
- терминологические словари, регистрирующие и обрабатывающие термины из различных предметных областей (медицины, философии, религии, ботаники, юриспруденции, военного дела и т.п.), которые встречаются в сочинениях драматурга;
- произносительные справочники;
- словари уничижительной и эротической лексики;
- двуязычные (англо-итальянские, англо-японские, англо-немецкие и англо-русские) словари к творчеству Шекспира.

В последнее время шекспировская лексикография не случайно значительно пополнилась энциклопедическими словарями с богатой экстралингвистической информацией, безусловно, весьма востребованной современными пользователями, для которых шекспировская эпоха значительно отдалена и требует подробных и доступных пояснений. Вот почему в XXI веке в Великобритании, США, России, Финляндии и других странах появляются новые типы лингвистических и энциклопедических словарей Шекспира [Karpova, Kartashkova 2009].

Следует отметить, что энциклопедические справочники нового поколения отличает инновационный подход к описанию шекспировской эпохи с учетом новых исследований, проводившихся на рубеже XX–XXI вв. С течением времени интерес к творчеству Шекспира не угасает, а разгорается с новой силой и привлекает к себе все новых исследователей. Их находки и открытия и отражаются в современных словарях.

Открывает новую страницу в шекспировской лексикографии опубликованный словарь [Lomonico 2001], позволяющий взглянуть на творчество писателя через призму времени. В этот же период благодаря усилиям театральных режиссеров, занятых постановкой шекспировских пьес, публикуется ряд справочников (так называемых «guides and companions»), направленных на изучение деталей, без которых трудно понять многие нюансы [Dobson, Wells 2009; Shaughnessy 2013]. Появляются новые справочники, предназначенные не только режиссерам и театральным деятелям, но и студентам, изучающим творчество Шекспира в университетах, среди них [O'Dell 2001; Kirstin 2002].

Такие словари основаны не только на уже опубликованных справочниках, но и на новых исследованиях шекспировского творчества. В словник включены новые реалии, новые имена актеров, которые участвовали в театральных постановках и экранных версиях шекспировских пьес. Ко всем входным единицам приводятся не только подробные комментарии, но и названия пьес, исторические сведения, авторские замечания составителей. Так, в последнее время четко формируется группа словарей для определенной категории интернациональных пользователей — актеров театра и кино.

Необходимо подчеркнуть, что особо популярными у этих читателей стали справочник [Barton, Walther 2001] и путеводитель, составленный известными английскими шекспироведами С. Уэл-

лсом и С. Стэнтоном [Wells, Stanton 2008]. Обе книги нацелены на новые постановки пьес Шекспира с учетом многовекового опыта театральных постановок, подробно описанных в работах современных исследователей. Следует также отметить, что Уэллс и его соавтор специальное внимание уделяют фонетическим особенностям и произношению трудных слов шекспировской эпохи, которые нередко вызывают проблемы у современных актеров.

XXI в. ознаменован появлением весьма оригинальных справочников, которые ранее никогда не составлялись не только в шекспировской, но и в английской авторской лексикографии в целом. Это, прежде всего, весьма необычный путеводитель по шекспировским местам в Лондоне [A Travel Guide 2002], который предназначен для так называемых культурных туристов (cultural tourists), интересующихся творчеством Шекспира. Представляется, что, на первый взгляд, само название справочника может вызвать недоумение у серьезных исследователей творчества писателя. Однако путеводитель стал настолько популярен у современных пользователей, что его сделали мобильным приложением для смартфонов [Karpova 2011: 114].

В последнее время продолжает развиваться и авторитетная серия энциклопедических авторских словарей «Who is Who in Shakespeare», в которой появляется анализ тематики шекспировских произведений и представлены новые текстологических исследования [Quennall, Hamish 2002; Stokes 2007]. Необходимо отметить, что эта группа справочников является настольной книгой молодых исследователей, главным образом, школьников и студентов, изучающих творчество великого англичанина.

Одновременно с серией справочников «Who is Who in Shakespeare» продолжается составление весьма популярных у всех групп пользователей словарей героев произведений писателя, имеющих давнюю традицию в английской авторской лексикографии [Karpova, Melentyeva 2013]. Авторы новых словарей такого типа нередко дают им весьма оригинальные названия, например: «The Shakespeare Name Dictionary» [Davis, Frankforter 2004], «Exit, Pursued by a Bear: Shakespeare's Characters, Plays, Poems, History and Stagecraft» [McConnell 2003]. Мегаструктура новых словарей героев произведений включает большое количество не только вербальных, но и графических иллюстраций: гравюр, картин, фотографий актеров, театров и даже составителей авторитетных шек-

спировских словарей (см., например, статью о М. Спиваке, авторе многотомного конкорданса к отдельным произведениям Шекспира).

К этой группе справочников можно отнести и специальные пособия для современных театралов, театроведов, продюсеров шекспировских пьес и фильмов, такие как [Fallon 2003]. Подобные справочники начинают постоянно публиковаться в различных странах мира, и нередко их авторами становятся сами представители театра и кино. Причем это одинаково актуально и для носителей языка, и для иностранцев, читающих Шекспира в оригинале. Лексикографическая обработка входных единиц содержит подробное описание имен собственных, нередко с историческим экскурсом, позволяющим читателю получить четкое представление об авторском ономастическом пространстве.

В серии новых словарей героев произведений Шекспира вышел качественно новый справочник, не имеющий аналогов в шекспировской лексикографии [Findlay 2009], где собраны имена всех женских персонажей из произведений Шекспира. Имена собственные представлены в алфавитных и тематических списках, что значительно облегчает и оптимизирует информационный поиск. Микроструктура словаря наряду с общепринятыми информационными категориями (вербальными и графическими пометами, цитатами из произведений Шекспира и их адресами в пьесах драматурга и т.п.) предлагает новый компонент словарной статьи — культурологический комментарий. По утверждению составителей словаря, готовится его интернет-версия с богатыми мультимедийными характеристиками, которые возможны лишь в электронных словарях.

Отметим, что в настоящее время не случайно наблюдается большой интерес к использованию цитат из произведений Шекспира в выступлениях и речах политиков, общественных деятелей и деятелей культуры. Такой всплеск интереса к творчеству драматурга способствует появлению новых словарей шекспировских цитат. Лучшим примером такого словаря следует назвать справочник [Leech 2001], где можно не только найти цитату по любому поводу (*дружба*, *ненависть*, *время*, *соперничество* и т.п.), но и правильно ее использовать во избежание коммуникативной неудачи. Более того, в новом словаре изменяется организация цитат, что дает хорошую возможность пользователю легко подобрать цитату для конкретного случая. По этой причине современные словари цитат Шекспира становятся тематическими. Среди справочников нового

поколения особо выделяется прекрасно изданный и авторитетный словарь [Best 2009], а также сборник цитат Шекспира под названием «Bardisms» [Edelstein 2009].

В 2011 г. одновременно в разных странах публикуется несколько новых справочников с цитатами Шекспира, которые не имеют аналогов в английской писательской лексикографии. Среди них [Adams 2011], в котором собраны эротические цитаты из сочинений мастера слова, а также словарь цитат на тему медицины, где (как и в других девятнадцати предметных областях) Шекспир признан профессионалом [Foster 2011].

Особого внимания, безусловно, заслуживают шекспировские справочники нового поколения для мобильных телефонов и смартфонов. Каждый справочник имеет конкретного адресата. Как указывается в предисловии к словарю [Adams 2011], он впервые предназначен любителям Твиттера. Автор словаря фиксирует цитаты по обширной тематике: *advice*, *age*, *alcohol*, *animals*, *bad days*, *dental stuff*, *children*, *dancing*, *dying*, *divorce* и т.п., что делает его особенно привлекательным для пользователя. Отметим также, что данные разделы подразделяются на подгруппы и организованы по категориальному принципу. Например, раздел «Sleep & sleeping» включает цитаты по поводу таких ситуаций, как *mornings*, *evenings*, *nights*, *naps*, *not enough dreaming*, *snoring*. Нельзя не поразиться изобретательности современных лексикографов при создании технически новых справочных ресурсов, однако бесспорным является тот факт, что пользователи обращаются к словарю в Твиттере ежедневно! Об этом свидетельствует новая программа eye tracking, которая позволяет отслеживать, сколько раз обратились к словарю пользователи. Таким образом, сегодня изучаются запросы пользователей и удовлетворяются их нужды [Карпова, Уткина 2013].

Интересно отметить, что в настоящее время во многих странах словари цитат Шекспира выходят на родном языке. Так, например, у нас в России в 2006 г. появился первый словарь цитат Шекспира [На языке Шекспира 2006]. Этот словарь широко используется не только шекспироведами, но и широким кругом читателей, которые не всегда обладают достаточной эрудицией в области шекспироведения и испытывают определенные затруднения при понимании шекспировских текстов.

Как отмечалось, интерес к творчеству Шекспира с годами не угасает, а лишь приобретает новые черты. Во многом поддержа-

нию такого интереса способствуют качественно новые современные энциклопедические словари Шекспира, которые, в первую очередь, направлены на удовлетворение нужд пользователя и имеют конкретного адресата. Их репертуар значительно расширился по сравнению со справочниками старого поколения и привлекает внимание широкого круга читателей: школьников, студентов, молодых и зрелых исследователей из разных стран мира. Принципы составления энциклопедий, путеводителей, словарей цитат из сочинений мастера слова постоянно совершенствуются, отвечая новым вызовам XXI в., и позволяют по-новому взглянуть на бессмертные творения великого англичанина.

ЛИТЕРАТУРА

Карпова О.М. Вопрос о выборе словаря: какой словарь нужен переводчику художественных текстов? (На материале словарей языка писателей) // Материалы II международной научной конференции «Перевод в меняющемся мире», 4–5 февраля 2016 г. / Отв. ред. Ф.И. Карташкова, С.А. Маник. М., 2016. С. 83-87.

Карпова О.М., Уткина Н.С. Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру. Иваново, 2013.

На языке Шекспира. To Be Or Not To Be / Английские изречения. М., 2006.

Adams J. Y is for Yorick: A Slightly Irrelevant Shakespearean ABC Book for Grown Ups. Layton, 2011.

A Travel Guide to Shakespeare's London. London, 2002.

Barton J., Walther L. (eds.). Playing Shakespeare: An Actor's Guide. London, 2001.

Best M. William Shakespeare on the Art of Love. The Illustrated Edition of the Most Beautiful Love Passages in Shakespeare's Plays and Poetry. London, 2009.

Davis J., Frankforter A. The Shakespeare Name Dictionary. London, 2004.

Dobson M., Wells S. The Oxford Companion to Shakespeare. Oxford, 2009.

Edelstein B. Bardisms. New York, 2009.

Fallon R. A Theatergoer's Guide to Shakespeare. Chicago, 2003.

Findlay A. Women in Shakespeare: A dictionary. London, 2009.

Foster J. A Doctor's Shakespeare: A Collection of Medical Quotations from Shakespeare. New York, 2011.

Karpova O. English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.). Newcastle upon Tyne, 2011.

Karpova O., Kartashkova F. New Generation of Specialiazed Dictionaries to Shakespeare's Works // Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Newcastle upon Tyne, 2009. P. 28-41.

Karpova O.M., Melentyeva O.A. Chaucer and Shakespeare Glossaries: Do Modern Users Still Need Them Today? // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Newcastle upon Tyne, 2013. P. 77-95.

Kirstin O. All Things Shakespeare: An Encyclopedia of Shakespeare's World. Westport, 2002.

Leech T. Say it Like Shakespeare. How to Give a Speech Like HAMLET, Persuade Like HENRY V, and Other Secrets from the World's Greatest Communicator. New York, 2001.

Lomonico M. The Shakespeare Book of Lists. The Ultimate Guide to the Bard, His Plays, and How They've Been Interpreted (and Misinterpreted) Through the Ages. Franklin Lakes, 2001.

McConnell L. Exit, Pursued by a Bear: Shakespeare's Characters, Plays, Poems, History and Stagecraft. New York, 2003.

O'Dell L. Shakespearean Scholarship. Shakespeare Guides and Reference. A Guide for Actors and Students. New York, 2001.

Quennall P., Hamish J. Who is Who in Shakespeare. New York, 2002.

Shaughnessy R. The Routledge Guide to William Shakespeare. London, 2013.

Stokes F. Who is Who in Shakespeare. A Dictionary of Characters and Proper Names. New York, 2007.

Wells St., Stanton S. (eds.). The Cambridge Companion to Shakespeare on Stage. Cambridge, 2008.

С.С. Волков, Н.В. Карева
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

ИСТОЧНИКИ СЛОВАРЯ «ГРАММАТИКА М.В. ЛОМОНОСОВА»

Статья посвящена проекту словаря «Грамматика М.В. Ломоносова», задачами которого станут: исследование взаимодействия различных языковых стихий в формировании русской грамматической терминологии в XVIII в.; представление динамики терминов и эволюции метаязыка грамматического описания в диахронии; отражение вклада Ломоносова в формирование и нормализацию русской грамматической терминологии. Словарное описание термина в словаре будет состоять из двух частей: 1) собственно словарной статьи и 2) раздела «Диахронический контекст», включающего примеры из репрезентативных текстов XVII–XVIII вв.; описываются источники этого раздела, обосновывается выбор изданий.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, XVIII век, грамматика, терминология, лексикография.

В 2017 г. вышла в свет коллективная монография «Риторика М.В. Ломоносова» [Риторика 2017]. Основную часть книги составляет словарь, в котором риторические термины Ломоносова представлены на фоне античной, новоевропейской и русской риторической традиции. Исследование риторической теории Ломоносова лексикографическими средствами выявило важные закономерности развития русского риторического дискурса — словарная форма позволила показать, как последовательно нормализовалась русская

риторическая терминология, складывался корпус канонических примеров, заимствовались и модифицировались определения фигур. Комплексное филологическое исследование массива риторических текстов прояснило роль Ломоносова в истории русского литературного языка и словесной культуры XVIII в., уточнило и расширило современные научные представления о характере и принципах развития русской риторической традиции. При работе над словарем авторским коллективом были выработаны новые стратегии научного анализа. В частности, *метод ретроспективного описания* [Волков 2012] позволил выявить, что стало результатом собственного языкового творчества Ломоносова, а что было им воспринято из риторических трактатов предшествующего периода.

Полученный опыт создает возможности для того, чтобы продолжить изучение специальной лексики филологических сочинений Ломоносова и, используя разработанные в «Риторике» стратегии, начать работу над словарем «Грамматика М.В. Ломоносова». В рамках нового проекта мы ставим перед собой следующие задачи: 1) проследить пути формирования русской грамматической терминологии в XVIII в. — в период, когда разрабатывался терминологический аппарат для описания русского языка, грамматическая система которого, в свою очередь, также находилась в процессе становления; 2) показать, как влияли различные культурные традиции (в первую очередь, восточнославянская и новоевропейская) на формирование грамматических концепций описания русского языка и, соответственно, как терминологический массив латинских, немецких, французских и восточнославянских филологических сочинений воздействовал на формирование корпуса русских грамматических терминов; 3) отразить процессы формирования «коллективной терминологической договоренности» [Герд 1968: 2-3] у филологов Санкт-Петербургской Академии наук, результатом которой стало преобразование неупорядоченной грамматической терминологии 1730–1750-х гг. в развивающуюся научную терминосистему, определившую дальнейшие пути развития метаязыка русской лингвистики. Наконец, основной задачей проекта является экспликация роли Ломоносова и его «Российской грамматики» в формировании и нормализации корпуса грамматических терминов русского языка. Отметим, что грамматическая терминология XVIII в. привлекала внимание многих исследователей [Keipert 1983; Рупосова 1987 и др.], однако впервые этот языковой массив будет показан в дина-

мике, и эволюция системы лингвистического описания русского языка будет продемонстрирована с помощью специального метаязыка, разработанного для этих целей участниками проекта.

Как и в «Риторике», описание термина в словаре «Грамматика М.В. Ломоносова» будет состоять из двух частей: 1) собственно словарной статьи; 2) раздела «Диахронический грамматический контекст».

1. Модель собственно **словарной статьи** можно кратко представить так:

ЛЕММА, СТАТИСТИКА, ГРАММАТИКА
ВАРИАНТЫ ТЕРМИНА
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ
РЕЕСТР УПОТРЕБЛЕНИЙ
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

Заголовочным словом (леммой) в словаре будут являться номинативные единицы системы грамматических терминов «Российской грамматики» Ломоносова. **Варианты термина** будут приводиться в том случае, если в «Материалах к Российской грамматике» или других филологических сочинениях Ломоносова используются наименования, лексически или морфологически отличающиеся от терминов, употребленных в «Российской грамматике». Объектом **семантического описания** будет значение грамматического термина. **Иллюстративный материал** позволит по возможности полно показать особенности употребления грамматического термина и послужит главным источником сведений о его семантике. И, наконец, завершать словарное описание будет **справочный отдел**, в котором будет отмечена лексикографическая фиксация заголовочной единицы в словарях XVIII–XIX вв. и в современных исторических словарях[1].

[1] В справочный отдел планируется включить указание на лексикографическую фиксацию термина (или — в случае составных терминов — одного или нескольких его элементов) в следующих словарях: 1) Словарь русского языка XI–XVII вв.; 2) Лексикон Поликарпова; 3) Вейсманнов лексикон; 4) Краткой латинской лексикон Христофора Целлария; 5) Словарь Академии Российской; 6) Словарь русского языка XVIII в.; 7) Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г.; 8) Большой академический словарь (БАС[1] и БАС[2]).

2. Второй раздел — **«Диахронический грамматический контекст»** — продемонстрирует контексты применения терминов Ломоносова и их аналогов в источниках, принадлежащих к восточнославянской, новоевропейской и русской грамматическим традициям. Этот раздел будет посвящен не столько исследованию непосредственных источников «Российской грамматики» (дать полный перечень источников грамматики Ломоносова представляется едва ли возможным), сколько представлению историко-научного контекста XVII–XVIII вв., концептуального пространства, в котором сформировались лингвистические взгляды Ломоносова. Поэтому в данный раздел войдет материал репрезентативных текстов доломоносовского и послеломоносовского периодов, который, по нашему мнению, полезен для понимания путей формирования грамматической мысли в России XVIII в. Задачей раздела, таким образом, будет являться изучение и лексикографическое представление соотношения «термин — понятие» в филологической традиции до и после Ломоносова.

Хотим подчеркнуть, что словарь «Грамматика М.В. Ломоносова» будет прежде всего справочным изданием, предназначенным для широкого круга читателей. Именно поэтому при установлении круга источников словаря мы будем руководствоваться *принципом «опорного» текста* [Сорокин 1960: 27-33], отвлекаясь от анализа творческой истории произведения, всевозможных вариантов в рукописях и разных изданиях, так как эти задачи являются объектом внимания не лексикографов, а узких специалистов по истории словесной культуры. Такой подход, во-первых, во многом упростит и без того сложную и кропотливую работу составителей словаря, во-вторых, устранит многие неудобства для его пользователей. «Опорным» текстом может стать первое издание грамматического сочинения или его современное переиздание, подготовленное авторитетным авторским коллективом, — при этом в словаре будут сохранены все особенности графики, орфографии и пунктуации цитируемых текстов.

2.1. Одним из направлений исследования соотношения «термин — понятие» в филологической традиции XVIII в. является сопоставление наименований и дефиниций ключевых понятий ломоносовской грамматики с наименованиями и дефинициями из «доломоносовских» грамматик русского языка. Долгое время «Российская грамматика» Ломоносова считалась первой русской

грамматикой. Известный русский филолог акад. И.И. Давыдов даже назвал ее «родоначальницей» всех последующих грамматик русского языка [Давыдов 1855: 16]. Однако за последние пятьдесят лет было обнаружено и опубликовано значительное количество новых важных в языковом и научном планах источников, к которым мы и планируем обратиться в первую очередь.

Написанная по-латыни и вышедшая в Оксфорде в 1696 г. **«Grammatica russica» Г.-В. Лудольфа** хорошо известна славистам [Ларин 1937]. В нашем исследовании мы будем использовать последнее, дополненное и снабженное научным аппаратом переиздание этой работы [Ларин 2002].

Рукопись написанной на немецком языке незаконченной **«Grammatik der russischen Sprache» И.Э. Глюка** была обнаружена В.М. Живовым в московском Историческом музее; позже еще один список грамматики был обнаружен в Библиотеке Академии наук. Глюк черпал языковой материал из грамматики М. Смотрицкого, однако схему описания заимствовал из латинской грамматической традиции [Успенский 1992: 75, 79]. В.М. Живов, Г. Кайперт и Б.А. Успенский подготовили комментированное издание [Glück 1994], к которому мы будем обращаться при составлении словаря.

Созданные на рубеже XVII–XVIII вв. грамматики Лудольфа и Глюка были краткими учебниками по русскому языку. Спустя два десятилетия возникла потребность в нормативной грамматике, «которая определила бы конструкцию нового языкового стандарта, а тем самым и историко-культурную ориентацию русского языкового строительства» [Живов 2017, 2: 1002]. В 1720–1730-хх гг. в кругу сотрудников Петербургской академии наук создается несколько текстов, претендующих на эту роль. В 1729 г. в Академию наук была представлена грамматика **«Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache» И.-В. Пауса**, однако печатать ее Академия не стала; до нас не дошел даже беловой оригинал — грамматика сохранилась в виде объемного черновика (219 лл.) со множеством исправлений и сокращений. В 1960-е гг. расшифровкой этого манускрипта занимался Д.Е. Михальчи [Михальчи 1969], в 2016 г. ее новую расшифровку сделал Г. Кайперт [Paus 2016]. Паус хотел зафиксировать общую основу русского и церковнославянского языков, которая далее должна была быть дополнена указанием всех различий между ними [Живов 2017, 2: 1006], и хотя

текст не был опубликован, инновации Пауса сыграли существенную роль в установлении репертуара славяно-русских оппозиций в академической традиции 1730-х гг., поскольку его грамматика была известна В.Е. Адодурову и М. Шванвицу [Keipert 2009]. При работе над словарем мы будем обращаться к сделанным Михальчи и Кайпертом расшифровкам, а также непосредственно к рукописи грамматики.

Еще один текст, который, по всей видимости, замышлялся как нормативная грамматика — это **«Compendium grammaticae russicae»**. Рукопись этой незаконченной грамматики (она доведена до главы о склонениях существительных) была обнаружена Г. Кайпертом в Библиотеке Академии наук и датирована первой половиной 1731 г. Над грамматикой работали М. Шванвиц, В.Е. Адодуров и, возможно, другие сотрудники Академии наук; они опирались на грамматики М. Смотрицкого и Ф. Максимова, грамматику Г. Лудольфа, «Немецкую грамматику» М. Шванвица, латинскую «Grammatica Marchica» и грамматику И.-В. Пауса [Compendium 2002: 11-40].

К счастью, не все тексты «доломоносовского» периода дошли до нас в виде рукописей или фрагментов. В 1731 г. в качестве приложения к Вейсманнову лексикону были напечатаны **«Anfangs-Gründe der russischen Sprache» В.Е. Адодурова**. Существует несколько переизданий этого текста; в ИЛИ РАН было подготовлено издание, снабженное комментарием, переводом и исследовательскими материалами [Адодуров 2014]. При работе над словарем мы будем использовать это издание, куда вошел и фрагмент так называемой «пространной грамматики» Адодурова[2] — текста на русском языке, датируемого 1738–1740 гг., который был впервые опубликован Б.А. Успенским [Успенский 1975]. Сохранившийся фрагмент «пространной грамматики» содержит введение и первую часть «О орфографии», однако Успенский предполагает, что о ее дальнейшем содержании можно судить на основании грамматики М. Гренинга [Успенский 1992: 72].

[2] В 1738–1740-х гг. В.Е. Адодуров читал публичные лекции по русскому языку в петербургском академическом университете; «пространная грамматика» представляет собой запись этих лекций; она была переписана или записана под диктовку учеником Академической гимназии И.М. Сердюковым.

«Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica» М. Гренинга вышла в Стокгольме в 1750 г.; первая часть ее представляет собой перевод «пространной грамматики» Адодурова. Отметим, что между грамматическими трактатами «доломоносовского периода» существует сложная система текстуальных пересечений, и ряд исследователей предпочитает говорить о «грамматике Академической гимназии» как о совокупности текстов, представляющих единую традицию, подводящую нас к «Российской грамматике» Ломоносова [Живов 2017, 2: 1012]. Репринт текста грамматики Гренинга был включен в книгу Б.О. Унбегауна [Drei russische Grammatiken 1969] — на это издание мы будем опираться при составлении словаря.

Мы предполагаем использовать материалы еще одного грамматического трактата. Это **«Grammaire et Méthode Russes et Françoises» Ж. Сойе** (1724), рукопись которого была обнаружена в конце 1980-х гг. Б.А. Успенским в Парижской национальной библиотеке [Sohier 1987: 3]. Считается, что грамматика Сойе осталась неизвестна петербургской академической традиции; тем не менее мы предполагаем включить ее в список источников нашего словаря, так как этот объемный труд представляет малоисследованный языковой и терминологический материал.

2.2. Новая филологическая мысль декларировала свою ориентацию на европейскую кодификационную модель, однако «на практике имел место определенный синтез новых установок со старой грамматической традицией, наиболее очевидным образом выразившийся в постоянном использовании грамматики М. Смотрицкого при создании грамматик нового литературного языка» [Живов 2017, 2: 1002]. Поэтому **грамматика М. Смотрицкого** входит в число основных источников нашего словаря. Мы будем пользоваться переизданием, подготовленным Е.А. Кузьминовой и М.Л. Ремневой [Грамматики 2000], в котором воспроизводится первое издание 1619 г. Еще одним из источников словаря станет **«Грамматика славенска» Ф. Максимова** (1723). Долгое время бытовало мнение, что она является сокращенной редакцией грамматики М. Смотрицкого [Мечковская 1984: 44-45], однако в недавних работах убедительно доказывается, что в ней реализуется собственная лингвистическая программа Максимова [Кузьминова 2012: 296-304]. Кроме того, мы предполагаем включить в словарь **грамматические материалы Ф. Поликарпова** — будет исполь-

зоваться монографическое издание его рукописей, подготовленное Е.Э. Бабаевой [Поликарпов 2000].

2.3. Говоря о первых грамматиках русского языка, мы хотели подчеркнуть принадлежность большинства из них к грамматической традиции Академической гимназии. К этой традиции принадлежат также первые грамматики иностранных языков, созданные в 1730–1750-е гг.; они также войдут в число источников нашего словаря. В первую очередь это **«Немецкая грамматика» М. Шванвица**. Первое ее издание вышло в 1730 г.; затем в 1734 г. вышло второе издание, в значительной степени переработанное Адодуровым; и, наконец, в 1745 г. вышло третье издание, в подготовке которого принял участие Я. Штелин. На значимость терминологических инноваций «Немецкой грамматики» для формирования русской грамматической терминологии обратил внимание Г. Кайперт [Keipert 1983], поэтому все три ее издания войдут в число источников словаря. Также мы обратимся к другим грамматикам иностранных языков, созданным в 1740–1750-х гг. Это **«Сокращение грамматики латинской» В.И. Лебедева** (1746), **«Новая французская грамматика» В.Е. Теплова** (1752) и **«Изъяснение новой французской грамматики» П. де ла Валя** (1752). Следует отметить, что эти учебные пособия представляют интерес не только как «трансферы» европейских кодификационных моделей на русскую почву, но и с точки зрения фиксации норм русского языка и выработки русской грамматической терминологии. Эти грамматики либо были написаны полностью по-русски (как грамматики Теплова и Лебедева), либо имели параллельные тексты на русском и иностранном языке (как грамматики Шванвица и де ла Валя). Для удобства студентов парадигмам словоизменения иностранного языка давались русские параллельные формы и подыскивались русские эквиваленты для немецких, французских и латинских терминов — таким образом, новые наименования входили в традицию грамматического описания, а также выстраивалась система понятийных соответствий между наименованиями грамматических категорий разных языков.

2.4. Чтобы представить, как в первой половине XVIII в. понималась система соответствий между грамматическими категориями европейских языков и русского языка, в число источников словаря мы включили европейские грамматические трактаты, которые имели хождение в кругу Академической гимназии и стали источ-

никами первых русских грамматик иностранных языков. Сюда вошли немецкая **«Vollständigere lateinische Grammatica Marchica»** (1718) и ее сокращенный вариант **«Compendium grammaticae latinae»** (1734) — выше мы упоминали, что «Compendium grammaticae russicae» имеет текстуальные переклички с «Grammatica Marchica»; что же касается ее сокращенной версии, то к ней восходит «Латинская грамматика» Лебедева. Кроме того, одним из источников нашего словаря станет грамматика, написанная для обучения русских студентов немецкому, — **«Das deutsche Grammatica» Харминтеса** (1713), к которой восходит «Немецкая грамматика» Шванвица [Koch 2002: 326]. Сама грамматика Харминтеса создана на базе **«Kurze Lehrschrift von der Hochteutschen Sprachkunst» К. Штилера** (1691) и **«Grund-Satze der deutschen Sprachen im Reden und Schreiben» И. Бёдикера** (1690) — оба эти текста мы предполагаем включить в число источников словаря. Из французских грамматик в число источников войдут: **«Grammaire générale et raisonnée» А. Арно и К. Лансло** (1660), **«Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande» Ж.Р. де Пеплие** (1719) и **«Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise» П. Ресто** (1730).

2.5. Привлечение материала русских, церковнославянских и европейских грамматик дает возможность представить концептуальное поле, в котором складывались лингвистические взгляды Ломоносова, получить новые сведения о начальном этапе кодификации русского языка, взаимных перекличках текстов, принадлежащих к традиции «Академической гимназии», роли европейской (в первую очередь немецкой) мысли в формировании языка грамматического описания в России. Однако задачей раздела «Диахронический контекст» также является изучение рецепции кодификационной модели и терминологических новаций Ломоносова в грамматиках второй половины XVIII в.

Выше мы указали на важную роль, которую сыграли грамматики иностранных языков и грамматики на иностранных языках в формировании языка грамматического описания в России в первой половине XVIII в. В 1760–1770-е гг. происходит обратный процесс: «Российская грамматика» Ломоносова переводится на иностранные языки, и для наименований грамматических категорий ломоносовской грамматики подыскиваются европейские эквиваленты. Именно поэтому представляется разумным также включить

в число источников словаря переводы «Российской грамматики» на немецкий и французский — **«Russische Grammatik» И.Л. Стафенгагена** (1764), **«Éléments de la langue russe» Ж.-Б. Шарпантье и Ф. Мариньяна** (1768), **«Russische Sprachlehre» Я. Родде** (1773). Отметим, что эти тексты являются не столько переводами грамматики Ломоносова, сколько творческими интерпретациями, адаптированными к запросам и потребностям изучающих русский язык иностранцев.

2.6. И, наконец, в разделе «Диахронический контекст» также будет исследован терминологический массив грамматик русского языка второй половины XVIII в. Здесь мы рассмотрим и грамматики, следующие предложенной Ломоносовым кодификационной модели, — как, например, **«Краткие правила российской грамматики»** (1773) и **«Российская универсальная грамматика» Н.Г. Курганова** (1769), и грамматики, в которых ломоносовская систематика подверглась существенным преобразованиям — как, например, в **«Российской грамматике» А.А. Барсова** (1783–1788) [Барсов 1981], **«Грамматике руководствующей к познанию славено-российскаго языка» А.Д. Байбакова** (1794), **«Краткой российской грамматике» Е.Б. Сырейщикова** (1787) и, наконец, в **«Российской грамматике, сочиненной Императорской Российской Академией»** (1802).

Таким образом, главной задачей раздела «Диахронический контекст» станет наглядное представление динамики термина как обозначения специального понятия в диахронии в двух направлениях: от ломоносовской «Российской грамматики» к доломоносовским и послеломоносовским грамматическим описаниям русского языка. Раздел завершится особой частью, в которой будут приведены термины, являющиеся современными наименованиями понятий, описанных Ломоносовым. В качестве источника современного сопоставительного материала мы будем использовать **«Грамматику–80»** под ред. **Н.Ю. Шведовой**, **«Лингвистический энциклопедический словарь»** под ред. **В.Н. Ярцевой** (1990), **«Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий»** под ред. **А.Н. Тихонова** и **Р.И. Хашимова** (2008), а также **«Школьный лингвистический словарь» А.В. Лемова** (2006).

ЛИТЕРАТУРА

Адодуров В.Е. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания российского языка» / Отв. ред. С.С. Волков, К.А. Филиппов. СПб., 2014.

Барсов А.А. «Российская грамматика» / Подг. текста М.П. Тоболовой; под ред. Б.А. Успенского. М., 1981.

Волков С.С. Трехъязычный словарь языка М.В. Ломоносова // Вестник РГНФ. 2012. № 3. С. 98-106.

Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии. Автореф. дис. … докт. филол. наук. Л., 1968.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научн. комм. и указ. Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М., 2000.

Давыдов И.И. Предисловие к новому изданию «Российской грамматики» Михаила Ломоносова // Грамматика русского языка академика М.В. Ломоносова 1755 года. СПб., 1855.

Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017.

Кузьминова Е.А. Развитие грамматической мысли в России XVI–XVIII в. М., 2012.

Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937.

Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2002.

Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.

Михальчи Д.Е. Славяно-русская грамматика Иогана Вернера Паузе. Дис. … докт. филол. наук. Л., 1969.

Поликарпов Ф. Технологiа: Искусство грамматики / Изд. Е.Э. Бабаевой. СПб., 2000.

Риторика М.В. Ломоносова / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб., 2017.

Рупосова Л.П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. М., 1987.

Сорокин Ю.С. Инструкция по составлению Словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М., 1960.

Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.

Успенский Б.А. Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоносовский период русского литературного

языка. Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г. Stockholm, 1992. С. 63-169.

Compendium grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002.

Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhundert. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O. Unbegaun. München, 1969.

Glück J.E. Grammatik der russischen Sprache. 1704 / Hrsg. von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Zivov. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Keipert H. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland // Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München, 1983. S. 77-140.

Keipert H. Die Darstellung des russischen Verbums in der «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» von J.V. Paus (1705–1729) // Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation. Frankfurt am Main, 2009. S. 179-209.

Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18 Jahrhunderts. Berlin, 2002.

Paus J.W. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg. Bearbeitet von A. Huterer. Schlussredaktion von H. Keipert. Bonn, 2016.

Sohier J. Grammaire et Méthode Russes et Francoises. 1724 / Факсимильное изд. под. ред. и с предисл. Б.А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987.

А.К. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПЕРЕВОД «ЛИФЛЯНДСКОЙ ЭКОНОМИИ» М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье обсуждаются проблемы представления в авторском словаре языкового материала «Лифляндской экономии» — руководства по сельскому хозяйству, переведенного М.В. Ломоносовым с немецкого языка. Данное сочинение расширяет словник и список примеров «Словаря языка М.В. Ломоносова» за счет как специальной, так и общеязыковой, а также диалектной лексики, обозначающей реалии жизни в сельской местности и связанной с ведением хозяйства. Существующий формат представления переводной лексики в «Словаре языка М.В. Ломоносова», предполагающий приведение параллельных контекстов на немецком языке для примеров из «Лифляндской экономии», может быть усовершенствован путем указания на связь лексемы из перевода Ломоносова с тем или иным словом или выражением из немецкого оригинала (в тех случаях, где это возможно).

Ключевые слова: XVIII век, Ломоносов, перевод, русский язык, немецкий язык, специальный текст.

Труд М.В. Ломоносова «Лифляндская экономия» (далее — ЛЭ) представляет собой выполненный с немецкого языка перевод пространного руководства по сельскому хозяйству «Stratagema oeconomicum» («Экономическая стратагема»), составленного пастором Соломоном Губертом и впервые изданного в 1645 г. Со-

гласно выводу, сделанному авторами комментария к т. 11 академического полного собрания сочинений Ломоносова, перевод сделан с третьего издания «Экономической стратагемы» [Gubertus 1688] и не содержит заметных отступлений от оригинала, за исключением опущения небольшого количества фрагментов, вероятно, не имевших практического значения для русских земледельцев [Ломоносов 1950–1983, 11: 203]. Наши собственные наблюдения также подтверждают этот тезис.

Еще П.Н. Берков отмечал, что «“Лифляндская экономия” должна быть изучена <…> со стороны сельскохозяйственной терминологии, использованной и, вероятно, создававшейся в отдельных случаях Ломоносовым в процессе его переводческой работы» [Берков 1946: 276]. Необходимо, однако, отметить, что почти полное отсутствие в первой половине XVIII в. сельскохозяйственных руководств на русском языке не позволяет говорить о сложившейся терминосистеме в данной области. Текст ЛЭ дополняет словник и список примеров словаря языка Ломоносова большей частью за счет элементов, которые можно отнести не к терминам (словам, обладающим специальным терминологическим значением, соотносимым с определенными единицами логико-понятийной системы в плане содержания [Герд 1996: 72]), а к профессионализмам (специальным словам, не имеющим строгого научного статуса и зачастую взятым из разговорной речи [Шелов, Лейчик 2012: 4]).

Во многих оригинальных сочинениях Ломоносова в явном виде реализован один из основных критериев терминологичности слова — наличие определения: ***Изобретение риторическое*** *есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи.* ***Идеями*** *называются представления вещей или действий в уме нашем* [Ломоносов 1950–1983, 7: 100]. В то же время в ЛЭ Ломоносов, следуя за немецким оригиналом, вводит узкоспециальные лексические единицы в текст непосредственно, не определяя их: *Они <инструменты> должны быть следующие:* ***широкий топор****, крепкий* ***ручной трезуб****,* ***бревенный трезуб****,* ***троегранная пила*** *для востренья трезубов... Для делания лестницы должно иметь* ***напарью*** *и, сверх того, большой и маленький* ***бурав****,* ***долото****, большой* ***нож****,* ***скобел****,* ***тиски****,* ***молот*** *и проч.* [Ломоносов 1950–1983, 11: 74].

В некоторых случаях для перевода слов, обозначающих подобные понятия, задействуется диалектная лексика: *Ставить* ***морды*** *в речках и протоках, которые текут в рыбные озера, за*

вершами *ловят, притом* ***снетки****. Ежели за* ***вершами*** *сделать* ***езы*** *из ветвей и камней, то встают щуки против быстрины скорее в* ***морды*** [Ломоносов 1950–1983, 11: 78]. Ср.: *МОРДА* «*Обл.* Плетеная из прутьев рыболовная снасть, верша» [Сл. РЯ XVIII в., 13: 31], см. также [Подвысоцкий 1885: 92]; *ВЕРША* «Рыболовная снасть» [Сл. РЯ XVIII в., 3: 60], см. также *вёрш* [СРНГ, 4, 172], *вёрша* [Подвысоцкий 1885: 17]; *СНЕТОК* как областное обозначение различных видов рыбы в [СРНГ, 39: 103]; *ЕЗ* «*Рыбол.* Перегородка через реку с отверстием, перекрытым сетью, куда ловится рыба» [Сл. РЯ XVIII в., 7: 74; СРНГ, 8: 328], см. также *ёзь* [Подвысоцкий 1885: 42]).

В этой статье рассмотрение специальной лексики в ЛЭ ограничено именами существительными; по семантике слова́, принадлежащие к ней, можно разделить на несколько категорий. А.М. Поликарповым и Т.Я. Кузнецовой было проведено исследование лексики для немецкого оригинала; разработанная авторами система когнитивно-образующих концептов [Поликарпов, Кузнецова 2016: 7-8] послужила отправной точкой при разработке типологии, приведенной ниже.

— **Постройки**: внутриусадебные сооружения и их компоненты (*конюшня*, *погреб*, *баня*, *овин*, *плетень*, *очаг*, *печь* и др.); технологические сооружения на водоемах (*плотина*, *садок*, *морда*, *верша*, *ез* и др.).

— **Инвентарь**: хозяйственный инвентарь (*метла*, *лукошко*, *кадка*, *обруч*, *дышло*, *вертлюг*, *бердо*, *уто́к* и др.); орудия охоты и рыбной ловли (*рогатина*, *винтовка*, *невод*, *тенета*, *сеть*, *мережа*).

— **Территории, занятые землей или водой**: участки для сельскохозяйственных работ (*сад*, *огород*, *цветник*, *палисадник*); лесные угодья (*сосняк*, *ельник*, *березник*, *осинник* и др.); водоемы (*пруд*, *речка*, *протока*, *озеро*, *ключ*, *кулига*).

— **Обозначения полевых работ** (*сенокос*, *орание*, *боронение* и другие).

— **Обозначения животных**: домашние животные и птицы (*скот* / *скотина*, *корова* / *бык* / *теленок*, *лошадь* / *жеребенок*, *кура* / *цыпленок*, *гусь*, *утка* и др.); дикие звери (*заяц*, *волк*, *медведь*, *горностай*, *олень*, *лось*); дикие птицы (*ворона*, *галка*, *сова*, *грач*, *ястреб* и др.); мелкие животные и насекомые (*лягушка*, *жаба*, *мышь*, *крот*, *клоп*, *блоха* и др.); рыбы и прочие обитатели водоемов (*щука*, *карась*, *салакуша*, *окунь*,

рак и др.); части тела животных (*копыто*, *рог*, *гребень*, *крестец*, *жила*, *лядвия* и др.).

— **Обозначения растений**: полевые культуры и их продукты (*рожь*, *овес*, *ярица*, *солома*, *мякина*); плодово-овощные культуры (*тыква*, *перец*, *репа*, *можжуха*, *чечевица* и др.); травы (*рута*, *крапива*, *калмус*, *иссоп*, *шалфей*, *лавровый лист* и др.); цветы (*лилия*, *роза*, *фиалка* и др.); коренья (*алантовое коренье*, *девесиловый корень*, *диктамнов корень* и др.).

— **Пищевые продукты и их компоненты** (*мука*, *хмель*, *солод*, *раковые жерновцы*, *пиво*, *водка* и др.), в том числе животного происхождения (*яйцо*, *жир*, *сало*, *душка* и др.).

— **Вещества** (*смола*, *глина, негашеная известь*, *селитра*, *купорос*, *чернила* и др.).

— **Нечистоты** (*навоз*, *мыто* и др.).

— **Болезни** (*лом*, *желтуха*, *колика*, *озноба*, *паралич* и др.).

— **Названия дней** (*Иванов день*, *Михайлов день*, *Егорьев день*, *Благовещение*, *Покров Богородицы*).

— **Единицы измерения, меры** (*лисфунт*, *лоф*, *золотник*).

Рассмотрим, каким образом специальная лексика, представленная в ЛЭ, соотносится с лексикой в других сочинениях Ломоносова. Здесь возможны варианты:

— слово фиксируется в других сочинениях Ломоносова в том же значении, что и в ЛЭ (многочисленные примеры), ср.: МЕЛЬНИЦА *В феврале должно свозить валеный лес*, *хлеб на* ***мельницу*** *посылать с верным человеком*, *а молоть на исходе месяца*, *ибо такая мука в лете бывает спора* [Ломоносов 1950–1983, 11: 76]);

— слово фиксируется в ЛЭ в новом значении по сравнению с другими сочинениями Ломоносова (единичные примеры), ср.: МЕСТО ‘Орган, связывающий зародыш с телом матери во время внутриутробного развития’ [Сл. РЯ XVIII в., 12: 147]: *Коровы носят по 10 месяцев; и если им в родах тяжело будет*, *то бросить им в горло 6 или 7 луковиц*, *чтоб они их проглотили. Если* ***место*** *из них не скоро выйдет*, *то дай им сельдиных молок*, *некоторые варят чабер*, *чернобыль и им дают пить* [Ломоносов 1950–1983, 11: 123];

— слово не фиксируется ни в каких сочинениях Ломоносова, за исключением ЛЭ (более 130 слов), например: КУКУШКА *Ежели* ***кукушка*** *около праздника святого крестителя Иоанна перестанет кричать*, *то осенью рано начнутся моро-*

зы [Ломоносов 1950–1983, 11: 91]; НЕВЕЙНИЦА ‘Невеяное (не очищенное от мякины) зерно. Мука из невеянного зерна, хлеб, испеченный из такой муки’ [Сл. РЯ XVIII в., 14: 134]): *Ежели кто* ***невейницу*** *пек, то выбравши их <лепешки>, можно пряники посадить, они еще упекутся после* [Ломоносов 1950–1983, 11: 145].

Существующий формат представления лексики в «Словаре языка М.В. Ломоносова» предполагает использование особой пометы в случае, если слово встречается в одном из произведений с особым статусом (к их числу относится и «Лифляндская экономия»). В случае если слово не фиксируется в русскоязычных текстах предшествующего Ломоносову периода, это отражается при помощи пометы «Впервые у Ломоносова»[1]. Кроме того, помимо контекста из ЛЭ, приводится параллельный контекст на немецком языке из «Stratagema oeconomicum» С. Губерта. Такая форма представления материала рассчитана на высокий уровень языковой компетенции пользователя словаря и дает ему возможность самостоятельно делать вывод о степени соответствия перевода оригиналу в приводимых выдержках из них. Однако для большей наглядности могло бы иметь смысл в явном виде прописывать связь лексемы из перевода Ломоносова с тем или иным словом или выражением из немецкого оригинала. Анализ обоих текстов обнаруживает следующие варианты соотношения между ними:

— слово Ломоносова представляет собой переводной эквивалент слова той же части речи у Губерта (наиболее частый вариант). В этом случае возможно указание на слово-эквивалент типа «ПУЛМОНАРИЯ. В переводе с немецкого “Лифляндской экономии” С. Губерта как эквивалент немецкого *Lungenwurtz*». Возможны случаи, когда одному и тому же русскому слову соответствует более одного немецкого: *семя* — *Korn*, *Saat*. Встречаются и обратные примеры: одному и тому же немецкому слову может соответствовать более одного русского (*Rose* — *роза* и *шиповник*);

— эквивалентом немецкого слова является не слово, а словосочетание из русского текста. Статьи «Словаря языка

[1] Сочетание этих двух помет указывало бы на создание Ломоносовым новой лексической единицы специально для нужд данного перевода. Примеры таких слов — переводы названий некоторых трав: *лецекель* (*Letzekel*), *либетон* (*Liebstock*), *ренифарен* (*Reinfahren*).

М.В. Ломоносова» строятся на базе заголовочных слов, но устойчивые словосочетания фиксируются и указываются в статье на опорный компонент, поэтому лексикографическое описание подобных случаев также не вызовет затруднений. Пример — *ренский уксус* как эквивалент немецкого *Weinessig*;

— устанавливается однозначное соответствие между словом в русском тексте и словом в немецком, но семантика русского слова не соответствует семантике немецкого. Так, слово *стриж* у Ломоносова использовано как эквивалент немецкого *Specht*, означающего «дятел», что фиксируется в немецких исторических словарях — ср. определение из словаря И.К. Аделунга: «Вид лесной птицы с заостренным клювом, которая лазает по деревьям, пробивает кору клювом и достает оттуда своим длинным языком найденных там личинок насекомых»[2]. Здесь возможно указание типа «СТРИЖ. В переводе “Лифляндской экономии” С. Губерта как эквивалент немецкого *Specht* “дятел” (вероятно, ошибка перевода)». Примеры подобного рода немногочисленны;

— однозначного эквивалента в тексте оригинала для русского слова найти не удается. Ломоносов в ЛЭ во многих случаях сохранял структуру предложений, близкую к представленной в оригинале, но в некоторых случаях ему приходилось отступать от этого принципа. В ЛЭ есть случаи, когда 1) сложное немецкое слово переводится русским неидиоматичным словосочетанием (*Ahlkaste* — *садок для угрей*); 2) немецкое слово переводится словом той же части речи, но другой семантики (*Fischerey* «рыболовство» — *рыба*); 3) немецкое слово одной части речи переводится русским словом другой части речи (было найдено несколько примеров, когда конструкция с немецким глаголом переводилась конструкцией с русским существительным: *Wenn ein Pferd sich* ***reibet*** («Когда лошадь натрет себя») — *Когда у лошади* ***восца***[3]); 4) структура предложения при переводе изменена,

[2] Der Specht... eine Art Waldvögel mit einem winkeligen Schnabel, welche auf den Bäumen herum klettern, die Rinde aufbicken und die dahinter befindlichen Larven der Insecten mit ihrer langen wurmförmigen Zunge hervor hohlen [Adelung 1811: 173] (перевод мой. — *А. Ф.*).

[3] ВОСЦА ‘Зудящий лишай’ [Сл. РЯ XVIII в., 4: 101]; см. также переносные значения в [СРНГ, 5: 152].

так что соответствия русскому слову в немецком тексте нет. К примеру, слово *улей* в одном случае употреблено как эквивалент немецкого *Immen-Stock*, в другом же заменяет конструкцию *Wo man Immen hält* «<место,> где держат пчел». В этих случаях возможно давать указания на немецкие аналоги, но с буквальным переводом аналога.

Выводы

— «Лифляндская экономия» расширяет словник «Словаря языка М.В. Ломоносова» более чем на 130 единиц за счет одних только существительных, обогащая его как специальной, так и общеязыковой лексикой, в том числе из сферы обиходного языка, включая диалектизмы. Лексический состав текста «Лифляндской экономии» покрывает самые разнообразные сферы, относящиеся к ведению сельского хозяйства;

— существующий формат «Словаря языка М.В. Ломоносова», предусматривающий приведение параллельных контекстов для примеров из ЛЭ, может быть усовершенствован путем указания на соотношение заголовочного слова с немецким аналогом (в случае его наличия). Наиболее часто наблюдается однозначное соответствие между словом в русском тексте и словом в немецком (не всегда правильное). Также выявлены случаи соответствия между словом и словосочетанием; однословным компонентом, отличающимся по семантике; словом другой части речи; случаи несовпадения синтаксической структуры. Все эти случаи могут быть отражены в структуре словаря.

ЛИТЕРАТУРА

Берков П.Н. Ломоносов и «Лифляндская экономия» // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946. С. 271-276.

Герд А.С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 68-90.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. / Гл. ред.: С.И. Вавилов, Т.П. Кравец. М.; Л., 1950–1983.

Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.

Поликарпов А.М., Кузнецова Т.Я. Немецкий сельскохозяйственный дискурс в XVII веке (на материале трактата Соломона Губерта «Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. Вып. №4. С. 5-15.

Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л.; СПб., 1984–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–27–. М.; Л.; СПб., 1965–.

Шелов С.Д., Лейчик В.М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 3-16.

Adelung J.C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Wien, 1811.

Gubertus S. Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student, Denen jungen, ungeübten Akkers-Leuten in Lieffland, zum nöthigen Unterrichte, vermittelst vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet. Riga, 1688.

Н.Л. Васильев

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

Д.Н. Жаткин

Российский государственный социальный университет, Москва

О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В.А. ЖУКОВСКОГО»

В статье рассматриваются некоторые результаты словарного отражения языка виднейших поэтов прошлого в аспекте авторской лексикографии. Обосновывается актуальность подготовки «Словаря поэтического языка В.А. Жуковского».

Ключевые слова: словари языка поэтов, лексемы, фразеологизмы, онимы, В.А. Жуковский.

В последние годы ощутимо филологическое внимание к лексикографированию языка русских поэтов XVIII–XX вв. (см., например [Васильев 2001; 2013в; Васильев, Жаткин 2009; 2013; 2015; 2016ж–и; 2017и–л; 2018; Воронова 2004–2014; Журавлева, Хашимов 2015; СЯРП]). Это свидетельство зрелости отечественной авторской лексикографии [Шестакова 2011], повышения исследовательских требований к точности наблюдений над языком классиков, выражающейся в строгом структурном и квантитативном подходе к писательским «лексиконам» (лексемы, онимы, фразеологизмы, частотно-рейтинговые речевые характеристики), развития персонализированной корпусной базы словоупотребления в целях оптимизации подготовки толковых и исторических словарей [Васильев 2015а; 2016а]. Подобный справочный инструмента-

рий не только объединяет и стимулирует интересы лингвистов и литературоведов в русле изучения исторической лингвопоэтики, но и работает на перспективу, закладывая фундамент для осмысления эволюции поэтического языка, проведения разнообразных исследований.

В настоящий момент мы располагаем теми или иными корпусными данными о языке И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова [Кимягарова 2006], К.Н. Батюшкова, Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, К.Ф. Рылеева, А.А. Дельвига, А.С. Пушкина [СП; Шоу 2000], Н.М. Языкова, Е.А. Баратынского, А.И. Полежаева, Ф.И. Тютчева [Голованевский 2009], Д.В. Веневитинова, М.Ю. Лермонтова [Частотный словарь 1981], А.В. Кольцова [Кольцов 1991], Н.П. Огарева — т.е. многих поэтов первой половины XIX в., так или иначе связанных с «золотым веком» отечественной словесности.

Это позволило, в частности, сопоставить объем лексиконов и ономастиконов поэтов, проследить привлечение ими окказионализмов и фразеологизмов, «измерить» степень близости авторских лингвопоэтик, установить те или иные «корпоративные» статистические закономерности [Васильев, Жаткин 2016а,к].

Так, выявлено, что Веневитинов использует 2835 слов и 80 онимов; Давыдов — 3535 слов, 3 варваризма, 254 онима, один иноязычный; Карамзин — 4693 слова, 4 варваризма, 379 онимов, включая 5 иноязычных; Дельвиг — около 5 тысяч слов, включая 4 варваризма, и приблизительно 400 онимов; Тютчев — около 6 тысяч слов; Рылеев — 6008 слов, 525 онимов; Баратынский — 6845 слов, 352 онима; Дмитриев — 7663 слова, 693 онима; Полежаев — 8209 слов, 20 варваризмов, 512 онимов; Языков — 8429 слов, 11 варваризмов, 596 онимов; Лермонтов — около 10 тысяч слов (в собственно поэтических текстах); Огарев — 10 303 слова с учетом варваризмов, 492 онима, 40 иноязычных; А.С. Пушкин — около 13 тысяч слов (в собственно поэтических текстах); Вяземский — 14 823 слова, 34 варваризма, 1529 онимов, 24 иноязычных.

Доля индивидуально-авторских лексем в поэтическом языке Веневитинова — 0,25 %, Батюшкова — 0,35 %, Карамзина — 0,43 %, Давыдова — 0,45 %, Дмитриева — 0,54 %, Рылеева — 0,57 %, Баратынского — 0,88 %, Огарева — 1,55 %, Языкова — 1,66 %, Вяземского — 1,85 %. Для сравнения: в языке Пушкина в целом (поэзия, проза, критика, письма и т.д.) подобных слов и имен около 1 % [Васильев 2013а: 54-65].

По числу привлекаемых фразеологизмов лидирует Огарев, в произведениях которого встречается около 300 подобных языковых единиц; у Вяземского их 119, Дмитриева — 108, Баратынского — 96, Батюшкова — 72, Рылеева — 66, Языкова — 34, Дельвига — 32, Давыдова — 26, Карамзина — 18, Веневитинова — 12. Для сравнения: в романе Пушкина «Евгений Онегин» использовано более 100 фразеологизмов [Васильев 2013а: 112-122], что свидетельствует о чрезвычайной активности данных преимущественно разговорно-просторечных стилистических элементов в поэтике классика.

Доля однократно употребленных слов в поэзии Вяземского — 39 %, Огарева — 41,7 %, Карамзина — 42 %, Батюшкова и Рылеева — 44,7 %, Дельвига — 45,4 %, Языкова — 45,5 %, Баратынского и Полежаева — 46 %, Дмитриева — 46,2 %, Давыдова — 46,9 %, Веневитинова — 50,6 %; т.е. подтверждается статистическая зависимость данного показателя от объема выборки речевых фактов.

Доля общего в лексиконах Пушкина и Веневитинова, если использовать методику, предложенную одним из авторов статьи [Васильев 2013б], составляет 16,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину — 81,7 %, присущее только Веневитинову — 1,2 %; общее в словарях Пушкина и Давыдова — 18 %, свойственное Пушкину — 75,3 %, присущее Давыдову — 6,7 %; общее в словарях Полежаева и Тютчева — 20,3 %, свойственное Полежаеву — 65,5 %, присущее Тютчеву — 14,2 %; общее в словарях Пушкина и Дельвига — 22,1 %, свойственное Пушкину — 68,5 %, присущее Дельвигу — 9,4 %; общее в словарях Полежаева и Огарева — 23 %, свойственное Полежаеву — 41,8 %, присущее Огареву — 35,2 %; общее в словарях Полежаева и Языкова – 25,1 %, свойственное Полежаеву — 46,4 %, присущее Языкову — 28,5 %; общее в словарях Давыдова и Веневитинова — 25,4 %, свойственное Давыдову — 49,2 %, присущее Веневитинову — 25,4 %; общее в словарях Дельвига и Языкова — 26 %, свойственное Дельвигу — 20,3 %, присущее Языкову — 53,7 %; общее в словарях Баратынского и Веневитинова — 26,8 %, свойственное Баратынскому — 63,4 %, присущее Веневитинову — 9,8 %; общее в словарях Пушкина и Рылеева — 27,7 %, свойственное Пушкину — 60,6 %, присущее Рылееву — 11,7 %; общее в словарях Полежаева и Баратынского — 28,4 %, свойственное Полежаеву — 53,7 %, присущее

Баратынскому — 17,9 %; общее в словарях Пушкина и Карамзина — 29,2 %, свойственное Пушкину — 59,6 %, присущее Карамзину — 11,2 %; общее в словарях Дельвига и Баратынского — 30 %, свойственное Дельвигу — 26 %, присущее Баратынскому — 44 %; общее в словарях Баратынского и Языкова — 35,5 %, свойственное Баратынскому — 23,4 %, присущее Языкову — 41,1 %; общее в словарях Пушкина и Дмитриева – 35,6 %, свойственное Пушкину — 50 %, присущее Дмитриеву — 14,4 %; общее в словарях Карамзина и Дмитриева — 35,9 %, свойственное Карамзину — 24,4 %, присущее Дмитриеву — 39,7 %; общее в словарях Пушкина и Языкова — 35,9 %, свойственное Пушкину — 49,2 %, присущее Языкову — 14,9 %; общее в словарях Пушкина и Полежаева — 36,1 %, свойственное Пушкину — 40,7 %, присущее Полежаеву — 23,2 %; общее в словарях Полежаева и Лермонтова — 36,1 %, свойственное Полежаеву — 39,2 %, присущее Лермонтову — 24,7 %; общее в словарях Пушкина и Вяземского — 38,9 %, свойственное Пушкину — 40,9 %, присущее Вяземскому — 20,2 %; общее в словарях Пушкина и Лермонтова — 41,1 %, свойственное Пушкину — 46,3 %, присущее Лермонтову — 12,6 % (см., в частности [Васильев 2015б: 253-266, 2016б; Васильев, Жаткин 2016б–е; 2017а–з]).

В контексте сказанного актуально лексикографическое обращение к такой крупной литературной фигуре первой половины XIX в., как В.А. Жуковский (1783–1852). Творчество писателя само по себе знаменует особый этап становления русской поэзии и поэтического языка, связанный с романтизмом, новыми жанровыми формами [Измайлов 1968]. Одновременно Жуковский — один из непосредственных предшественников Пушкина в стиховом отношении, его литературный наставник и старший друг [Черейский 1988: 156-158; Путеводитель 2009: 179-180]. Следовательно, анализ качественно-количественной структуры языка этого поэта имеет принципиальное значение для авторской лексикографии, позволит выявить языковой «масштаб» личности писателя, отражение в его произведениях важнейших тенденций в истории художественного языка, увидеть стилистические черты, связывающие Жуковского с поэтами-предшественниками и современниками.

В отличие от многих поэтов первой половины XIX в., Жуковский оставил значительное литературное наследство, которое лишь недавно было учтено в полной мере. Последнее обстоятель-

ство дает возможность обратиться к созданию словаря языка этого писателя без риска оставить вне внимания малоизвестные тексты автора, а с ними и лексемы, онимы, фразеологизмы, которые по указанным причинам не вошли бы в словарь. Надо заметить, что неполнота корпусов писательских текстов в виде отсутствия полных собраний их сочинений (это касается, например, произведений А.Ф. Мерзлякова, В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинки, В.Г. Бенедиктова) существенно сдерживает намерения создать новые лексикографические справочники такого рода.

Текстовая база словаря опирается на все известные поэтические сочинения Жуковского (лирика, поэмы, баллады, сказки, драматургия, переводы, стихотворные вставки в прозе и письмах) [Жуковский 1999–2016]. Это позволит с максимальной полнотой отразить язык автора. В словаре будут представлены сведения о лексемах, фразеологизмах, именах собственных, использованных писателем, об их речевой активности, значениях редких и окказиональных слов, а также функционально-стилистические пометы при необычных словоупотреблениях (с указанием на конкретные тома и страницы, если частотность лексем и онимов не превышает 10 раз), будут даны необходимые пояснения к именам собственным, помещен рейтинг наиболее частотных слов.

Словарная статья будет строиться по традиционному для наших предшествующих словарей принципу: слово (имя собственное); указания, по необходимости, на основную или современную орфографическую форму лексемы (онима), лексическую и ономастическую омонимию, частеречную отнесенность грамматических омонимов, значение, а иногда и стилистические признаки устаревших, малоизвестных и индивидуально-авторских слов (*арх.*, *ист.*, *ст.-слав.*, *церк.-слав.*, *поэт.*, *прост.*, *диалектн.*, *окказ.*, *в перен. употребл.*, *в каламб. употребл.* и т.д.), фразеологические связи лексем, смысл важных для понимания творчества и биографии поэта онимов (все перечисленные характеристики приводятся в квадратных скобках); сведения о количестве употреблений конкретных лексем (онимов) — с обозначением особой индексацией их локализации в упомянутом издании произведений писателя, если речь идет о низкочастотных в его творчестве словарных элементах (при этом в круглых скобках приводится частотность словарной единицы, а после двоеточия — тома и страницы соответствующих текстов). Если какие-то локализуемые

малочастотные лексемы или онимы встречаются на одной и той же странице конкретного тома собрания произведений Жуковского неоднократно, указание на их повторяемость оформляется с помощью нижнего цифрового регистра ($_{2, 3, 4...}$).

Значения слов нами толкуются, как правило, при отсутствии соответствующих лексем или отдельных их архаичных смыслов в самом популярном словаре современного русского языка [Ожегов, Шведова 2003], что позволяет минимизировать второстепенную информацию, касающуюся традиционного литературно-разговорного узуса. При выявлении окказионализмов, помимо разнообразных толковых, исторических, диалектных и иных словарей, будут учитываться данные Национального корпуса русского языка, что позволит объективировать выводы об индивидуально-авторской природе словоупотребления писателя, определить литературные первоисточники и другие прецедентные тексты, показать с помощью соответствующих иллюстраций преемственность идиостиля Жуковского с предшественниками и современниками. Таким образом, словарь является по своей лексикографической типологии переходным между алфавитно-частотным справочником и объяснительным авторским словарем.

Реализация заявленного проекта потребует больших временных, исследовательских и технических усилий; но итоги этой работы, надеемся, будут востребованы в филологическом плане как новое, необходимое звено, заполняющее лакуны в системном изучении языка русской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001.

Васильев Н.Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск, 2013а.

Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф.И. Тютчева и А.И. Полежаева // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность. Брянск, 2013б. С. 193-196.

Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. Саранск, 2013в.

Васильев Н.Л. Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // Академик

А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015а. С. 993-1001.

Васильев Н.Л. Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М., 2015б.

Васильев Н.Л. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // Международный журнал экспериментального образования. 2016а. № 1. С. 150-153.

Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и А.И. Полежаева // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016б. № 4. С. 99-104.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. М., 2009.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь Н.М. Языкова. М., 2013.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Окказиональная лексика в произведениях поэтов «пушкинской плеяды» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016а. № 3. С. 24-27.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и Д.В. Веневитинова // Балтийский гуманитарный журнал. 2016б. № 4. С. 23-26.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и П.А. Вяземского // Балтийский гуманитарный журнал. 2016в. № 4. С. 27-30.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и Н.М. Языкова // Балтийский гуманитарный журнал. 2016г. № 4. С. 31-34.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.А. Дельвига и Е.А. Баратынского // Балтийский гуманитарный журнал. 2016д. № 4. С. 42-45.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов Д.В. Давыдова и Д.В. Веневитинова // Балтийский гуманитарный журнал. 2016е. № 4. С. 46-49.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М., 2016ж.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. М., 2016з.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М., 2016и.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Фразеология в произведениях поэтов «пушкинской плеяды» (сравнительно-статистические аспекты) // Балтийский гуманитарный журнал. 2016к. № 3. С. 16-19.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Балтийский гуманитарный журнал. 2017а. № 1. С. 21-24.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и А.А. Дельвига // Балтийский гуманитарный журнал. 2017б. № 1. С. 45-48.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и А.И. Полежаева // Балтийский гуманитарный журнал. 2017в. № 2. С. 24-28.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и Н.М. Языкова // Балтийский гуманитарный журнал. 2017г. № 2. С. 29-32.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и К.Ф. Рылеева // Балтийский гуманитарный журнал. 2017д. № 2. С. 36-40.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева // Балтийский гуманитарный журнал. 2017е. № 3. С. 20-24.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина // Балтийский гуманитарный журнал. 2017ж. № 3. С. 25-29.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и И.И. Дмитриева // Балтийский гуманитарный журнал. 2017з. № 3. С. 47-51.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М., 2017и.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза, 2017к.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева. М., 2017л.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова. М., 2018.

Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Ч. 1–3. Воронеж, 2004–2014.

Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. М., 1999–2016. Т. 1–14.

Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина: В 2 ч. М., 2015.

Измайлов Н.В. В.А.Жуковский // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1968. Т. 1. С. 237-265.

Кимягарова Р.С. Словарь языка басен Крылова. М., 2006.

А.В. Кольцов: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Под ред. Р.К. Кавецкой. Воронеж, 1991.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003.

Путеводитель по Пушкину / М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, Н.С. Ашукин [и др.]. М., 2009.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М., 1956–1961.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–7– / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М., 2001–2017–.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 717-774.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Шоу Дж.-Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина: В 2 т. М., 2000.

Г.И. Шипулина
Бакинский славянский университет, Баку

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ЛЕРМОНТОВА. “ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ”»

В статье излагается общая концепция словаря языка романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Это полный по составу авторский словарь, представляющий многопараметровое описание лексики романа. Центральной частью каждой словарной статьи является определение значения (значений) слова. В заключительной части словаря содержится семь приложений в виде функционально различных словников.

Ключевые слова: Лермонтов, «Герой нашего времени», авторский словарь, концепция словаря.

В Бакинском славянском университете в 2010 г. начата работа по созданию словарей языка русских поэтов. В 2012–15 гг. опубликован семитомный «Словарь языка Есенина»: пять томов посвящены поэтическому языку (из них два тома — служебным словам и три тома — знаменательным частям речи), еще два тома представляют комплексное описание языка художественной прозы Есенина [Шипулина 2012–2015]. В 2016 г. опубликован двухтомный «Словарь языка Лермонтова. “Герой нашего времени”» (далее — Словарь) [Шипулина 2016] и начата работа по составлению «Словаря языка Лермонтова. Стихотворения»; предполагается осуществить также лексикографирование языка всех поэм Лермонтова, включая и юношеские, лингвистическое описание которых еще не предпринималось.

Исходя из типологии авторских словарей, предложенной Л.Л. Шестаковой [2011: 53-58], мы определяем Словарь как лингвистический с элементами энциклопедизма, монографический, полный, объяснительный, многопараметровый словарь авторского языка со словом (реже — словосочетанием) в качестве основной заголовочной единицы, алфавитный, одноязычный, исторический (словарь писателя начала XIX в.), научно-описательный, книгопечатный.

На основе приобретенного в процессе работы опыта мы пришли к выводу о предпочтительности создания не общего авторского словаря, а раздельных — в зависимости от рода литературы (это касается, на наш взгляд, наиболее крупных мастеров художественного слова, какими являются и Сергей Есенин, и Михаил Лермонтов — именно поэтому работа над «Словарем языка Лермонтова» началась с лексикографического описания языка не поэзии, а лучшего русского романа XIX в.).

В процессе работы складывалась определенная концепция описания языка художественной прозы — и за эталон мы посчитали возможным принять исследование прозаического языка Лермонтова, а не Есенина.

Основные положения концепции Словаря языка романа Лермонтова таковы.

1. В основу Словаря положен тезис Л.В. Щербы о том, что «словари писателей должны быть сделаны по типу thesaurus <…> в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз», с уточнением, что «под каждым словом приводятся все цитаты из имеющихся на данном языке текстов», потому что, «только располагая всей полнотой цитации, можно строить какие-либо предположения и выводы» [Щерба 1974: 281, 286]. Мысль Щербы продолжает и дополняет в Предисловии к «Словарю автобиографической трилогии М. Горького» Б.А. Ларин: «…в полном словаре писателя основная задача — не в объяснении непонятного слова или его необычного употребления, а в систематизации и истолковании всего лексического богатства <…> сочинений писателя как внутренне целостного (отражающего сложившуюся идеологию), эпохального (четко ограниченного во времени и характеризующего свою эпоху) и вполне объективного, исключающего произвол отбора, оценочный или предвзятый подход (ибо всякий пробел, всякое упущение лишают возможности составлять точные, достоверные суждения о данной лексической

системе)» [Ларин 2002: 443]. Поэтому в Словаре описывается вся, без единого исключения, лексика романа (6072 единицы) — это 62,57 % всей лексики, употребленной писателем в прозе, согласно произведенным нами подсчетам по [Алфавитно-частотный словник 1981]; отбор иллюстративного материала осуществлялся методом сплошной выборки из электронного варианта с последующей пословной сверкой его по трем печатным изданиям произведений М.Ю. Лермонтова [1911; 1957; 1996].

2. Концептуальной основой Словаря является также максимально полное описание значений и их оттенков для всех лексем (включая и небольшое количество устойчивых сочетаний) с приведением разумного количества цитатного материала и с указанием частотности конкретной лексемы и каждого ее значения, причем значения каждой лексемы определялись одновременно по разным, наиболее авторитетным толковым словарям русского языка [Словарь Даля; БАС; МАС; Ожегов, Шведова 1992; БТС; Ефремова 2000 и др.]. Принципиально важным представляется нам и показатель частотности не только каждого значения, но и всех его оттенков, поскольку это позволяет определить лексико-семантические предпочтения автора.

3. После указания частотности в словарной статье даются грамматические и функционально-стилистические пометы, традиционные для толковых словарей (особенность лермонтовского языка — наличие большого количества слов, требующих постановки двух-трех стилистических помет); выделяются пометы: *в сравнении*, *переносное*, *метафора*, а также рубрика традиционных устойчивых сочетаний, во многих случаях, что особенно важно, подвергающихся лермонтовским трансформациям.

4. При наличии значительного количества примеров на одно значение каждой лексемы, иллюстрации, не вошедшие в основной раздел словарной статьи, переносятся в зону шифров с указанием соответствующей главы романа и перечислением всех страниц, на которых они встретились.

5. Принципиально важным для концепции авторского словаря представляется нам наличие Приложений, количество которых меняется в каждом словаре в зависимости от конкретных задач описания; в Словаре Приложение включает семь словников, функционально различных, которые можно использовать и в качестве самостоятельного источника информации.

Алфавитно-частотный словник I с указанием частеречной принадлежности лексем позволяет максимально быстро найти лексему и установить общую частоту ее употребления.

Частотный словник II предназначен для установления самых частотных единиц лермонтовского идиолекта (в общенародном языке это, как правило, служебные слова, в Словаре: союз **и** 1298, предлог **в** 988, частица **не** 880). Но на первом месте в Частотном словнике оказалось личное местоимение **я** (1765), на 467 употреблений опередившее союз **и** (1298); менее частотны, хотя и входят в первую десятку, лично-указательные местоимения **он** (865), **она** 686 (значительно уступают им местоимения **вы** (360), **мы** (295), а **ты** (239) находится на 17-м месте — все это позволяет делать выводы уже не лексикографического порядка). Намного реже употребляются лексемы основных знаменательных частей речи: глаголы **быть** (625), **сказать** (252) и **мочь** (172); существительные **Грушницкий** (123), **рука** (106), **глаз** (97). При наличии подобных Частотных словников для идиолектов крупнейших писателей XIX в. можно определить частотность русских лексем на разных этапах функционирования языка.

Словники III (частеречная принадлежность лексем с указанием их частотности) и IV (функционально-стилистически и грамматически маркированные единицы) предназначены для решения более практических, но тем не менее очень важных для грамматики и стилистики русского языка проблем.

Концептуально важен V Словник лермонтовских лексем, отсутствующих в «Словаре языка Пушкина»: понимая, что сравнение всего лексикона Пушкина и лексикона одного романа Лермонтова не вполне корректно, мы берем на себя смелость утверждать, что это сравнение поможет историкам языка установить даты появления каких-то конкретных лексем в русском языке.

Включение Словников VI (этимологически восточные слова в романе «Герой нашего времени») и VII (иностранные слова и выражения, переданные в романе латинской графикой) тоже определены концепцией Словаря: первый — тем, что ни у кого из русских авторов не было в одном произведении такого количества восточной лексики (125), прекрасно проанализированной в большом числе современных статей и монографий, использование которых мы посчитали допустимым в Словаре; второй отражает язык представителей того светского круга, к которому принадлежал

Лермонтов; латинская транслитерация — доказательство неассимилированности лексем русским языком.

Основой для выработки концепции Словаря стал для нас «Словарь языка Пушкина» [СП] и собственный опыт работы над авторскими словарями.

ЛИТЕРАТУРА

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. — http://www.slovopedia.com (октябрь 2018).

Ларин Б.А. Основные принципы «Словаря автобиографической трилогии М.Горького // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. СПб., 2002. С. 443-450.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 153-276.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 6. СПб., 1957. С. 202-347.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / Предисловие В.А. Мануйлова; Комментарий В.А. Мануйлова и О.В. Миллер. СПб., 1996.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Словарь Даля — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955–1956.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М., 1956–1961.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 717-774.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Шипулина Г.И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1. Предлоги. Баку, 2012; Вып. 2. Союзы. Частицы. Баку, 2012; Словарь языка Есенина. Имя существи-

тельное. Баку, 2013; Словарь языка Есенина. Глагол. Баку, 2013; Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку, 2013; Словарь языка Есенина. Художественная проза. Т. 1. А–О; Т. 2 П–Я. Приложения. Баку, 2015.

Шипулина Г.И. Словарь языка Лермонтова. «Герой нашего времени»: В 2 т. Т. 1. А–О; Т. 2. П–Я. Приложения. Баку, 2016.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265-304.

М.Л. Алексеева

Институт иностранных языков
Уральского государственного педагогического университета,
Екатеринбург

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ

Статья посвящена описанию основных принципов построения авторского словаря нового типа — диахронического переводного словаря языка писателя. Данный проект реализован при разработке русско-немецких диахронических словарей-справочников реалий в романах Ф.М. Достоевского в печатном и электронном форматах.

Ключевые слова: двуязычный писательский словарь, Ф.М. Достоевский, диахрония, реалии.

В современной авторской лексикографии происходит расширение круга источниковой базы, расширение спектра лексикографируемых объектов, в частности портретируются сверхсловные единицы, варьируется степень интерпретации языкового материала, находят отражение диахронические процессы. Это обусловливает расширение типологии существующих словарей и словарных жанров.

Наиболее полно система авторских словарей и справочников представлена в исследованиях Л.Л. Шестаковой [2012]. Типология построена с учетом 12 взаимодополняющих дифференциальных признаков, путем сочетания которых возможно квалифицировать

различные разработки в области лексикографирования языка писателей: 1) по характеру даваемых в словаре сведений; 2) по количеству описываемых авторов; 3) по охвату описываемого материала; 4) по основному объекту описания; 5) по основной цели описания; 6) по единице описания; 7) по способам наполнения словарной статьи; 8) по расположению заголовочных единиц; 9) по числу языков; 10) по временной перспективе; 11) по адресату; 12) по типу информационного носителя. Диахронический переводной словарь-справочник дополняет типологию авторских словарей, реконструируя историю перевода произведений писателя, специфику рецепции его творчества в иной языковой и культурной среде, историю развития национального языка, становление техники перевода, развитие норм перевода. Он включает переводные соответствия из разных по времени выполнения параллельных переводов одного и того же произведения, сделанных разными переводчиками, а также их толкование на исходном языке и все внетекстовые переводческие пояснения.

Идея разработки диахронических переводных авторских словарей реализована нами при составлении двух печатных диахронических русско-немецких словарей реалий [Алексеева 2007; 2016] и электронного иллюстрированного диахронического русско-немецкого словаря-справочника реалий [Алексеева 2008].

Рассмотрим принципы построения словарей нового типа. **Адресатом** являются специалисты в области перевода: преподаватели, практикующие переводчики, студенты высших учебных заведений, а также преподаватели иностранного языка и широкий круг пользователей, изучающих иностранный язык самостоятельно. Словари могут использоваться непосредственно в переводческой деятельности или как источники иллюстративного и исследовательского материала для курсовых и дипломных работ. **Материалом** словаря послужили наименования-реалии из пяти основных романов Ф.М. Достоевского и их 30 разновременных параллельных переводов, выполненных в период с 1882 по 2003 г. Это позволяет отнести диахронический переводной словарь-справочник к писательским — основному типу авторского справочника [Шестакова 2012: 15]. Он является полным по отношению к лексикографируемому объекту. По степени охвата всего творчества данного автора — это словари к конкретным произведениям, то есть неполные писательские словари. **Мегаструктура** словаря-справочни-

ка состоит из предисловия, корпуса, включающего пять глав (содержащих материал пяти основных романов Ф.М. Достоевского), и нескольких приложений: сводной таблицы разновременных вариантов перевода русских реалий с обратным переводом автора, списка освоенных русских реалий по словарю иностранных слов немецкого языка Duden Fremdwörterbuch и алфавитного указателя русских реалий в романах Ф.М. Достоевского. **Макроструктура** издания предполагает алфавитный порядок расположения лемм. В первом издании словаря-справочника [Алексеева 2007] все лексические единицы, представленные в словаре, располагались по романам, внутри романов — систематизировались по алфавиту начальных букв вокабул и имели последовательную нумерацию арабскими цифрами. В издании [Алексеева 2016] отсутствует деление по отдельным произведениям, леммы выстроены в прямом алфавитном порядке. **Микроструктура** состоит из нескольких зон:

зона 1 — словарная единица;

зона 2 — пояснения значения слова (определения значений взяты из толковых словарей русского языка);

зона 3 — русская реалия в контексте (примере) из романа писателя (равном одному предложению) на языке оригинала с указанием страницы, что позволяет при необходимости обратиться к более широкому контексту;

зона 4 — разновременные параллельные переводы с указанием имени переводчика (в сокращении), года первоиздания перевода и страницы, на которой находится данное слово. Затем следуют немецкие варианты перевода в хронологическом порядке;

зона 5 (факультативная) — переводческие пояснения (при наличии) вводятся непосредственно после перевода с указанием их формы: постраничные сноски или затекстовые примечания.

Проиллюстрируем специфику микроструктуры словаря фрагментом русско-немецкого словаря-справочника реалий в романах Ф.М. Достоевского [Алексеева 2008]:

Русская реалия	**кумач, кичка, коты**
Словарное значение	Д. Кичка: бабий головной убор, с рогами, род повойника (сорока без рогов,

	кокошник с высоким передом). Коты: женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезными голенищами, с алою суконною оторочкой. Кумач: сарафан, верхняя женская одежда.
Русский контекст	Ф. Д. с. 63. Она в **кумачах**, в **кичке** с бисером, на ногах **коты**, щелкает орешки и посмеивается.
Перевод № 1	W. H., 1882, B. I, S. 64.
Контекст	Sie war geputzt, knackte Nüsse und war sehr vergnügt.
Перевод № 2	H. R., 1909, S. 93.
Контекст	Sie trägt ein **rotes baumwollnes Kleid**, einen **Kopfputz** aus Glasperlen, an den Füßen plumpe Schuhe; sie knackt Nüsse und lacht.
Перевод № 3	W. B., 1935, S. 68.
Контекст	Jetzt ziehen sie noch ein Frauenzimmer zu sich herauf, eine dicke und rotbackige Person, die unentwegt Nüsse knackt und lacht, in einem **bunten Baumwollkleide**, **der Kitschka**, **Kopfschmuck mit Glasperlen**, auf dem Kopf, **Überschuhe** an den Füßen.
Перевод № 4	R. H., 1960, S. 75.
Контекст	Sie trägt **Baumwollzeug**, einen **Kopfputz** mit Glasperlen, hat **Bauernschuhe** an den Füßen und knackt lachend Nüsse.
Перевод № 5	M. B., 1984, S. 75.
Контекст	Sie trägt ein rotes **Kattunkleid**, einen **Kopfputz** mit Glasperlen, **derbe Schuhe** an den Füßen, knackt Nüsse und lacht.
Перевод № 6	S G., 1994, S. 78–79.
Контекст	Sie trägt ein **rotes Kattunkleid**, eine **Haube** mit Glasperlen, an den Füßen feste Stiefel, sie knackt Haselnüsse und lacht.

Русская реалия	**кутья**
Словарное значение	Д. Каша с сытою, изюмом, из обдирного ячменя, пшеницы, рису, из толстой крупы, приносимая в церковь при поминках и подаваемая за упокойным столом, а местами и в рождественский сочельник, называемый посему на юге также кутьей, как зовут и сочельники Крещенья и Нового года.
Русский контекст	Ф. Д. с. 62. При этом всегда они брали с собой **кутью** на белом блюде, в салфетке…
Перевод № 1	W. H., 1882, B. I, S. 62.
Контекст	Es wurde dann jedesmal **Kutja** auf weißer Schüssel, in eine Serviette gehüllt, mitgenommen...
Перевод № 2	H. R., 1909, S. 90.
Контекст	Dann nahmen sie jedesmal **Kutja*** auf einer weißen Schüssel, in einer Serviette, mit…
Сноска	Ein Gericht aus Graupen oder Reis, in Honig gekocht und mit Rosinen gemengt, welches bei einer Totenfeier zum Einsegnen in die Kirche gebracht wird.
Перевод № 3	W. B., 1935, S. 66.
Контекст	Jedesmal wurde dabei die **Kutja**, **die Totenspeise**, auf einer weißen Schüssel, in eine Serviette eingeschlagen, mitgenommen, und diese Kutja war sehr süß, sie bestand aus Reis und Rosinen, die in Gestalt eines Kreuzes in den Reis eingedrückt waren.
Перевод № 4	R. H., 1960, S. 73.
Контекст	Bei dieser Gelegenheit brachten sie immer die **Kutja*** auf einer weißen Schüssel in einer Serviette mit…
Примечание	*Kutja*: und danach von den Hinterbliebene gegessen wird.
Перевод № 5	M. B., 1984, S. 73.

Контекст	Sie nahmen dann immer **Kutja** mit, auf einer weißen Schüssel in einer Serviette…
Перевод № 6	S. G., 1994, S. 76–77.
Контекст	Dann nahmen sie immer **Kutja*** mit, auf einer weißen Platte, in eine Serviette eingeschlagen…
Примечание	*Kutja*: Ein spezielles Gericht, das nach Totenmessen und Gedenkgottesdiensten, an manchen Orten auch zu Weihnachten, geweiht und den Besuchern gereicht wurde, meist aus Reis oder Graupen, mit Rosinen und Honig gesüßt.

Диахронический переводной словарь-справочник реалий относится к толково-переводным авторским словарям исторического типа. Количество и глубина временных периодов задаются источником материала. Разработанные нами словари включают шесть временных срезов (1880–90-е гг., до 20-х гг. XX в., 1920–30-е гг., 1950–60-е гг., 1970–80-е гг., 1990-е гг.– нач. XXI в.), охватывая весь период освоения творчества писателя в Германии с 1882 по 2003 г.

Наилучшим способом реализации идеи многоаспектного авторского словаря, включающего множественные разновременные варианты перевода романов писателя, может послужить электронный диахронический переводной словарь-справочник, компактно и наглядно раскрывающий возможности языка и перевода. Такой справочник позволяет не только отобразить все возможные варианты перевода в контексте и раскрыть значение русских реалий XIX в., но и автоматизировать процесс поиска переводных эквивалентов, осуществить поиск по заданной реалии, вычислить частоту употребления того или иного переводческого приема, выбрать наиболее удачные переводческие решения или при необходимости предложить свой перевод, сохранив его в базе данных.

Электронный иллюстрированный диахронический русско-немецкий словарь-справочник реалий имеет трехчастную **мегаструктуру**: предкорпусная часть, корпус, послекорпусная часть. Предкорпусная часть включает шесть блоков:

1. Предисловие.
2. Правила пользования.

3. Список источников примеров.
4. Список лексикографических источников.
5. Список условных сокращений.

Послекорпусную часть образуют три навигатора, размещенные за кнопками «справочники». Они предоставляют дополнительные возможности: позволяют просматривать, удалять, добавлять и редактировать информацию. Справочник «Реалии» включает список реалий, выстраиваемый в начально- и конечно-алфавитном порядке, толковый словарь русских реалий, иллюстрации. В справочнике «Контексты» представлены минимальные контексты, равные одному предложению, их немецкий перевод и обратный перевод автора. Справочник «Романы» содержит полную информацию по выходным данным оригинального издания и соответствующих параллельных переводов.

Расположение основных композиционных частей справочника отражено на стартовой странице (Рис. 1).

Работа с основным корпусом осуществляется с помощью кнопки «поиск». Поиск единиц может осуществляться на основании следующих параметров: по заданной части слова или целому слову, возможному варианту перевода или его части, различным произведениям, году или автору перевода. На Рис. 2 представлен фрагмент словаря, иллюстрирующий процесс поиска заданной единицы, нахождения контекста, в котором она употребляется, и толкования значения соответствующей русской реалии:

Микроструктура «бумажного» словаря сохраняется, но в электронном издании появляется возможность работать в автоматическом режиме со всеми зонами словарной статьи в любой последовательности или активизировать какую-либо одну зону, не просматривая всю статью.

Электронный словарь-справочник создан на гипертекстовой основе, предполагающей специально разработанную систему ссылок и позволяющей в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить и обрабатывать материал. Использовалась технология организации гипертекста жесткой структуры с фиксированными отношениями между его элементами, как иерархического (древовидного), так и сетевого строения. Гипертекстовые технологии позволяют представить словарные статьи нелинейно и сочетать разнородную информацию: текст, цветные иллюстрации, таблицы, схемы.

Электронные и печатные словари-справочники органично вписываются в типологию авторских словарей, обогащая современную русскую авторскую лексикографию, которая, как отмечает Л.Л. Шестакова, динамично развивается как в теоретико-методологическом, так и в практическом аспекте [Шестакова 2017: 504]. Диахронические переводные авторские словари играют важную роль в сохранении культурного наследия народов. Переводчики разных поколений старались максимально точно и полно передать содержание реалий, индивидуальный стиль автора, авторскую эстетику, сохраняя исторический колорит и национальное своеобразие. Экстралингвистическая информация в сносках и затекстовых пояснениях переводчиков способствует сохранению и более глубокому толкованию культурных традиций народа и идентичности нации. Авторские словари-справочники нового типа представляют собой своего рода летопись освоения творчества писателя в конкретной языковой и культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М.Л. Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского: словарь-справочник. Екатеринбург, 2007.

Алексеева М.Л. Русские реалии в зеркале немецкого языка. Электронный словарь-справочник. Екатеринбург, 2008.

Алексеева М.Л. Диахронический переводной словарь-справочник русских реалий. По материалам разновременных немецких переводов романов Ф.М. Достоевского. Екатеринбург, 2016.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2012.

Шестакова Л.Л. Стилистический аспект описания лексики в современных авторских словарях // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. научных материалов / Отв. ред. И.Л. Копылов. Минск, 2017. С. 504-510.

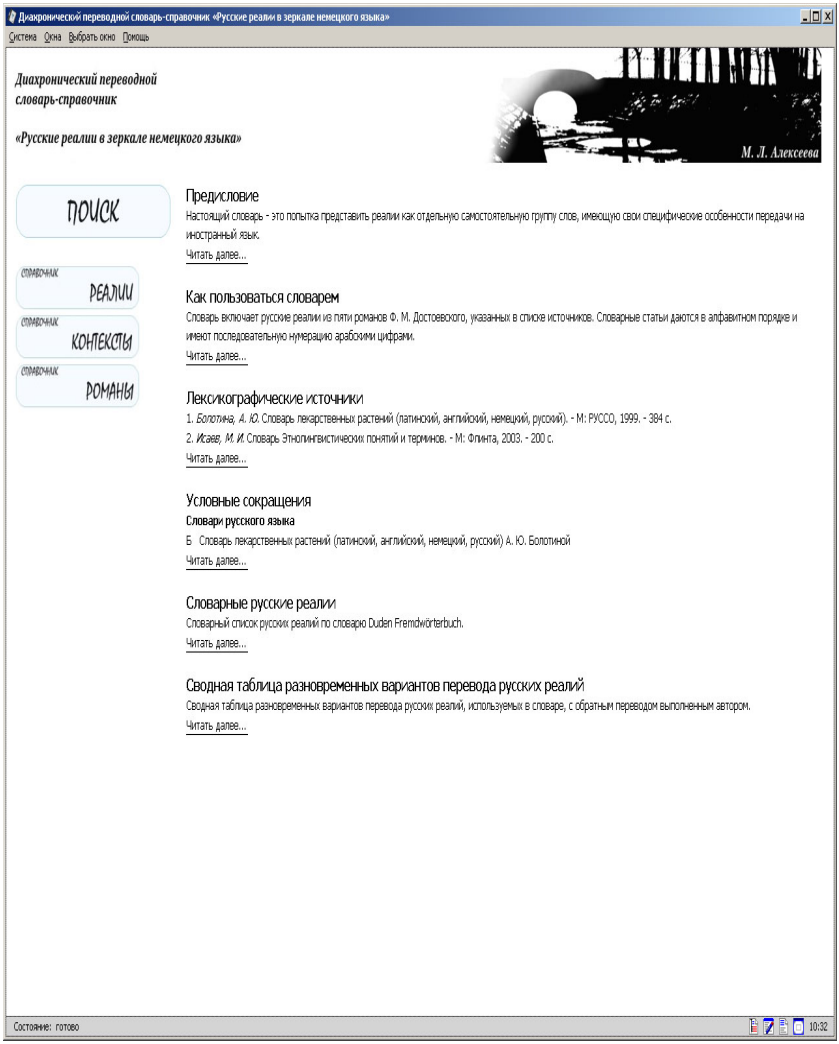

Рис. 1.
Стартовая страница.

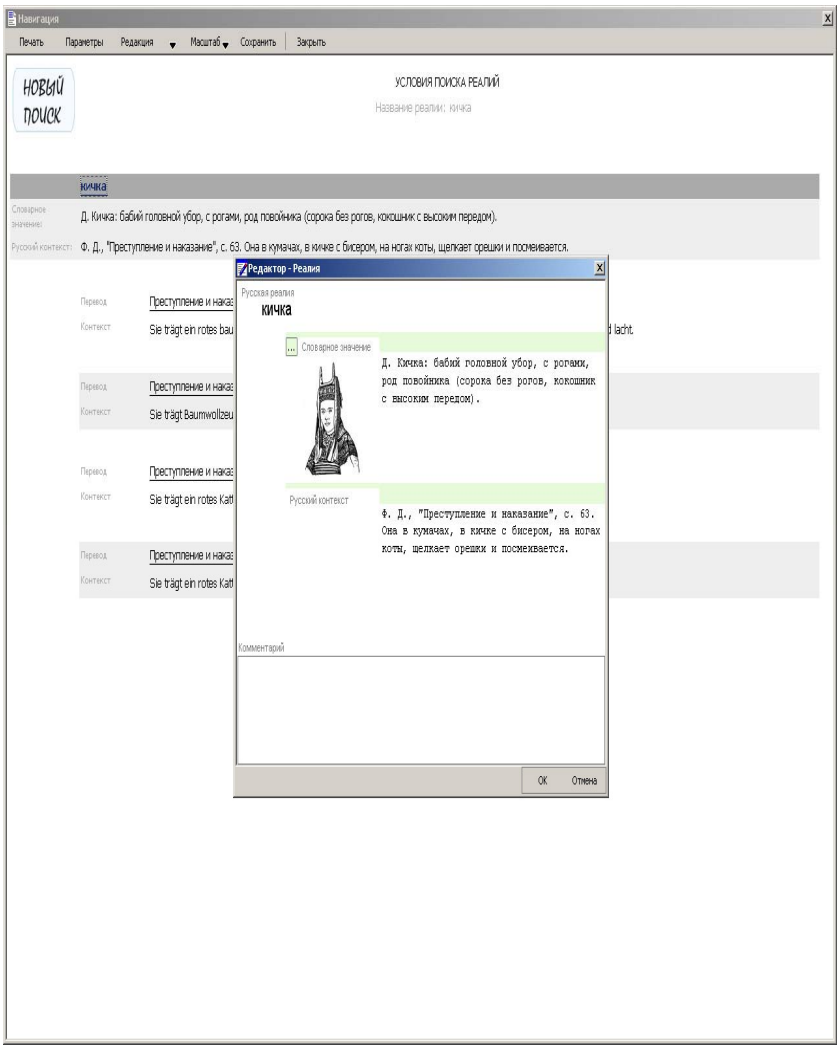

Рис. 2.
Поиск реалий в словаре.

Ю.В. Архангельская

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Тула

ОТРАЖЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО В СЛОВАРЕ НОВОГО ТИПА

В статье представлено издание автора, вышедшее в 2016 г.: «Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)». Своеобразием Словаря является то, что все собранные новообразования Л.Н. Толстого распределены в нем по четырем разделам: в первом разделе сосредоточены камерные (семейные) инновации писателя, сфера употребления которых была ограничена семьей и близким семье кругом; во втором разделе представлены общеупотребительные слова и выражения, авторство которых принадлежит Толстому; в третьем разделе размещены устойчивые сочетания, в которых отражаются представления носителей русского языка о личности самого Л.Н. Толстого (т.е. это выражения не Толстого, а о Толстом, он лишь стимулировал их возникновение как незаурядная личность); и в четвертом разделе — избранные афоризмы писателя как из собранных им самим книг, так и из его дневников и писем. Таким образом, Словарь с разных сторон демонстрирует инновационные возможности языковой личности Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: креативная языковая личность, индивидуально-авторские инновации, камерные и общеупотребительные новообразования, Л.Н. Толстой.

В предлагаемом вниманию лингвистического сообщества издании «Лев Толстой в языке и речи: словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)» [Архангельская 2016][1] собраны индивидуально-авторские новообразования писателя. Подобные единицы могут быть двух видов: речевые (характеризующиеся либо одноразовостью, либо узким кругом употребления) и языковые (массово воспроизводимые, ставшие достоянием узуса). Языковые инновации обладают разной степенью распространения: одни известны большинству носителей языка, другие — только хорошо образованным или даже эрудированным людям. До сих пор речевые и языковые инновации Л.Н. Толстого не были собраны в одном словаре, а многие и вовсе никогда не подвергались лексико- или фразеографической обработке. Настоящее издание (далее — Словарь) призвано сделать это.

Таким образом, главная цель Словаря состоит в том, чтобы представить Л.Н. Толстого как новатора в области языка и речи.

Мы исходим из того, что любая авторская инновация со временем либо становится общеупотребительной (постепенно входит в узус и после этого уже является достоянием языка), либо остается окказиональной (индивидуально-авторской, «одноразовой», речевой). Однако, по нашему мнению, существуют и единицы, занимающие, так сказать, промежуточное положение. Это слова, словосочетания и выражения, которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью, но только в рамках определенного (обычно небольшого) коллектива (они хотя и не вошли в узус, но уже перестали быть «одноразовыми»). Такие образования мы называем вслед за В.Л. Архангельским камерными. Определение «камерный» исследователь применял исключительно к единицам фразеологии, однако, по нашим наблюдениям, камерным может быть и значение отдельного слова. Камерная (в частности, семейная) лексика и фразеология, насколько нам известно, до сих пор вообще не подвергалась словарной обработке. В нашем Словаре впервые собраны и прокомментированы камерные значения слов и камерные фразеоло-

[1] Исследование проводилось в 2014–2016 гг. в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (№ НИР 1706) в научно-исследовательской лаборатории «Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. Языковая личность в текстах культуры» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого.

гические единицы семьи Л.Н. Толстого. Этот раздел Словаря позволяет показать, что значения слов и выражений, употребление которых ограничено рамками небольшого коллектива, могут при определенных условиях становиться достоянием узуса (например, такой стала единица *энергия заблуждения*) либо стоять на грани этого (*арзамасский ужас*, *зеленая палочка*, *муравейное братство*).

Особенность и новизна данного Словаря состоят в том, что он позволяет посмотреть на языковую личность Л.Н. Толстого с разных сторон, так как включает четыре раздела и соответствующие им группы единиц: 1. Камерные (семейные) инновации Л.Н. Толстого (лексика и фразеология). 2. Общеупотребительные инновации Л.Н. Толстого (лексика и фразеология). 3. Устойчивые высказывания о Л.Н. Толстом. 4. Избранные афоризмы Л.Н. Толстого.

Единицами описания первых трех разделов Словаря являются слова, словосочетания и предложения, обладающие устойчивостью и воспроизводимостью либо на уровне речи (1-й раздел), либо на уровне языка (2-й и 3-й разделы). Единицей четвертого раздела является афоризм (афористическое высказывание).

1-й раздел Словаря. Камерные инновации обнаруживаются в письмах и дневниках Л.Н. Толстого, а также в письмах, дневниках, мемуарах членов его семьи и близких дому людей. Кроме того, камерные новообразования семьи Толстых широко используются в биографической литературе, связанной с именем Толстого, в разнообразных путеводителях по его имению «Ясная Поляна», альбомах и т.п.

Среди камерных толстовских новообразований, вошедших в Словарь, широко представлены, во-первых, микротопонимы (устойчивые сочетания, обозначающие особенности яснополянского имения и ландшафта): *Абрамовская посадка*; *Горелая поляна*; *дерево бедных*; *дом Волконского*; *Кузминский дом*; *Заказ*; *Засека*; *Клины*; *Провалы*; *Чепыж* и др. Во-вторых, множество камерных устойчивых единиц называют внутренние помещения дома Толстого и предметы интерьера. Почти каждая комната имеет свое название: *комната под сводами*; *комната с бюстом*; *ремингтонная* (от названия пишущей машинки фирмы «Remington») и другие. В третью группу камерных инноваций входят прозвища людей (*big Маша*; *little Маша*; *Дуняша, мамá пришла за делом*; *Дуняша по дорожкам*; *Дуняша позабылась*; *зефироты*; *Татьяна Татьяновна*; *Тигр Тигрович* и др.). Четвертую группу представляют

камерные инновации ситуативного характера, которые в семье Толстых употреблялись в определенных ситуациях. Многие из них имеют свою историю: иногда трогательную, иногда забавную, иногда смешную (*А надо узнать, что скажет начальство*; *А ты это делаешь с инструментом*; *А у тебя погода плохо себя ведет*; *А это берсовская кислота завелась, и сидение беспокойно*; *Архитектор виноват*; *Баба моется*; *для Прохора*; *Не можешь не плясать — пляши!*; *Чернила испаряются* и др.). В пятую группу камерных единиц входят особенно интересные выражения, обладающие абстрактным значением и называющие различные реалии мировоззренческого характера (*анковский пирог*; *арзамасский ужас*; *зеленая палочка*; *муравейное братство*; *муаровый жилет* и др.). Шестой тип камерных единиц — это единицы эвфемистического характера, заменяющие слова *умереть* и *смерть*, а также выражения, характеризующие приготовление к смерти: *вступление в другую форму жизни*; *до последнего звонка*; *ехать последний перегон*; *переезд через главный перевал*; *превратиться в азот и кислород*; *приготовиться к вступительному экзамену*; *путешествие*; *отправиться в большое путешествие* и др. Таковы наиболее многочисленные группы камерных единиц, представленных в Словаре.

2-й раздел Словаря. Говоря об общеупотребительных инновациях Л.Н. Толстого, следует сделать одно очень важное замечание. Среди них есть как единицы, имеющие прототипы, но не являвшиеся до их использования писателем общеупотребительными, устойчивыми, воспроизводимыми в определенном значении, так и единицы, не имеющие прототипов.

Например, крылатые выражения *власть тьмы*; *непротивление злу <насилием>*; *царство божие внутри нас*; *единое на потребу* восходят к Евангелию, однако мы относим их к инновациям Л.Н. Толстого, поскольку только после употребления писателем эти единицы становятся общеупотребительными, приобретая воспроизводимость и устойчивость — признаки, которые большинством ученых считаются основными при отнесении того или иного сочетания к фразеологическому. Инновации такого рода либо возникают с опорой на прототексты (в частности, библейские); либо у них развиваются новые значения на основе прежних (например, выражение *живой труп* до употребления Толстым существовало в русском языке, однако после появления одноименной пьесы появилось и новое значение); либо меняется сфера их употребления:

из единиц ограниченной сферы употребления они становятся общеупотребительными (так произошло со словом *образуется*, по поводу которого большинство исследователей сходятся в том, что оно было «подслушано» Толстым в народном языке, диалекте, а не придумано, но только после появления романа «Анна Каренина» оно стало известно и понятно всем носителям русского языка). В отличие от них автором единиц, которые не имеют прототипов, являлся сам Толстой (*война и мир*; *Наташа Ростова*; *Не могу молчать*; *Он пугает, а мне не страшно* и др.).

Кроме того, к толстовским инновациям мы относим и те единицы, которые он вообще не употреблял или употреблял лишь в крайних случаях, в силу необходимости или для того, чтобы отмести от себя причастность к их распространению, но появление которых было стимулировано самой личностью Л.Н. Толстого (*толстовец*; *толстовство* и др.).

Общеупотребительные инновации Толстого, вошедшие в Словарь, включают 1) слова, которые обычно находят отражение в современных толковых словарях русского языка, то есть слова, которые уже вошли в узус, при этом их происхождение рядовым носителям языка, как правило, неизвестно (*изюминка*; *непротивление*; *образуется* и др.); 2) крылатые единицы, авторство которых носители языка чаще всего соотносят с личностью Толстого и которые фиксируются в словарях крылатых фраз (*власть тьмы*; *Всё смешалось в доме Облонских*; *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить*; *дубина народной войны*; *живой труп* и другие). Часть таких единиц была зафиксирована ранее в различных словарях крылатых слов и выражений, часть фиксируется впервые. Стоит отметить, что в существующих ныне сборниках крылатых единиц отмечается разное количество толстовских новообразований. Настоящее издание содержит наиболее полное собрание толстовских крылатых единиц и общеупотребительных слов, появление которых в языке связано с личностью Толстого.

В ***3-м разделе Словаря*** размещены устойчивые выражения, в которых отражаются представления носителей русского языка о личности Л.Н. Толстого. Одни из них являются крылатыми фразами, авторство их известно. Например: *великий писатель земли русской* (И.С. Тургенев); *Какая глыба, какой матёрый человечище!* (М. Горький); *Лев Толстой как зеркало русской революции* (В.И. Ленин); *Чудо-юдо: нежный граф превратился в книжный шкаф* (И.

Бродский). Другие устойчивые выражения, стимулированные самим существованием личности Толстого, подтвержденного авторства не имеют: *Лев Толстой кругом неправ, потому что был он граф*; *На словах ты Лев Толстой, а на деле хрен пустой.* Последняя фраза очень употребительна, в практике русской речи имеет несколько десятков вариантов, часть из которых являются нецензурными. Однако данная фраза, как это ни странно, вовсе не разрушает представление о Льве Толстом как о незаурядной языковой личности. Первую часть фразы *На словах ты Лев Толстой…* можно понять как «говоришь-то ты так же хорошо, как Лев Толстой…», т.е. в ней отражается признание того, что Лев Толстой был мастером слова.

В ***4-м разделе Словаря*** размещаются избранные афоризмы писателя. Л.Н. Толстой, как известно, в последний период жизни и творчества был очень увлечен составлением сборников мудрых мыслей, куда входили афоризмы и афористические высказывания мыслителей разных стран и веков, среди них были и мысли самого Толстого. В настоящее издание помещены избранные афоризмы Толстого как из этих, собранных им самим книг, так и из его дневников и писем (*Да, жить надо всегда так, как будто рядом в комнате умирает любимый ребенок. Он и умирает всегда. Всегда умираю и я*; *Музыка есть стенография чувств*; *Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира*; *Доброта для души — то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею*; *Чтобы поверить в добро, нужно начать делать его* и др.).

Таким образом, Словарь демонстрирует инновационные возможности языковой личности Л.Н. Толстого, которые ярко проявляются на уровне лексики, фразеологии, синтаксического строения афоризма и афористичного высказывания. Надеемся, что материалы, собранные в Словаре, позволят исследователям делать заключения о влиянии сильной креативной языковой личности, каковой, безусловно, является Л.Н. Толстой, на определенные сферы национального языка, а также решать вопросы, связанные с вхождением индивидуально-авторских инноваций в узус и закреплением в нем.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельская Ю.В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула, 2016.

Д.А. Романов
Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Тула

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ XIX ВЕКА

(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)*

Статья посвящена проблеме формирования словника авторского толкового словаря учебного типа. Предпринята попытка определить классы лексем, потенциально непонятных современному читателю в тексте XIX в. Предложен вариант разграничения помет, маркирующих причины возникновения «темных» семантических зон.

Ключевые слова: агноним, историзм, архаизм, диалектная лексика, специальная лексика, низкочастотная лексика.

Чтение художественного произведения середины XIX в. у современных читателей, особенно у представителей молодого поколения, нередко вызывает затруднения, связанные с пониманием отдельных слов и словосочетаний, а это приводит к неполноте восприятия авторского замысла. Трудности в осмыслении содержания художественного текста во многом объясняются наличием в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00008.

нем лексических единиц, обозначающих специфические для прошедших эпох реалии окружающей действительности и характеристики взаимоотношений человека с миром. Кроме того, это связано с недостаточным объемом индивидуального «внутреннего лексикона» (в терминологии А.А. Залевской) каждого отдельного читателя.

Слова, которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю, принято называть **агнонимами** [от греч. *a* — «без», *gnosis* — «знание» и *onyma* — «имя»]. Термин «агноним» для обозначения слов, непонятных языковой личности, был предложен более 20 лет назад в работе [Морковкин, Морковкина 1997]. Согласно концепции агнонимии к ее сфере принадлежат лексемы, о которых носитель языка может сделать следующие утверждения: 1. Совершенно не знаю, что значит слово. 2. Имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной сфере реальности. 3. Знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, признаков и т.д., но не знаю, чем именуемая реалия отличается от других реалий данного класса. 4. Знаю, что слово обозначает определенную реалию, но не знаю ее конкретных особенностей, способов использования, функционирования и пр. 5. Знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет, как проявляется признак, осуществляется процесс и т.д. 6. Знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта, но предполагаю, что многие люди его не знают или знают недостаточно [Морковкин, Морковкина 1997: 119].

Эти шесть критериев, положенные в основу опроса современных старшеклассников, сформировали первоначальный словник учебного словаря «За строкой “Войны и мира” Л.Н. Толстого» [Романов, Савина 2013]. Одновременно разрабатывалась идея потенциальной агнонимии и потенциального агнонимического пространства художественного текста XIX в., которая дополняла практическое исследование [Савина 2015]. Причина такой корректировки предмета объясняется тем, что количество реальных агнонимов (и это наглядно показало экспериментальное исследование) в сознании каждого человека весьма различно. Их число зависит от уровня начитанности, общей эрудиции, объема и устойчивости памяти, характера воспитания, ценностных ориентиров, разносторонности или узости интересов и т.д. А для словника нужен среднестатистический, но реальный для современного молодого чита-

теля объем агнонимической лексики. Такой среднестатистический корпус имеет смысл выявлять по соотношению с традиционно выделяемыми лексикологами группами ограниченной в употреблении лексики. Они и будут составлять потенциальные агнонимы: 1. Устаревшая лексика (историзмы, архаизмы); 2. Узкоупотребительная лексика (специальная: военная, церковная, медицинская, театральная, музыкальная, пчеловодческая, охотничья, гиппологическая и др.; диалектная; просторечная); 3. Малоупотребительная (низкочастотная) лексика (так называемые «редкие слова»).

В соответствии с этим уместно вводить словарные пометы: названия обозначенных групп будут представлять агнонимирующий фактор. Возможно пересечение названных групп, а из-за этого некая размытость причин агнонимии: понятно, что специальная и диалектная лексика также относится к низкочастотной, которую предпочтительно бы было растворить в других группах, имеющих четкое основание выделения. Однако практика показала, что упразднить эту неопределенную в объеме, в чем-то аморфную группу невозможно, так как не-диалектную, не-специальную низкочастотную лексику приходится относить к категории «редких слов». В процессе лексикографической работы это определялось как «проблема редкого слова». Особенно значительно она встала на этапе оформления пометы агнонимирующего фактора. Здесь важно указать, что на практике воплощался принцип предельного сужения группы «редких слов» и употребления самой пометы *Редк.* Такая помета принципиально не давалась в сочетании с другими и характеризовала, таким образом, только низкочастотную лексику, не относящуюся к группам специальной и диалектной лексики.

В связи с этим необходимо упомянуть и проблему экзотизмов, которые специально в словаре не обозначались. Архаизированные экзотизмы относились к устаревшей лексике, а актуальные — к группе редких слов (речь идет о лексемах вроде *аббат*, *бургомистр*, *жандарм*, *канцлер*, *капрал*, *мамелюк*, *тугендбунд*, *иллюминатство*).

В художественном тексте романа Толстого потенциально агнонимическая лексика в основном представлена устаревшими словами. Это можно объяснить тем, что при архаизации слово удаляется из арсенала языковой личности как неактуальное, неадекватное современным коммуникативно-культурным ценностям социума. А за время, прошедшее после написания романа, архаизирующих сдвигов произошло немало.

Уровень понимания устаревшей лексики современными школьниками невысок. Значительная часть устаревших слов современного русского языка воспринимается учащимися на уровне частичного или ложного понимания. Изменение и сокращение круга чтения у современной молодежи, вытеснение экранной культурой культуры книжной ведет к неизбежному изменению соотношения между лексическим ядром и периферией. Менее четкий характер лексических связей на периферии, «возрастание количества различительных семантических признаков у лексических единиц по мере их удаления от ядра является причиной того, что многие слова или их отдельные значения оказываются непонятными или не вполне понятными современному носителю русского языка» [Черняк 2003: 465].

Среди устаревшей лексики в потенциально-агнонимическом плане преобладают **историзмы**. Далеко не всегда можно встретить комментарий к таким словам в тексте произведения, что вполне объяснимо: для современников Толстого и самого автора понимание их не вызывало никаких затруднений. В современных изданиях романа комментарии к таким словам минимизированы, так как наблюдение за печатанием текста осуществляют, как правило, специалисты-филологи, уровень эрудиции которых несоизмерим не только с уровнем эрудиции школьника, но и с познаниями рядового взрослого читателя наших дней.

Многие значимые для середины XIX в. понятия, связанные с обозначением в романе лиц по занимаемой должности, профессии, социальному положению и др., ушли в прошлое и без специальных разъяснений непонятны современному читателю (*бурмистр*, *гофмаршал*, *исправник*). Довольно много историзмов среди наименований различных видов одежды (*армяк*, *кушак*, *мантилья*, *пудроманта*, *редингот*), обуви и головных уборов (*штиблеты*, *капор*), украшений, аксессуаров и деталей внешнего вида человека (*букли*, *лорнет*, *ридикюль*), средств передвижения, перевозки и их составных частей (*бричка*, *дрожки*, *постромки*), наименований карточных игр (*бостон*, *вист*, *гранпасьянс*, *семпель*) и т.д.

Из всех потенциально агнонимичных слов историзмы наиболее четко закреплены за определенной эпохой и выступают в тексте в качестве темпорального указателя, относящего содержание произведения к определенному реальному времени.

Со времени выхода в свет романа-эпопеи «Война и мир» прошло полтора столетия. Многое изменилось не только в жизни общества, о чем свидетельствуют представленные выше историзмы, но и в языке, отражением чего являются **архаизмы**, также пополняющие корпус агнонимов. В тексте романа «Война и мир» встречаются архаизмы разных типов: собственно лексические (*десница*), лексико-фонетические (*середа*, *аглицкий*, *пиеска*, *прешпект*, *сторы*), лексико-грамматические (*зала*, *шифоньерка*), лексико-словообразовательные (*ростепель*, *щиколка*).

Диалектные агнонимы — это, в некотором смысле, плеоназм. Сам статус диалектных единиц предполагает, что с их подлинным значением знакомы относительно немногие специалисты-филологи (носители общенационального языка) и жители соответствующих говору населенных пунктов. Язык «Войны и мира» включает в строй повествования большое количество таких областных лексем и словосочетаний, например: *гумно*, *зеленя*, *замолаживать*, *мга*, *отъемное место*, *подсед*.

Языку Толстого вообще была свойственна интерференция диалектных групп (это связано с богатой событиями и переездами жизнью писателя в его молодые годы). В ранних произведениях Толстого это отчетливо видно и принципиально подчеркнуто (биографическая трилогия, «Казаки», военные рассказы, «Метель»). В языке «Войны и мира» встречаются диалектизмы широкой непротивопоставленной наречиями локализации, диалектизмы южнорусского наречия в целом и диалектизмы тульской группы говоров. Последние — преимущественно семантические. При их выявлении наглядно иллюстрируется функция классического литературного текста как хранителя национально-культурной информации. «Война и мир» содержит ряд семантических тульских диалектизмов, которые не зафиксированы больше нигде и не встречаются в современных тульских говорах.

Примером служит слово *рундук* в следующем контексте: «Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господские вещи, и Дрон, по желанию княжны Марьи выпущенный из *рундука*, куда его заперли, стоя на дворе, распоряжался мужиками». Первоначально в русском языке *рундук* — «большой сундук, ларь, служащий для хранения чего-либо и являющийся одновременно скамьей». Так он определен, например, в [МАС, 3: 741]. Слово происходит из тюркского *orunduk* «подушка, подкладка,

лежанка, сидение». В говорах русского языка оно имеет многочисленные значения: от названия крыльца до обозначения топкого места возле болота. Однако среди 23 значений этого слова в [СРНГ, 35: 260–262] семантика, определяемая из толстовского текста, не отмечена. Наши изыскания в окрестностях Ясной Поляны, ныне входящей в Щекинский р-н Тульской области, показали, что в этой местности *рундук* — «небольшое помещение без окон при доме или при хозяйственных постройках для хранения продуктов; чулан». Значит, перед нами семантический диалектизм, одним из хранителей которого является текст толстовской эпопеи.

Еще одна группа потенциальных агнонимов — **специальные (профессиональные) слова**. Например, в сценах романа «Война и мир», посвященных охоте, много слов и выражений, известных охотникам, но совсем незнакомых или малознакомых обычному читателю: *доезжачий*, *порскать*, *сворка*, *улюлюкать*, *помкнуть*, *сострунить*, *угонка*, *отпаза́нчить*, *выжлятник*. Эти лексемы и во времена Толстого не были широко распространены, поэтому автор нередко прямо в тексте произведения приводит пояснения к ним. Например: «русак уже до половины *затерся* (перелинял)»; «собака, подняв *правило* (хвост), стала тереться о ноги Николая»; «чур не *гладить* (протравить)»; «*пролез* (пробежал) волк»; «волк... мотнув *поленом* (хвостом), скрылся в опушку»; «*прибылые* (молодые) и *матерые* (старые) волки»; «бросился на волка и схватил его за *гачи* (ляжки задних ног)».

Но гораздо чаще специальные и терминологические слова и выражения не поясняются, на их значение указывает лишь контекст. Контекст не всегда помогает понять семантику того или иного слова, а нередко может оказаться «ложным другом» читателя, исказив подлинное значение слова. В этом случае читатель должен обращаться к специальным и диалектным словарям, которые, к сожалению, не всегда доступны.

В агнонимический свод включены также слова, входившие в состав **просторечной лексики** позапрошлого века, которые сейчас не употребляются носителями русского языка. Не всегда известно и точное значение таких слов, находящихся за пределами литературного языка. В тексте романа «Война и мир» подобных лексических единиц (как в речи персонажей, так и в речи автора) встречается немало: *намеднись*, *колотовка*, *куцавейка*, *ракалья*, *впоперечь* и другие.

Низкочастотная лексика (так называемые **«редкие слова»**). Это наиболее проблемная часть потенциальных агнонимов, поскольку носит индивидуально-личностный характер. Подобные слова для одних носителей языка являются агнонимами, другим они известны, и подчас довольно неплохо. Однако без этой группы создать учебный словарь не удастся. Как уже отмечалось, в нашем словаре используется принцип минимизации подобных единиц, то есть в словник включены наиболее «темные» лексемы (вошедшие во все анкеты), слова, ошибочно толкуемые либо используемые Толстым в таких значениях, которые не известны современным читателям, а также немногочисленные новообразования Толстого (преимущественно семантические).

Так, традиционно распространенной ошибкой (даже в уважаемых словарях и комментариях к различным текстам) является толкование слова *тортю*. В «Войне и мире» это слово используется как в русском, так и во французском написании: «Пьер мало говорил, оглядывал новые лица и много ел. Начиная от двух супов, из которых он выбрал *à la tortue*, и кулебяки и до рябчиков, он не пропускал ни одного блюда…»; (И.А. Ростов — повару:) «— Так смотри же, гребешков, гребешков в *тортю* положи, знаешь!». Несмотря на распространенность в XIX в. этого слова, обозначавшего особого рода суп, современные толковые словари не приводят его даже с пометой «устаревшее». Между тем история этого слова в русском употреблении весьма интересна. В переводе с французского *tortue* означает «черепаха», а суп в таком случае нужно считать черепаховым. Такое значение у прилагательного *черепаховый* действительно зафиксировано: «приготовленный из мяса черепахи» [МАС, 4: 664]. Вероятно, экзотический суп из черепашьего мяса действительно существовал, однако французский *тортю (à la tortue*) имеет к нему косвенное отношение, связанное лишь с общностью названия. Французский суп *тортю* (*à la tortue*), как показали исследования кулинарных рецептов (в том числе выложенных в интернете), приготавливался не из мяса черепахи, а из нескольких сортов мяса (телятины, говядины, свинины, птицы), петушиных гребешков и специй на красном густом бульоне. Название супа *à la tortue* — метафорическое, в нем акцентируется мозаичная структура панциря черепахи (на этом построен семантический перенос): панцирь как бы состоит из многих частей, и суп, подобно ему, включает разные мясные ингредиенты. Может

быть, первоначально суп готовился на бульоне из черепашьего мяса (если признать азиатскую основу рецепта), но ни во Франции, ни в России XIX в. черепашье мясо в этот суп не добавлялось. Позднее, в конце XIX – начале XX в., очевидно, произошла путаница, и словосочетание *черепаховый суп* стало восприниматься как перевод сочетания *суп à la tortue*, изысканные кулинарные особенности которого были забыты. Прозрачная деривационная модель относительного прилагательного *черепаховый* навязала этому слову единственную и простую (без метафор) семантику.

Толстой не только понимал значение слов *суп tortue* (*à la tortue)*, но и дал русский вариант *тортю*, который в языке не прижился, из-за чего, вероятно, произошло его формальное и семантическое поглощение прилагательным *черепаховый.*

В настоящее время в словаре представлено свыше 450 словарных статей. В словник включены только имена нарицательные. Имена собственные и их производные, которые составляют в восприятии современного читателя романа значительную по объему агнонимическую зону, пока остались за пределами объяснения, потому что, во-первых, они охотно помещаются редакторами в примечания к тексту, а во-вторых, сведения о собственных именах легко найти в энциклопедических справочниках и электронных информационных сетях. В перспективе имена собственные, и особенно их нарицательные производные, могут войти в корпус словаря.

Учебный словарь, даже по своему жанру и назначению, не претендует на исчерпывающую полноту в отражении агнонимов в языке романа Толстого. К тому же, как уже отмечалось, их корпус в той или иной степени различается у читателей в зависимости от уровня их языковой компетентности. Это словарь-справочник, словарь-комментарий, имеющий прикладное значение.

ЛИТЕРАТУРА

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Романов Д.А., Савина Е.О. За строкой «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Учебный словарь редких, забытых и непонятных слов романа. Тула, 2013.

Савина Е.О. Потенциально агнонимическое пространство романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тула, 2015.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41–. М.; Л.; СПб., 1965–2009–.

Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003. С. 463-472.

В.С. Елистратов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА Н.С. ЛЕСКОВА

ПОСЛАНИЕ В XXI ВЕК

«Словарь языка Н.С. Лескова» позволяет решить несколько задач, прежде всего — лучше понять творчество писателя и экстраполировать «эйдетику» его идиостиля на современность. Творчество писателя и его идиостиль становятся особенно актуальными в XXI веке.

Ключевые слова: национальный язык, национальная идея, идиостиль Н.С. Лескова, «лесковизм».

Н.С. Лесков — классик русской литературы ничуть не меньшего масштаба, чем И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский или А.П. Чехов. Игорь Северянин совершенно справедливо назвал его «прозёванным гением». Действительно: судьба его творческого наследия складывалась в высшей степени сложно. Об этом достаточно много и убедительно написано литературоведами. Можно сказать, что самые сильные стороны творчества Лескова парадоксальным образом стали причиной его если не полупризнания, то уж точно признания неполного, недооцененности при жизни и уже больше ста лет после его смерти.

Во-первых, Н.С. Лесков как никто другой среди своих современников знал подлинный русский национальный характер во всех его «вариантах» — и прекрасных, и подчас ужасных — и во всех, так сказать, социальных регистрах. Во-вторых, Н.С. Лесков — один из самых «лингвоцентричных» русских писателей. Эти «все-

словность» (Н.И. Либан) и, если можно так выразиться, «всесоциолектность» писателя делают его достаточно сложным для усредненного восприятия.

Кроме того, поскольку русская история в XIX–XX вв. строилась «сословно маркированно», то в лесковском художественном космосе всегда находилось то, что никак не могло быть принято данной эпохой. Он не «дворянский», не «разночинский», не «пролетарский» и т.д. и т.п. Лесков всегда был как-то неудобен, «не ко двору». В советскую эпоху (во многом с легкой руки Максима Горького) он стал «кудесником слова» (Ю. Нагибин), чем-то вроде Епифания Премудрого XIX в., искусного мастера «плетения словес» и прочих «жемчужных ожерелий» языка, сказа и т.п. Его довольно много печатали и успешно изучали, но все равно он оставался словно бы в полутени; всей этой проблематики мы уже неоднократно касались [Елистратов 2016; Елистратов, Ружицкий 2017].

В настоящее время в России идет интенсивный поиск того, что современным «высоким штилем» именуют национальной идеей, а в научном (а может быть — околонаучном) обиходе — национальной идентичностью. Речь идет ни в коем случае не о политике, геополитике или идеологии-пропаганде, а о самой насущной и в высшей степени практической лингвокультурной задаче: национальной самоидентификации. «Всеотзывчивость» — это прекрасно. Но глобализация в ее новейших транскультурных, транснациональных, трансгуманистических и прочих исполнениях — совершенно иной мир, иное измерение. Мы неоднократно говорили и писали о том, что, по-нашему глубокому убеждению, в конечном счете, национальная идея — это и есть национальный язык.

Национальный язык — это тот самый знаменитый платоновский мир Эйдосов, который постоянно эманирует в нашу российскую «пещеру теней» самые необходимые в данный момент слова, формулировки, «слоганы», «мемы» и т.п. Насколько национальный язык и язык русской классической литературы как его сердцевина нам доступны во всей его полноте, настолько эффективна реализация практических задач национальной самоидентификации. Об этом очень точно писал И.С. Тургенев в конце своей известной статьи «По поводу “Отцов и детей”»: *А просьба моя состоит в следующем: берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предше-*

ственниками, в челе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса. Даже тем, которым не по вкусу «философские отвлеченности» и «поэтические нежности», людям практическим, в глазах которых язык не что иное, как средство к выражению мысли, как простой рычаг, — даже им скажу я: уважайте по крайней мере законы механики, извлекайте из каждой вещи всю возможную пользу! А то, право, пробегая иные вялые смутные бессильно-пространные разглагольствования в журналах, читатель невольно должен думать, что именно ***рычаг****-то вы заменяете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь к младенчеству самой механики…* [Тургенев 1956: 357].

Здесь мы имеем дело не с общими рассуждениями, а с ясной и вполне точной и прозорливой формулировкой, пусть и в пространном духе XIX века.

С одной стороны, — «рычаги» и «законы механики», с другой, — возвращение к «младенчеству самой механики» и «первобытные подпорки». Абсолютно актуальная идея для нашего времени с его тотальной примитивизацией по отношению к языку.

Н.С. Лесков с его лингвоцентризмом — писатель, оставивший после себя максимальное количество моделей, изъясняясь языком И.С. Тургенева, «рычагов» и «законов механики» русского языка, или, по Платону, Эйдосов языка, способных эманировать бесконечное число их речевых исполнений. Пожалуй, именно Лесков дает нам в своих текстах самый объемный репертуар архетипов русской языковой образности на всех уровнях и во всех социолектных регистрах (возможно, где-то рядом с Лесковым в этом смысле находится М.Е. Салтыков-Щедрин, но у последнего доминируют ирония и сарказм, тогда как первый значительно более универсален).

Как это ни парадоксально, именно лесковские языковые модели, конечно, содержательно осовремененные, активнейшим образом работают в современном информационно-цифровом пространстве. Известно, что профессиональные создатели так называемых интернет-мемов в рунете все активнее пользуются моделями из русской классики, создавая ультрасовременные мемы по ее образцам.

Многие «лесковизмы» удивительно легко осовремениваются. Например, у писателя есть совершенно пророческое слово «широковещание» в значении пустословие. Словосочетание «печатная

безголосица», согласимся, более чем актуально. Некоторое время назад в интернете мелькнуло выражение *было бы болото, а черти найдутся* (о цветных революциях). Это из Лескова! Его *и на муже и на жене на обоих штаны надеты* — явно о «современной» семье. *Подрукавная знать* в значении «мелкое дворянство» тоже легко находит современную интерпретацию, как и *муж кармана* в значении «стяжатель, взяточник». Таких примеров можно было бы привести множество.

В настоящее время нами завершена работа по составлению «Словаря языка Н.С. Лескова» объемом около 40 п.л. В «Словаре» обработано 44 наиболее известных и часто издаваемых текстов писателя. Ранее нами были опубликованы словари двух лесковских текстов: «Левша» и «Бесстыдник» [Елистратов 2017].

В «Словарь языка Н.С. Лескова» включены те единицы, которые в целом можно охарактеризовать как глоссы. С другой стороны, они же в большинстве случаев являются теми самыми «креативными» моделями, о которых шла речь выше.

«Словарь» призван решить две задачи: во-первых, помочь читателю более глубоко понять текст писателя и облегчить ему процесс чтения (протолковать диалектизмы, просторечные единицы, архаизмы, историзмы, авторские неологизмы, авторские варианты фразеологии и т.д.), во-вторых, ознакомить читателя с творческим идиостилем Лескова, одной из ядерных составляющих русского национального языкового тезауруса.

В качестве образца приведем часть первой буквы «Словаря».

АБАНДО́НА, -ы, *ж.* Покинутая (здесь: девочка). *Одна из таких крестьянских семей, удалившись в побор, оставила в избе девочку лет тринадцати, которую с собою нельзя было взять, потому что она недомогала и притом у нее совсем не было ни обуви, ни одежи. Ей «покинули» сколько могли корочек и охапки три хворосту, чтобы она могла им понемножку топить избу, и оставили ее на волю божью. Несчастная абандона коротала дни одинокая в пустой и почти холодной избе, для согревания которой было очень мало топлива.* («Юдоль»). От фр. «abandonée» в том же зн.

АБДЕРЕТЬ: чёрт абдери. См. ***ЧЁРТ.***

АБОЛО́Н: Аболо́н полведе́рский. Аполлон Бельведерский, знаменитая статуя, хранящаяся в Ватикане. …*посередине под вал-*

дахином стоит Аболон полведерский. («Левша»). Шутл. контаминация с «полведра».

А́БЫ: а́бы ли́хо спа́ло (или **спало́**) **ти́хо.** Чтобы не вызывать чью-л. агрессию, не спровоцировать скандал, конфликт и т.п. *Сестра его страсть как боялась, а мать хоть и не боялась, но часто по его делала, «абы лихо спало тихо».* («Житие одной бабы»). Др. варианты: «не буди лихо, пока оно тихо» и др.

АВО́СЬКА: авоська с небо́ськой. *Ирон.* О чем-л. безосновательном, необдуманном, безнадежном. — *Ну, положим, что у господ немцев есть хорошая, твердая воля, а у нас она похрамывает, — все это правда, но все-таки в отчаяние-то отчего тут приходить? ровно не от чего. — Как не от чего? и мы и они чувствуем, что у нас с ними непременно будет столкновение. — Ну что же такое, если и будет? — Они нас вздуют. — Ну, как же! — Да разумеется, вздуют. — Полноте, пожалуйста: не так-то это просто нас вздуть. — А отчего же не просто: не на союзы ли вы надеетесь? — Кроме авоськи с небоськой, батюшка мой, не найдется союзов. — Пусть и так, — только опять: зачем же так пренебрегать авоськой с небоськой? Нехорошо, воля ваша, нехорошо. Во-первых, они очень добрые и теплые русские ребята, способные кинуться, когда надобно, и в огонь и в воду, а это чего-нибудь да стоит в наше практическое время. — Да, только не в деле с немцами.* («Железная воля»). Ср., напр., у В. Даля: «авоська веревку вьет, а небоська на тебя петлю накидывает». Ср. также имена персонажей Н. Носова *Авоська* и *Небоська* (из «Незнайки в Солнечном городе»).

АВАНТА́ЖНЕТЬ, возм., употр. только в *ф. инф.* (или -жнею, -жнеешь), *без доп.* Становиться более важным, солидным, ***АВАНТАЖНЫМ.*** *Молодые люди по-прежнему кутили, а новая наша полковница скоро начала авантажнеть в турнюре, и особые желания у нее являлись во вкусе. Командир этим радовался, мы все, кто чем мог, старались споспешествовать ее капризам, а молодые люди — ее брат с кузеном — в особенности. Бывало, то за тем, то за другим так тройки в Москву и скачут, чтобы доставить ей что-либо желанное. И вкусы у нее, помню, всё сказывались не избранные, всё к вещам простым, но которых не всегда отыщешь: то султанского финика ей захочется, то ореховой хал-*

вы греческой — словом, все простое и детское, как и сама она глядела детенком. («Интересные мужчины»).

АВАНТА́ЖНО, *нареч.* Ярко, эффектно, броско, выразительно. *Есть православные, которым как будто нужно, чтобы их архиереи... <…>... «гласили томно» и «благословляли авантажно»...* («Мелочи архиерейской жизни»). От ***АВАНТАЖНЫЙ.***

АВАНТА́ЖНЫЙ, -ая, -ое. Здесь: симпатичный, привлекательный, соблазнительный (о женщине). *Александра Ивановна, напротив, и полна, и очень авантажна, и всегда находит в себе силу «быть в меру веселою и разговорчивою».* («На ножах»). Ср., напр., то же у А. Островского о ярком, броском платье. Ср. также «авантаж» (выгодное положение, успех, выгода; у И. Тургенева), «в авантаже» (А. Толстой, П. Боборыкин). От фр. «avantage» — выгода, польза. См. также ***АВАНТАЖНО***.

АВАРО́НОВ, -а, -о. Принадлежащий Аарону, библейскому персонажу. — *Ко мне раз поп пришел, когда я ребят учу: «Ну, говорит, отвечай, что хранилось в ковчеге завета!» Мальчик говорит: «расцветший жезл Аваронов, чашка с манной кашей и скрыжи». — «А что на скрыжах?» — «Заповеди», — и все отвечал.* («Шерамур»). Прост. эпентеза (ср. «ндрав» и т.п.).

АВРА́Н -а, *м.* Т.н. авран лекарственный, травянистое растение семейства норичниковых. *…авран и многолетний крин…* («На ножах»). Др. назв. «лихорадочная трава», «коневий трут», «благодать», «благодатка», «мокнец», «кровавник».

АВРААМЛИЙ: Троица с Авраамлиим поклонением у дуба Мамврийского. См. ***ТРОИЦА.***

АВСЕ́НЬ, -я (или -я́), *м., собств.* У восточных славян: мифологический персонаж, воплощающий собой начало весеннего солнечного цикла. См. ***ВОРТОДУБ.*** Другие варианты: «Баусень», «Овсень», «Таусень», «Усень».

А́ГЛИЦКИЙ: а́глицкая боле́знь. Рахит. *Так я дожил до нового лета, и дитя мое подросло и стало дыбки стоять, но замечаю, что у нее что-то ножки колесом идут. Я было на это барину показал, но он ничего на то не уважил и сказал только: «Я, — говорит — тут чем причинен? снеси ее лекарю, покажи, пусть по-*

смотрит». Я понес, а лекарь говорит: «Это аглицкая болезнь, надо ее в песок сажать». («Очарованный странник»). То же у Д. Григоровича («ребенок, страдавший английской болезнью, согнувшей ему дугой ноги… переваливаясь как селезень, подошел к отцу») и др. **Встряхнуть руку аглицкою встряской**. См. ***ВСТРЯХНУТЬ.*** **Кукла из аглицкой клеёнки**. См. ***КУКЛА.***

АГНЕЦ: хапунцы аки бы кроткие агнцы. См. ***ХАПУНЦЫ***.

АДА́МОВ: Ада́мова голова́. Назв. растения, возм., выдуманного, сказочного. *Есть вот трава, называется Адамова голова. Растет она возле сильных, рамедных болот кустиками, по пяти и по девяти листов.* («Некуда»). Ср. «адамова голова» в зн. череп, а также как народные назв. растений «Atropa Mandragora», «Centaurea scabiosa», «Cypripedium calceolus» (подробнее см. у В. Даля).

АДВОКАТ: **сословие духовных адвокатов**. См. ***СОСЛОВИЕ.***

АДМИРАЛТЕ́ЙСКИЙ: адмиралте́йский час. Время после 11 часов утра, когда можно выпить и закусить. — *Пожалуйте, ваше превосходительство! — просил Гловацкий. — Мозно! Мозно, адмиральтэйский цас ударил* (передается речь иностранца. — *В. Е.*) — *Давно ударил, ваше превосходительство… <…> — Вы какую кушаете, ваше превосходтельство?..* («Некуда»). Со времен Петра I, распорядившегося установить обеденный перерыв в работе адмиралтейств-коллегий в 11 часов. То же у А. Островского, М. Салтыкова-Щедрина и др.

АДОПИ́СНЫЙ, -ая, -ое. Здесь: презрительно о чьих-л. недостаточно мастерски написанных иконах. *…свое художество хвалят с кичливою надменностию, а другого рукомесло богохульно называют «адописным»…* («Запечатленный ангел»). От «адописный» в зн. изображающий чёрта, дьявола, ад. Таким иконам Н.Л. посвятил статью («Об адописных иконах», 1878).

АДОРАТЁ(О́)Р, -а, *м.* Обожатель. *…иностранные дамы из «морских» и в те времена обходились так дорого их адораторам, что генеральша трепетала всякого слуха о сближении Володички с этими кровопийцами…* («Павлин»). *…рассорясь со своим адоратером князем…* («На ножах»). Фр. «aderateur».

АЖИДАЦИЯ: держать ажидацию. См. ***ДЕРЖАТЬ.***

А́ЖНО (или **АЖНО́**), *част.* (или *союз*). Аж, даже. *Он был столь беден, что казался беднее всех людей на свете, и, по словам мужиков, — пришел «не токма что голый, но ажно синий»…* («Юдоль»). Прост.-диал. То же у А. Стасюлевича, И. Тургенева, А. Островского. Ср. «ажник» в том же зн. (В. Шукшин).

ЛИТЕРАТУРА

Елистратов В.С. Первостепенный Лесков. Интервью // Русский Мир.ru. Журнал о России и русской цивилизации 16.02.2016. — http://russkiymir.ru/publications/202778/&sphrase_id=241809 (октябрь, 2018).

Елистратов В.С. Словарь сказа Н.С. Лескова «Левша» // Русский язык в школе и дома. 2017. № 5. С. 6-10; № 6. С. 6-8; № 7. С. 10-12; № 8. С. 5-8; Словарь рассказа Н.С. Лескова «Бесстыдник». № 11. С. 6-10.

Елистратов В.С., Ружицкий И.В. Атопоны в текстах Н.С. Лескова: словарные материалы // Языковая личность: аспекты изучения: Сб. науч. ст. памяти члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова. М., 2017. С. 123-136.

Тургенев И.С. Собрание соч. в 12 т. М., 1956. Т. 10.

Н.Т. ТАРУМОВА

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва

Е.В. НАСЕДКИНА

Мемориальная квартира Андрея Белого (филиал Государственного музея А.С. Пушкина), Москва

БУГАЕВА К.Н. «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА АНДРЕЯ БЕЛОГО»

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Язык Андрея Белого всегда привлекал исследователей, его особенности затрагивались в работах таких ученых, как Н.А. Кожевникова, А.В. Лавров, Ю.М. Лотман, Б.В. Томашевский и др. У истоков изучения этой темы стояла вдова Андрея Белого Клавдия Николаевна Бугаева (1889–1970), считавшая своей главной задачей составление словаря языка Белого и сохранение творческих материалов писателя. Особое внимание в статье уделяется архивным документам, представленным в рукописных отделах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ) и Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ). Их анализ позволяет сделать вывод о том, что материалы К.Д. Бугаевой к «Словарю языка Андрея Белого» заслуживают самой высокой оценки и научного изучения.

Ключевые слова: язык, культура, творческое наследие, Андрей Белый, архивные материалы, аутентичная публикация.

Одним из первых исследователей творческого наследия Андрея Белого была его вдова Клавдия Николаевна Бугаева. В работе ей

помогала старшая сестра — Елена Николаевна Кезельман (1886–1945), а также ближайшая подруга и, впоследствии, наследница архива — Елена Васильевна Невейнова (1902–1988). Многие годы они занимались переписыванием авторских рукописей, составлением картотек с подбором рифм, производных слов, пословиц и поговорок, использованных Белым. Благодаря усилиям этих женщин в рукописных отделах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ) и Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ) сформировались комплексы материалов, посвященных языку Андрея Белого. Документы к «Словарю языка Андрея Белого» (текстовые и визуальные) поступили в архивы в 1969 г. — от К.Н. Бугаевой, в 1974 и 1976 гг. — от Е.В. Невейновой.

В РНБ они описывались по мере поступления и в конце 1980-х годов стали доступны для исследователей. Впервые информация о материалах, хранящихся в ОР РНБ, была представлена Е.В. Наседкиной в сборнике «Смерть Андрея Белого» [Наседкина 2013], а затем в 2016 г. прозвучала в ее докладе на конференции, посвященной Н.А. Кожевниковой, в Институте русского языка [Наседкина 2016: 487–493]. В те же годы аналогичный материал поступил и ОР РГБ, но для исследователей он стал доступен только в 2017 г.

Главной своей задачей после смерти Белого Клавдия Николаевна считала работу над «Словарем», для которого составила объемные тематические картотеки и списки, призванные в будущем облегчить труд исследователей творчества писателя. 21 сентября 1962 г. она писала Д.Е. Максимову: «Целью всего, что я делала, было снять с будущих исследователей творчества Б. Н. трудоемкую подготовительную работу и мне хотелось бы, чтобы это попало в руки живых людей, а не формалистов» [Лавров 2009: 188].

Архивный материал, поступивший в библиотеки, представлен, в основном, в виде библиотечных карточек и «оборотоок», нарезанных размером в половину библиотечной карточки, а также в виде ученических тетрадей в клетку и линейку по двенадцать и сорок восемь листов.

Фонды, хранящиеся в двух библиотеках, являются родственными, но самостоятельными материалами, взаимно дополняющими друг друга. Отчасти совпадают записи о развернутом регистре слов по стихотворным сборникам с указанием количества употребления их в каждом сборнике, но разнятся они в количестве записей (РГБ — 601 словоупотребление; в РНБ — 384; разница за-

ключается в отсутствии именного указателя к стихотворным сборникам в РНБ) [ОР РГБ: Ф. 25, к. 48, ед. хр. 2; ОР РНБ: Ф. 60, ед. хр. 113].

Используя данный материал, К.Н. Бугаева произвела подсчет встречаемости слов в поэтических сборниках Белого. При этом выяснилось, что слово *день* — самое используемое в поэтическом творчестве писателя — встретилось 250 раз. Далее — по убыванию: *ночь* (198); *быть* (184); *свет* (177); *огонь* (139); *ветер* (136) и т. д. Общее количество словоупотреблений в сборниках — 56356 (имен собственных — 490).

Во время работы над «Словарем» К.Н. Бугаева переписывалась с Н.С. Ашукиным, Г.О. Винокуром, Ц.С. Вольпе, М.А. Рыбниковой, Б.В. Томашевским, Д.Н. Ушаковым и др., советовалась с ними по текстологическим и языковедческим вопросам.

В сохранившемся блокноте (ОР РГБ) имеются записи о консультациях Клавдии Николаевны, которые датируются 17, 25 и 28 декабря 1940 г. На первом листе запись: «С Д.Н. Ушаковым (25/XII–40); 28 декабря 1940 г. — с Г.О. Винокуром и 17 декабря — с В.М. Поповым[1]». Общие указания от Д.Н. Ушакова состояли в следующем: «1. Слова берутся все (и служебные) также и в прозе; 2. Значения прямое, переносн<ое> и фразеологию — не разделять; 3. Кроме омонимов, можно давать группы семантические, или с очень краткой аннот<ацией> или просто обозначая цифрой: 1, 2 и т. д. (как у Петрова[2]); 4. Стилист<ические> пометы (и др.) не нужны: все это «стиль» А. Белого; 5. Группировка — граммат<ические>: падеж, лицо, число, время и т. д.; 6. Указание места: короче (только загл<авие> стиха)». В отличие от Ушакова В.М. Попов рекомендовал «давать отбор слов, но не все; цитата — расширенная; группировка и значения — в задачу составителя не входят». В переписке с Д.Е. Максимовым Клавдия Николаевна делилась своими успехами в изучении языка Белого: «Метод работы для Словника мне дал Г.О. Винокур, прекрасный, сердечный

[1] Попов Владимир Михайлович (1887–1977) — историк литературы, лингвист.

[2] Петров Константин Федорович (1850–1914) — педагог, автор учебников по грамматике и арифметике. Его учебник «Русский язык» (1882) выдержал более 30 изданий. Здесь упоминается словарь [Петров 1904].

человек, которого я до сих пор вспоминаю с глубокой сердечной благодарностью» [ОР РНБ: Ф. 1136, ед. хр. 16].

В материалах к «словарю» имеется запись Бугаевой: «Задача моя — показать, что “Язык” и стиль А.Б. не вне, а внутри русского языка и русского “стиля”, и что если он здесь что-нибудь “ломает”, то делает это изнутри, из самой стихии и законов своего родного языка. Метафоры, эпитеты, сравнение разговорной речи, народные песни, пословицы, все это встречается у него, но так, что мы этого не узнаем. <…> Затрудненность языка А. Белого — в затрудненности его синтаксиса, в необычности ассоциаций. В неожиданном столкновении самых обычных слов, осложняющем семантику. Например: *аховый взгляд*, *электричество бесится*, *скоропись листьев* и т.д.» [ОР РГБ: К. 66, ед. хр. 4].

В своей работе Клавдия Николаевна использовала Толковый словарь 1935–1938 гг. под ред. Д.Н. Ушакова, Академический словарь 1867[3] и 1895–1923 гг., словари Даля, Грота (к Державину), Петрова (к Фонвизину), Эллиса[4] (к Шелли), словари иностранных и классических языков.

Исследуемый архивный материал можно разделить на четыре группы. К **первой группе** относятся инструкция и вспомогательный материал по поэзии и прозе к «Словарю языка Андрея Белого» (словарные и обычные выписки из произведений разных авторов, библиографические записи и т.д.). **Вторая группа** — подготовительные материалы к словарю: материалы к «Воспоминаниям» и к «Словнику стихотворений Андрея Белого», эпитеты, определения. К **третьей группе** относятся материалы по поэтическому творчеству писателя (записи эпитетов, пословиц и поговорок, заметки об отдельных словах, указатель имен и названий (490 наименований с пояснением) в стихотворениях от «А» до «Я», поэтический словарь (цитатный словник) к стихотворениям, словники к сборникам стихотворений «Золото в лазури», «Пепел», «Урна». К **четвертой** — материалы по художественной прозе писателя (указатель имен и названий в произведениях от «А» до «Я» — 3765 наименований с пояснением)неологизмы, диалектиз-

[3] Имеется в виду переиздание вышедшего в 1847 г. четырехтомного «Словаря церковно-славянского и русского языка».

[4] Александер Джон Эллис (англ. Alexander John Ellis; 1814–1890) — английский филолог-фонетик, педагог и музыкальный теоретик.

мы, архаизмы, необычные значения общеупотребительных слов, пословицы, фольклорные выражения, фразеологизмы, цвета и краски в повестях и романах Андрея Белого; словник к романам «Маски» и «Москва»; Клавдия Николаевна Бугаева зафиксировала в своих записях излюбленные слова и выражения Бориса Николаевича, которые он использовал не только в литературных текстах, но и в жизни: пословицы, поговорки, любимые фразы, иностранные слова и обороты повседневной речи. Причем весь этот особенный лексикон Белого тесным образом связан с расхожими выражениями из обыденной речи его отца.

Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) внимательно относился к образованию сына, давал советы и рекомендации: «Поздравляю тебя с переходом в 6-ой класс. <…> Советую тебе воспользоваться маем месяцем для того, чтобы приготовить то, что вам задано для занятий летом. Это полезно приготовить заранее. Возьми некоторые книги для занятий, а также лексикон. Иногда придется проискать какое-нибудь слово»; «Качество знаний всегда следует предпочитать количеству их. Качество знаний приобретается со временем. Если же человек приобретает привычку понижать качество своих знаний, то потом трудно излечиться будет от этой дурной привычки» [Тарумова 2017: 75, 123].

В семье Бугаевых была большая библиотека, что подтверждает рукописный алфавитный каталог домашней библиотеки ученого, составленный им самим. Каталог объемом восемь больших тетрадей насчитывает 1611 наименований по XXVIII разделам. XXV раздел описи посвящен историко-филологическим наукам и искусству. Здесь были представлены книги А.Х. Востокова («Словарь церковно-славянского языка», 1858–1861, в 2 т.), Е. Гарвея (Краткая английская грамматика, 1835), В.И. Даля (Пословицы русского народа, 1862), П.Я. Петрова (Об арабском языке и литературе, 1869), К.Ф. Рейфа (Этимологический лексикон русского языка, 1833), «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794 и 1806–1822, 6 том), В.И. Шерцля (Об именах числительных, 1870) и др. [ОРКиР НБ МГУ: Ф. 41, оп. 1, ед. хр. 252].

В воспоминаниях Белый отмечал: «Иные из жестов отца, его слов, афоризмов, весьма непонятных при жизни, вспыхивают мне ныне, как молнии; и я впервые его понимаю в том именно, в чем он мне был непонятен»; «Страсть к ясным формулировкам, ужива-

ющаяся со страстью к дичайшим гротескам, подносимым под видом сочиненного каламбура, порою развертывающегося в рассказ, как-то: *О Халдее и жене его, Халде*, *О костромском мужике*, *О Магди* и т.д. Тут *чудак* в нем скликался со мной» [Белый 1931: 20, 25].

В лексиконе Н.В. Бугаева также присутствовали пословицы, поговорки, излюбленные выражения, что зафиксировано в воспоминаниях Белого и в письмах Н.В. Бугаева: «*Да, мой голубчик*, — *ухо вянет: Такую, право, порешь чушь!*»; «*мой дружок*»; «*умная бестия*»; «*выгранивать методы*»; «*притчею во языцех*»; «*разбитые нервы*»; «*выплатил — ценой таланта*»; «*существовать на строку*»; «*в корне взять*»; «*Ах, какая гадость; вот дьявольщина, — развелись* ***араканы****: скажите, пожалуйста!*» (т.е. тараканы; здесь можно отметить созвучие слова *араканы* со штатом *Аракан* в Мьянме, ранее Бирма, государстве в юго-восточной Азии. Не исключено, что это не случайное совпадение: в библиотеке Н.В. Бугаева присутствовали книги о странах арабского мира и Индокитая. Возможно, знание Николая Васильевича о гонении араканских беженцев бирманцами в районе Британской Бенгалии в 1824 г. и породило некоторую ассоциацию [Белый 1931: 21, 22, 25]); ср. также: «*Чистка этих картофельных клубней есть, так сказать,* ***интеграция действий****...*»; «*И осенью-с — фрак: молодой человек — да-с — иметь должен — фрак-с,* ***шапо-клак-с****!*» [Белый 1927: 200; 1933: 43, 234, 241, 242, 248, 394]. Приведем еще примеры образных выражений, пословиц и поговорок, используемых отцом Белого: «*торговая сделка на любовной бирже*»; «*вкус к мелкотравчатым людишкам и пустельгам*»; «*бабы во фраках*»; «*восстановить нарушенную справедливость*»; «*доверие к провидению*», «*обращать серьёзного дела в комедию*»; «*с облегчённым сердцем или с горьким чувством о людской низости*»; «*не много найдется охотников*»; «*Надейся на Бога и папу с мамой*»; «*Человеку, который путешествует, это необходимо знать, а то он может в дороге* ***сесть на мель***»; «*Человек предполагает, а Бог располагает*» и др. [Белый 1933: 233; Тарумова 2017: 43, 44, 56, 61, 73, 82, 86, 99, 102, 111, 121, 124, 135].

Таким образом, необходимо признать, что своеобразие языка Андрея Белого имеет истоки в культурной среде семьи, которую старался создать Николай Васильевич для своего сына, Бори Бугаева.

Просмотренный нами и проанализированный архивный материал К.Н. Бугаевой к «Словарю языка Андрея Белого», его струк-

тура и содержание убеждают в возможности и необходимости дальнейшей работы с ним и подготовки материала к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Крещеный китаец. М., 1927.

Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1931.

Белый А. Начало века. М.; Л., 1933.

Лавров А.В. Штрихи к биографии Андрея Белого и К.Н. Бугаевой (По материалам архива Д.Е. Максимова) // Literature as a world view: Festschrift in honour of Magnus Ljunggren / Ed. by I. Karlsohn, M. Nilsson, N. Zorikhina-Nilsson. Göteborg, 2009. С. 179-204.

Наседкина Е.В. Несбывшийся проект: посмертное «Собрание стихотворений» Андрея Белого // Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М., 2013. С. 903-928.

Наседкина Е.В. Из наблюдений К.Н. Бугаевой над языком Андрея Белого: излюбленные слова и выражения // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. Сб. научн. ст. по материалам международной конференции памяти Н.А. Кожевниковой. М., 2016. С. 484-493.

ОРКиР НБ МГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 252. Каталог книг домашней библиотеки Н.В. Бугаева.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (М.). Ф. 25. К. 66. Ед. хр. 4; К. 48. Ед. хр. 2.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.) Ф. 60. Ед. хр. 113; Ф. 1136. Ед. хр. 16.

Петров К. Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина. СПб., 1904.

Тарумова Н.Т. Н.В. Бугаев. Семейная переписка / сост., вступ. стат., подгот. текста и коммент. Н.Т. Тарумовой. М., 2017.

И.А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

К ВОПРОСУ О СЛОВАРЕ НЕОЛОГИЗМОВ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Статья посвящена проекту словаря неологизмов Г. Иванова, чей идиостиль отличается «неявной неологией». Около 60 неолексем Г. Иванова относится к группе потенциальных слов, количество окказионализмов невелико. В статье обсуждаются возможные способы группировки материала, зоны словарной статьи, словарные пометы.

Ключевые слова: неявная неология, неологизм, окказионализм, словарь неологизмов.

Понятие «неявная неология», введенное Н. Азаровой [Азарова 2018] для характеристики новейшей поэзии, с полным основанием может быть применено для описания идиостиля Георгия Иванова. Язык этого поэта, на первый взгляд, достаточно традиционен в лексическом отношении, однако при детальном рассмотрении в нем обнаруживаются десятки неузуальных лексем. Назначение словаря неологизмов — показать их эстетические возможности.

Отдельные новообразования были включены нами ранее в «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» [Словарь ключевых слов 2008], но там они, во-первых, располагались внутри макростатьи однокоренного ключевого слова (снежно-прямая → снег; янтарно-розовый → розовый), во-вторых, не ставилась задача осмыслить их как неологизмы. В Словаре использовалась помета *Нов.*, однако все остальные аспекты описания совпадали с узуаль-

ными лексемами: минимальная грамматическая характеристика, соотнесенность с одним из значений ключевого слова-полисеманта (цифрой указан номер этого значения в семантической структуре заголовочного слова), минимальный контекст употребления, послепометы, акцентирующие внимание на особенностях образного употребления лексемы, адрес, тезаурусные функции.

Так, новообразование *снежно-прямая* (линия) представлено следующим образом [Словарь ключевых слов 2008: 184]:

СНЕЖНО-ПРЯМАЯ*, только ед.*
Нов. → снег 5[1]
— **в образном контексте.** Только линия вьется кривая, торжествуя над *снежно-прямой*, и шумит чепуха мировая (Иносказ. Нов. ~ идеальная, должная, правильная) (502)[2]
Носитель признака (снежно-прямая — признак): линия
Оппозит: кривая.

Полагаем, что организация материала в будущем словаре должна быть подчинена демонстрации регулярных для поэтического языка Г. Иванова способов образования новых лексем. Внутри них предполагается группировка по продуктивным моделям словообразования.

Обоснуем такую подачу языкового материала.

Во-первых, количество регулярных моделей словообразования у Г. Иванова невелико. Раз найденная модель используется поэтом неоднократно, приобретая идиостилевое словообразовательное значение. Например, значение пограничности у существительных, образованных с помощью префиксоида «*полу-*», значение мнимой антиномичности у сложных существительных, образованных сложносоставным способом (без соединительной гласной). Группировка по моделям поможет читателю самому уловить идиостилевой семантический инвариант модели, убедиться в правильности лексикографического комментария.

Во-вторых, расположение по способам словообразования обнаруживает динамику идиолекта Г. Иванова: от узуальных моделей и потенциальных слов в раннем периоде творчества — ко все

[1] Индивидуально-авторское значение лексемы «снег» под цифрой 5 — атрибут вечности [Словарь ключевых слов 2008: 181].

[2] Номер страницы по изданию: Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994.

более усложняющемуся словопроизводству позднего периода, вплоть до окказиональных слов (*влажно-сиренево-солнечный*) и окказиональных моделей (контаминация).

При отборе лексем-неологизмов предполагается руководствоваться критериями, сформулированными Н.Н. Перцовой: «Неологизмом <...> считается слово, отсутствующее в словарях и воспринимаемое как новое носителями языка» [Перцова 1995: 13]. Перцова указывает на пограничный характер потенциальных слов, отвечающих регулярной словообразовательной модели и интуитивно ощущаемой «понятийной совместимости» [Там же: 16]. Вслед за Перцовой мы полагаем, что их включение в Словарь целесообразно, так как подобные слова позволяют продемонстрировать творческие потенции языка, с одной стороны, и эстетическую обусловленность авторским контекстом, с другой.

Современный лексикограф сталкивается еще с одной проблемой, которая связана с появлением уникальных возможностей, предоставляемых Национальным корпусом русского языка [НКРЯ]. Поиск по поэтическому подкорпусу позволяет установить степень уникальности используемого поэтом новообразования. Но как поступить, если слово встречалось (обычно однократно) в поэтическом дискурсе до момента его использования исследуемым автором? Мы разделяем методологическую установку Л.Л. Шестаковой, высказавшей в дискуссии мнение о том, что определяющим критерием в этом случае должна служить семантика потенциального слова.

Приведем пример. Прилагательное *понедельничный* встречается в «Посмертном дневнике» Г. Иванова (1958). Кроме того, оно зафиксировано в стихотворении В. Маяковского «Понедельник – субботник» (1927). Очевидно, что прилагательное создано по узуальной суффиксальной модели прилагательных, образованных от существительных — названий дней недели: *суббота — субботний*, *пятница — пятничный*, *понедельник — понедельничный*.

Сравним контексты употребления и значения данной лексемы у Маяковского и Иванова.

Маяковский употребляет прилагательное *понедельничный* в расширительном значении «будничный»: *С этого / понедельника / ни одного бездельника, / и воскресение / и суббота / понедельничная работа*.

Г. Иванов опирается на традиционные представления о понедельнике как несчастливом, тяжелом дне[3]: *Для голодных собак понедельник, А для прочего общества вторник*. В контексте этой ассоциации, заданной первыми строками стихотворения, финальное выражение *понедельничный песик ты мой* прочитывается как «несчастный, никчемный». Очевидно, что идиостилевое значение этого потенциального слова не имеет ничего общего с семантикой аналогичной лексемы у Маяковского, следовательно, оно может быть включено в Словарь неологизмов.

Другое соотношение с поэтической традицией наблюдается у сложного цветового прилагательного *черно-желтая* («Мир торжественный и томный...», 1932): *Мы уходим в вечность, в млечность Звезд, сиявших зря, Нас уводит в бесконечность Черно-желтая заря...* В комментариях Г.И. Мосешвили этот необычный цветовой образ расшифровывается через отсылку к цветам императорского штандарта [Мосешвили 1994: 626]. Обращение к НКРЯ показывает, что Иванов не был оригинален: до него несколько раз использует прилагательное *черно-желтый* О. Мандельштам, причем с той же культурной коннотацией: *Только там, где твердь светла, Черно-желтый лоскут злится, Словно в воздухе струится Желчь двуглавого орла* («Дворцовая площадь», 1915). Видимо, включение этого потенциального слова в Словарь неологизмов нецелесообразно.

Таким образом, обращение к материалам НКРЯ позволяет на новом уровне рассмотреть вопрос о соотношении индивидуального словотворчества и поэтической нормы.

Итак, мы предполагаем упорядочить неолексемы по способам словообразования с учетом частотного критерия.

Предварительная обработка данных показала, что неологизм Г. Иванова — это, как правило, сложное слово.

На первом месте по частотности — продуктивная модель образования сложных прилагательных с соединительной гласной *-о-*. Всего по этой модели образовано около 30 прилагательных. В этом типе выделяются две семантические группы, обладающие различными художественными функциями и демонстрирующие различное распределение между периодами творчества.

---

[3] Ср. у В. Даля: «Понедельник и пятница тяжелые дни» [Даль 1957: 924].

Группа сложных прилагательных цвета (потенциальные слова) доминирует у раннего Г. Иванова. В позднем творчестве встречается только несколько примеров, осложненных символическими коннотациями (*черно-рыжая*, *лазурно-золотой,* также *сине-звездный*).

Композиты с эмоциональной интерпретантой признака относительно равномерно распределены между «петербургскими» и «парижскими» текстами (*сладостно-нечеткий*, *смиренно-величавая*, *торжественно-бесчеловечный*, *бессмысленно-злобный*, *вкрадчиво-печальный* и др.).

На втором месте по частотности — модель образования сложных слов с префиксоидом *полу-* (*полуусталость*, *полу-зима*, *полу-хвала* и др.).

На третьем месте — модель образования сложного слова без соединительной гласной (сложносоставной способ): *закат-рассвет*, *расцвет-увяданье*, *встреча-прощанье* и др. К ним примыкают случаи рифмованного сложения (гендиадиса) типа *палочка-стукалочка*.

Указанные модели встречаются только в стихотворениях эмигрантского периода.

Кроме этих типовых для Г. Иванова моделей, в позднем творчестве обнаружены отдельные неолексемы, образованные суффиксальным способом, а также путем контаминации (*оробелочка*).

Анализируя словари авторских неологизмов, Л.Л. Шестакова отмечает, что «совокупная статья словаря рассматриваемого типа может содержать более десяти параметров, дающих многосторонний портрет описываемого неологизма» [Шестакова 2018: 143]. Важнейшими из этих параметров мы считаем мотивирующее слово (или несколько слов), используя вслед за Н.Н. Перцовой помету МС; зону ассоциаций (АС), которая включает слова, семантически или формально напоминающие рассматриваемое слово [Перцова 1995: 28]. Зона комментариев может указывать на случаи употребления омонимичной лексемы другим автором (ср. выше семантику потенциального слова *понедельничный* у Маяковского) или соотносить семантику неологизма с авторской символикой.

Иллюстративная зона включает контекст употребления, достаточный для понимания семантики неолексемы. Паспортизация контекста осуществляется по собранию сочинений Г. Иванова с указанием страницы первого тома, как это сделано в «Словаре ключевых слов Георгия Иванова», что позволяет осуществить определенную преемственность в описании идиолекта поэта.

Другим проявлением преемственности можно назвать включение помет, содержащих лингвопоэтическую информацию. Считаем, что в случае «неявной неологии» такая информация особенно важна, так как позволяет привлечь внимание к эстетической функции неологизма. Система подобных квалификаций также ориентирована на «Словарь ключевых слов Георгия Иванова».

Приведем в заключение пример пробной словарной статьи.

ЗАКАТ-РАССВЕТ (532). МС: закат, рассвет. АС: встреча-прощанье. *На один восхитительный миг, Словно отблеск заката-рассвета, Словно чайки серебряный крик, Мне однажды почудилось это. Просияла — как счастье во сне — Невозможная встреча-прощанье* <...> (В сравн. В паралл.). [Соотносится с индивидуально-символическим значением заката как символа возможного счастья, мировой красоты, существующих наперекор смерти и судьбе].

ЛИТЕРАТУРА

Азарова Н.М. Неявные неологизмы и межъязыковые идиомы // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). М., 2018. С. 3.

Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.

Мосешвили Г.И. Комментарии // Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994. С. 591-632.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018).

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.

Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И.А. Тарасова. Саратов, 2008.

Шестакова Л.Л. Авторские неологизмы в словарной перспективе // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). М., 2018. С. 142-144.

Л.Г. Самотик
Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Красноярск

ОБ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ-СПРАВОЧНИКЕ «ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. АСТАФЬЕВА (1951–1969)»

В статье представляется изданный в Красноярске энциклопедический словарь-справочник, куда включены сведения о произведениях В.П. Астафьева первого периода творчества, издательствах и изданиях, где он публиковался, некоторые обзорные и проблемные статьи, а также уточненная и расширенная хронология его жизни и творчества. Словарь посвящен предстоящему 95-летию В.П. Астафьева (2019 г.).

Ключевые слова: макроструктура словаря, микроструктура словаря, каноническое издание.

Словарь-справочник «Все произведения В.П. Астафьева» [Астафьев 2017] посвящается творчеству выдающегося русского сибирского писателя и является выражением признательности ему, прежде всего, со стороны красноярцев.

В педагогическом университете еще при жизни писателя родилась мысль о подготовке издания энциклопедического типа, которое бы показало значимость творчества Виктора Петровича в общественной жизни Красноярского края, страны, мира. Сам Астафьев относился к проекту положительно. Проспект энциклопедии был опубликован [Дроздов, Самотик 2002].

Творчество Астафьева отражалось в изданиях энциклопедического типа общелитературных, биобиблиографических.

В России **частные** литературные энциклопедии (посвященные одному автору) издаются с 1970-х гг. Сегодня их значительное число (более 100), однако в литературе не устоялось их именование: *словари писателей*, *частные литературные энциклопедии, писательские энциклопедии*, *персональные энциклопедии*, *авторские энциклопедии*. Мы принимаем термин «авторские энциклопедии», как соответствующий стабильному термину «авторские словари» [Шестакова 2011]. Сибирь представлена единственным изданием [Шукшин 2004–2007].

Объем планируемого энциклопедического словаря «Все произведения Астафьева» — три выпуска. Источником, который условно может считаться каноническим изданием («Канонический текст — подлинно авторский в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения на данной ступени изучения источников текста» [СЛТ 1974]), является собрание его сочинений в 15 томах [Астафьев 1997–1998] и последующие прижизненные издания.

Принцип деления на выпуски — периоды творчества писателя. В астафьеведении принято выделение трех этапов (пермский, вологодский, красноярский). Привязка временного фактора к пространственному характерна для периодизаций творчества многих авторов. В оглавлении словаря отмечено более 300 текстов В.П. Астафьева первого периода.

Издание вводит в научный оборот ряд произведений, не отмеченных ранее в библиографии (всего 74). Впервые описание произведений писателя сопровождается информацией о вариантах в Пермском краевом архиве и в Архиве музея-библиотеки с. Овсянка. Уточнены некоторые связи между отдельными произведениями: на текстовом уровне («Ёлочка» и «И прахом своим»; «Дураки» и часть повести «Стародуб» в первой редакции; «Утро, какого в городе не бывает» и «Земля просыпается» и др.) или на уровне общего содержания: первый полет птенца («Радость первого полета», «Радость», «Стрижонок Скрип» и др.), последняя песня старого глухаря («Дураки», «Последняя песня» и др.), а также на основе истории создания (очерк «Вдали синеет Кваркуш», рассказ «На далекой северной вершине», миниатюры «Марьины коренья», «Капалуха» и др.).

«Словарь-справочник» отличается от монографических работ тем, что опирается не на отдельные «знаковые» произведения писателя, а на текстовое поле в целом. Это, как нам представляется, позволяет выявить ранее недостаточно освещенные стороны его творчества.

Астафьев не фигурирует как детский писатель в общих работах, нет в этом плане и специальных монографических исследований (есть упоминания у Е. Носова, А. Макарова и некоторых других), хотя значительная часть его произведений первого периода творчества посвящена и предназначена детям (см. статью «В.П. Астафьев как детский писатель»). Его произведения введены в школьные стандарты для всех классов, рекомендованы для домашнего чтения, включены в хрестоматии. Существуют работы методического характера (см. статью «Произведения В.П. Астафьева первого периода творчества в школе»).

В словаре Астафьев представлен и как публицист, но значительная часть его статей посвящена вопросам творчества (см. статью «В.П. Астафьев как критик»). Виктор Петрович пишет о произведениях писателей-уральцев («Доброе слово» — об Аскольде Якубовском, «Литературный город Чусовой», «У охотничьего костра» — о сборнике рассказов чусовского журналиста А. Толстикова и др.), о стихах своего учителя красноярского поэта И. Рождественского («Родной голос»), об известных авторах («Мудрое дарование» — о писателе С. Залыгине, «Яростно и ярко!» — о Константине Воробьеве), о русской литературе XIX в. («Соловьем залетным» — о Кольцове, в дальнейшем о Пушкине, Гоголе и др.), пишет рецензии на концерт («Лекция-концерт о композиторе Григе»), на фильм («Первый подвиг» — о фильме «Морской охотник»), о художниках и актерах («Русская мелодия» — о художнике А. Мотовилове, «На всю жизнь» — заметки об актере П. Глебове, «Просто и впечатляюще» — об актере Пермского драматического театра В. Расцветаеве и др.), рассуждает об общих проблемах литературы («Нет, алмазы на дороге не валяются: к вопросу о художественном мастерстве писателя», «Рассказ о рассказе: к проблеме правдивости тем и образов художественной литературы», «Дело не только в слове...: о связи писателя с жизнью» и др.), о своем творчестве («Солдату все еще снится: заметки писателя», «Мои планы и дерзания», «В муках рожденный: о своем творчестве», «Год,

прожитый в труде: заметки писателя» и др.). Однако Астафьев не фигурирует в исследованиях как критик.

Не оценены по достоинству многие его очерки (см. статью «В.П. Астафьев как очеркист») Только в газете «Чусовской рабочий» за период с 1951 по 1955 г. он опубликовал под своим именем и псевдонимами около 100 фельетонов и очерков, которые, несомненно, оказали влияние на становление его идиостиля. Часть рассказов вышла из очерков (очерк «Вдали синеет Кваркуш» стал рассказом «На далекой северной вершине»; очерк «Любовь к жизни» перерос в рассказ «Руки жены» и т.д.). У Астафьева рассказчик часто «человек со стороны» в варианте «вернулся я на родину» (журналист или писатель). Такие признаки очерка, как подлинность имен, точное описание места и времени происходящих событий, опора на подлинные факты, конечно, связаны со стилем очерка. О первом своем рассказе «Гражданский человек» Виктор Петрович писал: «Лишь в одном месте я дал маху — перепутал название деревни главного героя, назвав ее Каменушкой, тогда как она оказалась Шумихой» [Астафьев 1997–1998, 1: 15].

Многие тексты посвящены природе. Отношение к ней определяется не глобальными проблемами экологии (что будет позднее), а сибирским «законом тайги», в основе которого лежит вековой опыт жизни русских людей в Сибири (см. статью «“Таежный закон” в ранних произведениях В.П. Астафьева»).

Недооценены, на наш взгляд, сборники первого периода творчества Астафьева как самостоятельные издания. Ведущий и любимый жанр писателя — рассказ, о чем он пишет неоднократно («О любимом жанре», «Рассказ — любимый жанр»). Большая часть рассказов публикуется в газетах, журналах. Но для автора очень важны сборники: это книги. В первый период творчества Астафьев издает 13 авторских сборников и печатает рассказы в сборниках коллективных.

Первые издания («До будущей весны», «Огоньки», «Теплый дождь») содержат по 5–6 рассказов. Самым крупным сборником стал «Весенний остров» (1964), включающий 52 рассказа. О сборнике «До будущей весны» писатель вспоминает: «Сборничек мой в четыре листа объемом <...> вышел в 1953 году. <...> Выход первой книги для меня <...> был не просто праздником, это было важнейшее творческое событие в моей жизни и в жизни семьи тоже» [Астафьев 1997–1998, 1: 24].

Начинают печататься сборники в местных уральских издательствах (Молотовское-Пермское, Свердловское). Первый сборник, изданный центральным издательством Детгиз, — «Теплый дождь» (1958). Первым «взрослым» сборником, напечатанным в издательстве «Советская Россия», был сборник «Солдат и мать» (1961). А это уже признание, переход от положения периферийного автора к положению писателя российского уровня. Затем «Звездопад» в «Молодой гвардии» (1962), «Поросли окопы травой» в «Советской России» (1965), «Синие сумерки» в издательстве «Советский писатель» (1968). Итак, вершина не только достигнута, но писатель на ней прочно закрепился.

В крупных сборниках («Весенний остров», «Поросли окопы травой») появляются подзаголовки. Впервые обозначены «Затеси» («Поросли окопы травой», 1965 — 13 коротких рассказов). «Весенний остров» делится на части, формируется новый жанр (ср. повествование в рассказах «Царь-рыба» и повесть в рассказах — «Последний поклон»). В этом сборнике: «Корни таежные», «Наши друзья», «Разные истории», «Страницы детства».

Конечно, приходит опыт, мастерство писателя растет. Первый период творчества (1951–1969) П.А. Гончаров характеризует «как период становления жанрово-стилевой системы и мировидения В. Астафьева» [Гончаров 2006: 10].

В этот период формируются основные типы героев: любимые герои – бакенщики: «Огоньки», Изот Трофимович в первой редакции «Стародуба» и др. — затем в «Царь-рыбе» Павел Егорович и др.; охотники (ср. легендарные охотники Дикого Запада Дэйви Крокет, Дэниел Бун, Кит Карсон и др.), таежник-отшельник (Культя, затем Аким); выделяются особо ценимые личностные черты: осознание себя частью природы, полное бескорыстие, готовность прийти на помощь; определяется основное место действия (тайга, берег реки — почти всегда это пространство вне жилого помещения), любимое время года — лето, время суток — ранее утро, восход солнца («Утро, какого в городе не бывает», «Земля просыпается», «Зорькина песня», «Утренняя песня», «Утром», в дальнейшем «Капля» и т.д.); большая часть действующих лиц — возрастные герои: дедушка, бабушка, среди героев также — внук, внучка. Складывается стремление писателя к разрушению советских стереотипов: изображение войны как тяжелой работы; одним из первых он относит к трагичным ее последствиям не только погибших

и увечных, но и тех, кто вернулся с душевной травмой («Горсть спелых вишен», «Ясным ли днем» и др.). Место действия многих военных рассказов — госпиталь.

Новый мотив, получивший резонанс, — «милость к падшим»: знаковым становится рассказ «Солдат и мать», который призывает отнестись по-человечески к матери предателя; в ряде рассказов герой видит в немце не только врага, но и человека («Ария Каварадосси», «Последний кусок хлеба» и др.). Другой мотив, не менее острый — разрушение представления о «хорошем» народе, противопоставление положительного героя не отдельным «отщепенцам», а одного человека всему селу. Но в «Стародубе» (1959) он несколько стирается тем, что действие обращено к прошлому, при этом село староверческое. Этот мотив прозвучит позже у В.Г. Распутина в «Деньгах для Марии» (1967). Формируется мысль единства жизни на земле: цветок стародуб на могиле Фаефана, кедренок на могиле Култыша («Стародуб»), затесь «И прахом своим» и др.

Формируется система поэтических антропонимов. Просматривается тщательная работа писателя над заголовками своих произведений: «Самое прекрасное» — «Самое прекрасное дерево», «Еловая ветка», «О чем ты плачешь, ель?» — «О чем плачешь, ель?», «Капалуха на дороге» — «Капалуха»; «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» — «Дядя Кузя — куриный начальник», «Любовь к жизни» — «Руки жены»; «Два солдата» — «Сашка Лебедев», «Бурелом» — «Восьмой побег», «Гражданский — человек» — «Матвей» — «Сибиряк», «Останутся воспоминания» — «Бери да помни» и т.д. В каких-то случаях — это только замена заголовка, в каких-то это новая редакция текста.

Макроструктура энциклопедического словаря-справочника: Введение, Предисловие, Словарь и Приложения.

Основная часть — статьи об отдельных произведениях. Заглавное слово словарной статьи — заголовок текста с его жанровым определением. Жанр многих текстов Астафьева определяется в литературе неоднозначно. Мы определяем жанр согласно каноническому изданию. Микроструктура словаря (структура словарной статьи) относительно свободна. Цель издания — информация, а не интерпретация, поэтому максимально сокращены ссылки на литературу, изложение разных точек зрения, ассоциативный ряд авторов статей. Рубрикация может включать в себя сведения о композиции, сюжете и хронотопе (художественном времени и пространстве), ге-

роях и т.п. Особо уязвимым является вопрос о сюжете (фабуле) произведения. Пересказ текста Астафьева — все равно, что передача стихов прозой. Однако для первого ознакомления с творчеством писателя коллектив энциклопедии посчитал это полезным.

Отсылочные словарные статьи приводятся в двух случаях: 1) ссылка на статью об этом же произведении с другим заголовком, 2) упоминание о произведении в статье о сборнике, газете или журнале, в проблемной или обзорной статье. Список произведений Астафьева первого периода творчества позволяет по достоинству оценить художественную активность автора.

Словарь включает в себя энциклопедические статьи разных типов. Кроме описания произведений, в издание включены статьи об издательствах и изданиях, сборниках, обзорные и проблемные статьи.

Раздел Приложения «Основные даты жизни и творчества В.П. Астафьева» расширен по сравнению с опубликованным тем же автором [Сакова 2009: 9–33] (ср. также «Основные даты жизни и творчества В.П. Астафьева» в [Гончаров 2006: 236–237]). Список родственников, составленный Н.К. Вершининой и опубликованный в Астафьевском ежегоднике «Стародуб» [Стародуб 2009], авторами уточнен и расширен.

Издание показывает, что уже в первый период творчества В.П. Астафьев выдвинулся как значительный писатель не только регионального, но общероссийского уровня.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск, 1997–1998.

Астафьев — Все произведения В.П. Астафьева (первый период творчества 1951–1969): энциклопедический словарь-справочник. Красноярск, 2017.

Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: учебное пособие. Мичуринск, 2006.

Дроздов Н.И., Самотик Л.Г. Из проспекта «Астафьевской энциклопедии» // Научный Ежегодник, 2001. Вып. 3. Т. 2. Красноярск, 2002. С. 163-167.

Сакова Н.Я. Основные даты жизни и творчества В.П. Астафьева // Дар слова: В.П. Астафьев: библиограф. указ., статьи. Иркутск, 2009. С. 9-33.

СЛТ — Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

Стародуб: Астафьевский ежегодник. Вып. 1. Красноярск, 2009.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Шукшин — Энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина»: В 3 т. Барнаул, 2004–2007.

М.А. Бобунова
Курский государственный университет, Курск

РЕГИОНАЛЬНАЯ АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье говорится о подготовке словарных материалов для создания писательских словарей в рамках проекта «Курское слово». Описывается имеющийся лексикографический опыт, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: лексикография, авторский словарь, филологическая регионалистика.

Актуальным направлением исследований XXI в. является филологическая регионалистика, задача которой «состоит в системном исследовании и описании корней и генезиса литературно-художественных региональных явлений, духовной жизни социума и человека с использованием филологического инструментария» [Полякова 2012: 10]. Одним из таких инструментов может стать словарь, дающий ученым разных отраслей знания объективный материал для размышлений и последующего анализа. Неслучайно характерной чертой современной авторской лексикографии является тот факт, что она «дает образцы словарей писателей, с творчеством которых связано формирование культурно-исторического облика конкретного города, региона страны» [Шестакова 2011: 218–219]. Вероятно, появление в последнее десятилетие серии писательских словарей авторов одного региона уже позволяет говорить о зарождении региональной авторской лексикографии.

Курские лингвисты уверены, что лексикографический подход весьма перспективен для изучения как лексического состава художественного произведения, так и авторской картины мира в целом. В рамках проекта «Курское слово», одной из задач которого является изучение языка поэтов и писателей, чья биография связана с Курским краем (А.А. Фет, Н.Н. Асеев, К.Д. Воробьев и др.), уже давно готовятся лексикографические материалы и создаются словари регистрирующего типа, обладающие высоким исследовательским потенциалом.

Безусловно, перед исследователями возникает закономерный вопрос, «какими критериями измерять степень причастности писателя и его творчества к литературе края, какими критериями определять региональный, локально-исторический колорит того или иного литературно-художественного текста? Достаточно ли одного факта его рождения или непродолжительного проживания на этой земле? Нужны ли более фундаментальные контакты творца с жизнью края?» [Полякова 2012: 10]. По мнению профессора Л.В. Поляковой, рассуждающей о методологических аспектах локально-исторического ракурса в литературоведении, при отборе авторов следует прежде всего опираться на классику, «т.е. на писателей и их произведения, которые в те или иные историко-литературные периоды определяли и определяют ведущие направления в национальном искусстве в целом, служат базово-накопительным художественным “капиталом” для утверждения традиций или новаторских решений» [Там же], хотя понятие «классика» не имеет четкого и единого понимания.

Мы полагаем, что к числу классиков XX столетия можно отнести Евгения Ивановича Носова (1925–2002), лауреата Государственной премии РСФСР и многих литературных премий, среди которых премия имени М.А. Шолохова, премия имени А.П. Платонова, премия Александра Солженицына и др. Произведения Е.И. Носова, отличающиеся самобытностью и уникальным языком, давно получили всеобщее признание и включены в библиотеку русской классики (в 100 томах), которая представляет лучшие произведения русской литературы за десять веков.

Родившийся в селе под Курском и с детства впитавший народную речь, Носов бóльшую часть жизни провел в родном городе, жители которого не раз становились героями его повестей и рассказов. Курские исследователи давно обратились к анализу

языка прозы своего земляка. Под нашим руководством была защищена кандидатская диссертация на тему «Художественное слово Е.И. Носова в лексикографическом аспекте», целью которой стала «разработка теоретических основ словарного описания художественного языка Е.И. Носова и выявление исследовательского потенциала писательской лексикографии для отражения своеобразия авторского мировидения» [Черникова 2006: 12]. Одной из поставленных задач было создание полных словников всех повестей и рассказов писателя. Поскольку на момент подготовки диссертации отсутствовало полное издание художественной прозы Носова, произведения (6 повестей и 104 рассказа) выбирались из разных сборников и журналов и группировались по периодам творчества курского писателя. Исследователи говорят о четырех периодах творческой биографии Носова: 1) ранний период (1956–1962) — создание рассказов о природе; 2) период творческого расцвета и признания (1963–1977), когда Носов пишет свои наиболее известные рассказы и повесть «Усвятские шлемоносцы»; 3) спад творческой активности (1978–1989); 4) так называемый философский период (1989–2002). Исходя из этого, на базе словников отдельных произведений Носова были подготовлены объединенные словники разных периодов. Предполагалось, что такой подход позволит проследить за творческой эволюцией писателя.

Параллельно готовилась лексикографическая база, связанная с публицистической деятельностью Е.И. Носова. На основе богатого эмпирического материала, увидевшего свет с 1951 по 2002 г., были составлены алфавитные словники каждого публицистического произведения, отдельных периодов публицистического творчества и всей авторской публицистики в целом [Разумова 2007].

К сожалению, лексикографическая работа начала XXI в. ограничилась подготовкой словарных материалов и анализом на их базе отдельных пластов лексики. Дело в том, что в 2005 г. появилось полное пятитомное собрание сочинений писателя, где произведения Носова были сгруппированы уже не по традиционному хронологическому, а по тематическому принципу. Так, в первый том вошли рассказы о природе и рыбалке, лирические миниатюры, стихи, публицистика, во втором томе собраны рассказы о подростках и автобиографические произведения о детстве, третий том включает произведения о жизни деревни, четвертый — о Великой Отечественной войне, а в пятый помещены этюды, творческие

портреты, интервью, выступления и переписка разных лет. По мнению составителя собрания сочинений Е.Д. Спасской, такой подход не случаен, поскольку он позволяет «зримее представить круг тем и проблематику творчества Е.И. Носова» [Носов 2005: 1, 26].

Еще одной проблемой стало то, что проведенный анализ языка произведений, включенных в пятитомник, выявил некоторые лексические разночтения в сравнении с предыдущими изданиями. Заметим, что Носов был очень требователен к себе, в процессе работы по много раз переписывал отдельные строки, страницы и фрагменты повестей и рассказов в поисках нужного слова, фразы, интонации, однако к опубликованным вещам обычно не возвращался. «Я всегда об этом печалюсь, — говорит писатель, — но безжалостное время гонит вперед, и нет минуты на то, чтобы оглянуться. И вот видишь, особенно по прошествии лет, как несовершенно написанное. Хотелось бы что-то поправить – не ради своего писательского тщеславия, а ради читателя, ради уточнения истины. Но нет времени. Оно убежало…» [Книга о Мастере 1998: 163]. Тем не менее, ряд произведений писателя имеет несколько печатных вариантов, что, безусловно, осложняет лексикографическую работу.

Известно, что наличие разных редакций одного и того же текста является нерешенным вопросом авторской лексикографии. Перед исследователем неизбежно встает вопрос о том, какой вариант следует принимать во внимание. Первый или последний, переработанный и усовершенствованный, а может, следует учитывать все? В. Козырев в работе «Эволюция текста, или Как Шекспир именовал Гамлета» справедливо замечал, что «далеко не каждый писатель удовлетворялся тем вариантом своего детища, который он отдавал в печать. Зачастую и после этого момента продолжалась работа по совершенствованию уже опубликованного текста, чтобы от издания к изданию он все более точно передавал идею автора, которую тот хотел донести до читателя. При этом, в отличие от искусства изобразительного, в литературе промежуточные варианты художественных произведений не исчезали бесследно после переработки, позволяя исследователю и по прошествии не только десятилетий, но и веков, как бы заглядывать через плечо автора, чтобы, проследив эволюцию текста, лучше понять его содержание» [Козырев 2003].

При создании словников произведений Носова данной проблеме было уделено особое внимание. Так, О.А. Черникова сопос-

тавила разные авторские редакции двух рассказов писателя, причем в одном случае разные версии с видоизмененным названием были опубликованы с интервалом в год («Майское дерево» — 1960, «Майский подарок» — 1961), а во втором между одноименными («Портрет») редакциями прошло несколько десятилетий (1959 и 1983). Скрупулезный сопоставительный анализ словников, выявивший качественные и количественные различия лексического яруса разных версий рассказов, позволил увидеть, что при сохранении общей сюжетной линии писатель несколько изменил акценты своего повествования [Черникова 2006: 36–43].

Существующая проблема наличия разных версий заставляет составителей сборников, литературоведов и лексикографов по-своему подходить к ее решению. Безусловно, «самыми точными обычно являются “академические издания”, т.е. издания, осуществленные учеными-текстологами на основе тщательного изучения первоисточников и авторских редакций» [Балакай 2007: 9], поэтому мы приняли решение подготовить новую лексикографическую базу с опорой на пятитомное издание, исходя из жанрового и тематического распределения творческого наследия Е.И. Носова.

Еще в начале словарной работы нам было понятно, что большой объем разнородного материала трудно адекватно представить в рамках одного справочника. Возникла идея создания системы дифференциальных словарей языка Носова. Примером такого словаря может стать словарь диалектной лексики. Исследователи творчества курского писателя не раз обращали внимание на то, что Носов, мастерски владея богатейшими ресурсами литературного русского языка, органично вплетает в ткань повествования народные языковые элементы, являющиеся средством индивидуальной и социальной характеристики персонажей, выражением авторской позиции и формирующие образную систему произведений в целом [Словесная живопись 2013]. Сам писатель говорил: «С детства я вынес запас слов — из общения с русской деревней, с русским крестьянским людом. Где-то все это осело, запечатлелось, лежало нетронутым в кладовой памяти. И как только я начал писать – спустя многие годы — вспомнилось. Я сверял по Далю — все это у него есть. Так говорили мои дед и бабушка — говорили хорошим, образным русским языком. И вот того, что я так щедро зачерпнул в детстве, не подозревая даже об этом богатстве, — мне хватило и вполне хватает до сих пор, когда я пишу о деревне. Деревня — это

иная среда, чем в городе, иной быт, работа, отсюда люди говорят по-другому. Все имеет какие-то свои особинки, свои специфические деревенские штрихи и тонкости, требует своего языка» [Книга о Мастере 1998: 162]. Пробным выпуском справочника подобного типа станет словарь народного языка самой известной повести курского писателя «Усвятские шлемоносцы».

Одна из основных тем в творчестве Носова — это тема природы. Отличающийся прекрасным знанием флоры Курской области, писатель активно использует названия растений, которые для него не просто фон, а целый мир, переплетенный с миром человека. Исследование наименований растений и растительных организмов в прозе Носова [Дьяченко 2010], проведенное на основе пятитомного собрания сочинений, подготовило необходимую лексикографическую базу для создания словаря фитонимов в художественной прозе писателя. Лексикографические материалы включают словник из 678 единиц (более 4,5 тысяч словоупотреблений), частотный словарь и конкорданс фитонимических наименований. В настоящее время разрабатывается концепция словаря, который должен отразить не только своеобразие лексического состава данной группы слов, включающей, наряду с узуальными литературными, диалектные и окказиональные наименования, но и особенности использования фитонимов в составе образных средств.

Полагаем, что наши словарные опыты откроют путь к формированию курской авторской лексикографии, которая может найти продолжение в разработке не только дифференциальных словарей языка Е.И. Носова, но и словарей языка других художников слова, чье творчество, содержательно связанное с историей Курского края, обнаруживает региональные языковые черты, характеризующие жителей Центрального Черноземья.

ЛИТЕРАТУРА

Балакай А.Г. Словарь повести И.С. Шмелева «Лето Господне» (Проект). Новокузнецк, 2007.

Дьяченко Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова. Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.

Книга о Мастере. Курск, 1998.

Козырев В. Эволюция текста, или Как Шекспир именовал Гамлета. 12 июля 2003 г. — http://w-shakespeare.narod.ru/hamlet18.htm (октябрь, 2018).

Носов Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2005.

Полякова Л.В. Филологическая регионалистика в системе гуманитарных наук // Филологическая регионалистика. 2012. № 2. С. 7-12.

Разумова М.А. Лексика публицистического дискурса Е.И. Носова. Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2007.

Словесная живопись Евгения Носова: коллективная монография / Н.В. Беляева, М.А. Бобунова, Ю.А. Дьяченко, И.С. Климас, Л.И. Ларина / Под ред. М.А. Бобуновой. Курск, 2013.

Черникова О.А. Художественное слово Е.И. Носова в лексикографическом аспекте. Дис. … канд. филол. наук. Курск, 2006.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

И.А. Самойлова
Институт украинского языка
Национальной академии наук Украины, Киев

СЛОВАРЬ НОВООБРАЗОВАНИЙ И.М. ДЗЮБЫ НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье дается краткий обзор словарей языка деятелей украинской литературы и культуры. Особое внимание уделяется особенностям составления словаря индивидуально-авторских новообразований публициста, литературоведа И.М. Дзюбы.

Ключевые слова: авторская лексикография, дифференциальный словарь, зона словарной статьи, языковая личность И.М. Дзюбы.

Краткий обзор украинской авторской лексикографии

Аксиомой является то, что словари языка писателей создаются в первую очередь на материале произведений выдающихся деятелей национальной литературы и культуры. В украинской авторской лексикографии словари языка произведений Т.Г. Шевченко составляют большую часть всего состава словарей одного писателя. Глубокому научно-критическому анализу словарей языка поэта посвящена статья П.Е. Гриценко [Гриценко 2012: 40–69]. Такое количество изданий по языку одного автора среди других авторских справочников, по утверждению Гриценко, обусловлено прежде всего ключевой ролью его языкового и культурного феномена

в становлении нового украинского литературного языка. Словарной презентацией исследователи стремились засвидетельствовать высокий уровень развития литературного языка, побудить к его углубленному изучению, одновременно — именем автора укрепить статус украинского языка [Там же: 41].

Ученый рассматривает особенности структурной организации и лексикографической параметризации серии справочников языка поэта: «Словничок Шевченкової мови» (1916) Н.М. Малечи (словарь опубликован под псевдонимом Літописець Нестор), «Украінорускький словничок до Кобзаря Т.Г. Шевченка» (1917) этого же автора (словарь опубликован под псевдонимом Нест. Літ. [Нестор Літописець]), «Шевченкова лексика. Словопокажчик до поезій Т.Г. Шевченка» (1951) В.С. Ващенко, П.О. Петровой, «Граматично-стилістичний словник Шевченкової мови» (1961) И.И. Огиенко (словарь опубликован под псевдонимом Митрополит Іларіон), «Словник мови Шевченка» в 2 т. (1964) под ред. В.С. Ващенко, Т.К. Черторижской, «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка. Словник-покажчик» (1982) В.С. Ващенко, «Словарь языка русских произведений Шевченко» в 2 т. (1985–1986) под ред. И.К. Белодеда, Т.К. Черторижской (предисловие к этому словарю также опубликовано в [Русская авторская лексикография 2003]), «Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій» (1993 и второе дополненное издание 2008) И.И. Меньшикова, Н.В. Подмогильной, «Інверсійний словник-індекс до “Словника мови Шевченка”» (2000) Т.Г. Шевченко (доцента Запорожского национального университета), «A Concordance to the Poetic Works of Taras Shevchenko: Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка» в 4 т. (2001) О. Ильницкого, Ю. Гавриша, «Словник Шевченкової фрази» (2003) К.А. Серовой. С целью представления всесторонней характеристики того или иного лексикографического справочника П.Е. Гриценко обращается к различного рода материалам, отзывам, оценкам, рецензиям других авторов.

Для получения целостной картины языка творческой личности ученый намечает перспективу в продолжении серии словарей Шевченко, говоря о том, что актуальным остается создание такого словаря, в котором главным объектом описания было бы не рациональное, а поэтическое, движение от содержания базового, дообразного к содержанию-смыслу художественного, образного, символического [Гриценко 2012: 66]. Методологическая основа

идеи, высказанной ученым, направлена на создание авторского словаря такого жанра, который может быть применен к творчеству других писателей и поэтов.

В данном случае уместно привести высказывание составителей «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий», касающееся «базового положения» этого Словаря: «…предметом описания в нем являются лексические единицы, несущие концептуальное содержание и характеризующие особенности индивидуального стиля Достоевского» [Караулов, Ружицкий 2015: 16]. Ученые, говоря о том, что не имеет смысла включать в Словарь все лексические единицы из текстов, акцентируют внимание на концептуальном ядре, состав и устройство которого «позволяет выносить суждения о картине мира писателя и реконструировать ее» [Там же].

Такой путь изучения лексикона творческой индивидуальности выбирают и другие исследователи. Например, о значимости представления ключевых концептов и ядерной части лексики публицистических произведений Е.И. Носова с помощью лексикографических методик (в частности, сжатия конкорданса, аппликации словарных статей) пишет М.А. Разумова [Разумова 2007].

Примечательно, что авторская лексикография Украины восходит к уже упомянутым выше двум словарям Шевченко: «Словничок Шевченкової мови» и «Украіно-руський словничок до Кобзаря Т.Г. Шевченка» [Горецький 1963: 163–164; Тараненко 2007: 373]. Для составления реестров этих словарей Н.М. Малеча расписал тексты стихотворений «Кобзаря», изданного в Санкт-Петербурге в 1907 г. Первый словарь представляет собой словоуказатель, насчитывающий около 6 540 слов. Второй словарь является толково-переводным украинско-русским, назначением которого было обеспечение понимания и правильного восприятия произведений Шевченко в оригинале [Гриценко 2012: 42]. 3 731 слово в реестре этого словаря сопровождено толкованием или описанием реалии на русском языке. Правда, некоторые исследователи обращают внимание на то, что одной из первых попыток авторской лексикографии можно считать украинско-русский толково-переводной словарь, насчитывающий 972 слова, прилагаемый к первому изданию «Энеиды» (1798) И. Котляревского [Цимбалюк-Скопненко 2010: 6][1].

[1] Как писал А.Ф. Ставицкий, изложивший историю нескольких публикаций поэмы И. Котляревского, к первому изданию, опубликованному в

В аспекте обобщающей аналитики достижения в области украинской авторской лексикографии освещены в ряде работ [Лесюк 1996: 189–200; Вокальчук 2004: 37–43; 2008: 305–351; Тараненко 2007: 373; Цимбалюк-Скопненко 2010: 6–11; Ціхоцький, Левчук 2013: 56–62, 85–88; Gliwinskaja 2015: 611–619].

Приведем некоторые из авторских словарей:

1) **монографические**: «Лексика “Енеїди” І.П. Котляревського: Покажчик слововживання» (1955) В. Ващенко, Ф. Медведева, П. Петровой, «Словопокажчик драматичних творів Лесі Українки» (1961) М.Ф. Бойко, «Словник літературознавчих термінів Івана Франка» (1966) С. Пинчука, Е. Регушевского, «Лексика п’єс та од І.П. Котляревського» (1974) под ред. А.А. Бурячка, «Словник мови творів Г. Квітки-Основ’яненка» в 3 т. (1978–1980) под ред. М.А. Жовтобрюха, Л.В. Веневцевой, «Фігури мови Тараса Шевченка: Короткий словник на 154 терміни» (1998) Б. Леськива, «Євангеліє українців, або Крилаті вислови “Кобзаря”» (2001) В. Щербины, «Словник мовознавчих термінів Івана Франка» (2002) Е. Регушевского, «Авторські лексичні новотвори Василя Барки (семантико-дериваційний та лексикографічний аспекти)» (2007) Н. Адах, «Словник мови поетичної збірки Івана Франка “Зів’яле листя”» (2010) З. Терлака, «Частотний словник роману Івана Франка “Основи суспільності”: Інтерпретація твору крізь призму статистичної лексикографії» (2012) С. Бук, «250 крилатих слів і зворотів М.В. Гоголя: українсько-російський тлумачний словник. 250 крилатих слів і зворотів М.В. Гоголя: російсько-український тлумачний словник» (2012) Л.П. Дядечко, О.В. Петренко, Ю.Ф. Прадида, «Словник мови Лесі Українки (на матеріалі збірки “На крилах пісень”)» (2012, ч. 1: А–М) Н.А. Данилюк, Н.В. Иовхимчук, Н.П. Дарчук, Н.Г. Чейлитко, В.М. Сорокина. См. также электронные словари: «Онлайн конкорданс роману Івана Франка “Перехресні стежки”» С. Бук, А. Ровенчака (http://www.ktf.franko.lviv.ua/~andrij/

Петербурге, прилагался словарь под заголовком «Собрание малороссийских слов, содержащихся в “Энеиде”, и сверх того еще многих иных, издревле вошедших в малороссийское наречие с других языков или коренных российских, но неупотребительных» [Ставицький 1989: 214]. Ставицкий рассматривал этот словарь, составленный первыми издателями поэмы, как заметное явление украинской лексикографии конца XVIII в. и хорошую основу для аналогичных словарей в дальнейших изданиях «Энеиды».

science/Franko/concordance.html), «Online Concordance to the Complete Works of Hryhorii Skovoroda (Онлайн конкорданс повного зібрання творів Григорія Сковороди)» Н. Пилипьюк, О. Ильницкого, С. Козакова (http://www.arts.ualberta.ca/~ukr/skovoroda/NEW/index.php), «Словник Лесі Українки» Н. Жарких (http://myslenedrevo. com.ua/studies/lesja/bio/ slovn.html);

2) **сводные**: «Частотний словник сучасної української художньої прози» в 2 т. (1981) под ред. В.С. Перебейнос, «Обернений частотний словник сучасної української художньої прози» (1998) Т.А. Грязнухиной, Н.П. Дарчук, Е.А. Карпиловской и др., «Словник епітетів української мови» (1998) С.П. Бибик, С.Я. Ермоленко, Л.Е. Пустовит. См. также электронный словарь «Частотний словник сучасної української поетичної мови» под ред. Н.П. Дарчук[2] (http://www.mova.info/Page2.aspx);

3) **словари, содержащиеся в монографиях, сборниках научных трудов**: «Покажчик індивідуальних слововживань» (Н.М. Сологуб. «Мовний світ Олеся Гончара», 1991, с. 120–137), «Короткий словник авторських неологізмів в українській поезії XX століття» (Г.М. Вокальчук. «Авторський неологізм в українській поезії XX ст.», 2004, с. 94–492), «Короткий словник авторських лексичних новотворів Ліни Костенко» (І.В. Цапук. «Словотворчість шістдесятників. Микола Вінграновський. Ліна Костенко», 2010, с. 106–121). Отметим, что, например, сборники лексикографической серии «Українська індивідуально-авторська неографія» (серия издается под редакцией Г.Н. Вокальчук), к которой принадлежит последний упомянутый словарь, построены таким образом, что сначала представляется единый корпус сводного словаря новообразований нескольких авторов, а потом отдельно даются новообразования каждого автора;

4) **словари, которые представляют язык перевода** на украинский с других языков известных литературоведов, языковедов: «Словар до Гомерової Одиссеї та Іліяди» (1900) И. Огоновского, «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник» (2002) А.И. Скопненко, Т.В. Цимбалюк.

---

[2] Этот и ряд других авторских словарей размещены на лингвистическом портале www.mova.info (октябрь, 2018) лаборатории компьютерной лингвистики Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Таким образом, украинская авторская лексикография представлена на сегодняшний день разноплановыми и разножанровыми словарями. Как уже упоминалось выше, язык произведений Шевченко описан в словарной форме в наибольшем количестве изданий. К серии словарей языка Шевченко абсолютно применимо понятие семейства авторских словарей [Шестакова 2012: 32]. На основании классифицирующих признаков можно очертить обобщающую типологическую схему: в «семействе» словарей языка Шевченко репрезентированы словоуказатели, конкорданс, полные и дифференциальные, регистрирующие и объяснительные словари, с заголовочной единицей — словом и заголовочной единицей — устойчивым сочетанием слов, одноязычные и двуязычные.

За этой лексикографической серией по количеству изданий следуют словари языка писателя-классика, литературоведа, фольклориста И.Я. Франко.

Проект словаря авторских новообразований публицистики И.М. Дзюбы

И.М. Дзюба — ученый-интеллектуал, литературовед, литературный критик, культуролог, публицист, общественный деятель, академик Национальной академии наук Украины, лауреат литературной премии им. А.И. Белецкого, Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко, премии им. В.И. Вернадского. Его перу принадлежат научные, литературно-критические статьи и очерки, литературные портреты, памфлеты, фельетоны, переводы на украинский язык с русского, польского языков, сценарии к кинофильмам, предисловия и послесловия к поэтическим и прозаическим произведениям, научным работам других авторов.

Немало из своих публицистических произведений Дзюба печатал сначала на страницах газет и журналов. Со временем они выходили в составе различных сборников статей, выступлений, размышлений. Показательным является такой факт: даже когда после первой публикации проходило и десять, и двадцать, и больше лет, автор не изменял первоначального текста в последующих изданиях. В предисловии к одному из сборников, где перепечатывались уже опубликованные ранее статьи и рецензии 1960–80-х гг., он написал: «Я не поддался соблазну “улучшать” или “осовременивать” давние тексты — не потому, что они меня и сегодня устраивают, а потому, что печать времени должна быть сохранена, даже в ущерб самолю-

бию автора. <…> В конце концов, поучителен и путь преодоления преград, стоявших (и стоящих?) на пути освобождения мысли, — это ведь наша интеллектуальная история, которую тоже не стоит ни искажать, ни игнорировать» [Дзюба 2006: 4].

О личности И.М. Дзюбы писали П.А. Загребельный, М.В. Попович, В.Л. Скуратовский, В.Е. Панченко, В.Г. Аблицов, В.Ф. Баранов и др. Изучению его творчества как автора прежде всего работ по теории и истории литературы, литературной критике, культурологии, эстетике посвящены исследования Л.Б. Тарнашинской, Р.М. Корогодского, Я.Ю. Голобородько, Н.С. Частаковой и др.

Взгляды, размышления Дзюбы касательно вопросов культурологии, эстетики, судьбы украинского языка, его описания жизни и творчества украинских и зарубежных деятелей литературы до сегодняшнего дня сохраняют свою актуальность. Привлекает внимание не только идейное, смысловое наполнение его творчества, но и язык его произведений. Публицистические выступления И.М. Дзюбы находятся в поле постоянного внимания исследователей. Например, Е.А. Порпулит в статье [Порпуліт 2014] с целью охарактеризовать языковые репрезентанты средств воздействия на читателя анализирует выступления публициста, начиная с 2000 г., опубликованные на страницах всеукраинской газеты «День». Е.Н. Рыжко в работе [Рижко 2013], анализируя ценностную парадигму, в качестве объекта исследования рассматривает не только выступления, но и сатирическую публицистику — памфлеты.

Научно-лексикографический интерес к изучению языка публицистики И.М. Дзюбы актуализировала выполняемая в Институте украинского языка НАН Украины тема, связанная с формированием источниковой базы толковой лексикографии современного украинского языка. В рамках этой темы исследуется язык художественных, публицистических, эпистолярных и других произведений, переводов на украинский язык известных деятелей литературы и культуры минувшего века и нынешнего. Отмечая непреходящую значимость произведений, написанных в прошлом веке, П.Е. Гриценко пишет, что возвращение в современную культурную и языковую жизнь Украины текстов, немало из которых благодаря своей смысловой актуальности и совершенству формы получили широкое признание в украинском обществе, повлияло на аксиологию литературного языка в целом и оценку его норм. Новизна текстов соединилась с общественными трансформациями и обновлением, что усилило

внимание к таким текстам и языковым отличиям-инновациям, зафиксированным в них [Гриценко 2011: 240].

Таким образом, разработка вопросов, связанных с созданием лексической и фразеологической картотеки для будущих лексикографических справочников, побуждает прежде всего акцентировать внимание на словесном творчестве публициста, таких элементах его лексикона, как авторские новообразования. Ориентиром в отнесении языковых единиц, извлеченных из текстов Дзюбы, к авторским новообразованиям служит отсутствие их фиксации в нормативных словарях, больших по охвату лексики: «Словник української мови» в 11 т. (1970–1980), «Словник української мови» в 20 т. (тт. 1–6, 2010–2015), «Великий тлумачний словник сучасної української мови» (2007) под. ред. В.Т. Бусла, «Український орфографічний словник» (9 издание, 2009) и др. Если слово, встретившееся в авторском тексте, уже было единицей описания в специальных справочниках, словарях определенной жанровой / тематической / узколокальной направленности, других авторских словарях, в хронологически отдаленных справочниках, а также в научных работах, то считаем важным тоже зафиксировать его наличие в словаре языка публициста. Такие факты способствуют расширению представления о функционировании слова в языковом пространстве, его стилистических, семантических и других характеристиках.

Разрабатываемый словарь является дифференциальным регистрирующим. В качестве источников используются все публицистические тексты И.М. Дзюбы, в том числе и переводы, предисловия и послесловия к книгам, сценарии к кинофильмам, опубликованные выступления, интервью. Словарная статья имеет обязательные структурные части: заголовок, грамматическую зону, иллюстративную зону, зону шифров и факультативные — зону словообразовательного гнезда и зону комментариев. Материал располагается по формальному (алфавитному) принципу. В заголовке слово дается в исходной грамматической форме. В грамматической зоне указывается часть речи, для существительных род и в случае необходимости ремарка, сигнализирующая о форме множественного числа. Как заголовочные единицы множественного числа даются не только существительные, не имеющие единственного числа. Автор с целью придания стилистического эффекта (в большей степени негативного) может специально употреблять форму множественного числа: например, слово *начальства* вместо

нормативной формы единственного числа *начальство*. Самостоятельными единицами словарного описания выступают причастия, компаративы и суперлативы. Отметим, что показательным признаком лексикона Дзюбы является высокочастотность использования прилагательных и наречий в формах сравнительной и превосходной степени. Причем автор употребляет формы сравнения, образованные не только от качественных прилагательных, но и от относительных: *найінтернаціональніший*, *найістинніший*, *найклювастіший*, *безумовніший.* В зоне словообразовательного гнезда приводятся зафиксированные слова (на основании нормативных словарей), связанные с заголовочными единицами словообразовательными отношениями. Наличие словообразовательных, семантических мотивирующих связей между новообразованиями и зафиксированными языковыми единицами играет важную роль в дальнейшей возможной узуализации и кодификации авторского слова. Например:

ушнипливо, *присл.*, [ушнипитися] <…>
супережити, *дієсл. док.*, [співпережити] <…>
тремкітний, *прикм.*, [тремкий] <…>

В зоне шифров приводится название сборника, название статьи, год написания статьи, страница источника. В приведенных ниже примерах описания авторских новообразований дается название статей по изданию [Дзюба 2001]:

багатотомовий, *прикм.*, [багатотомний]. Нарешті, дійшла черга і до багатотомового видання [праць О.І. Білецького], здійсненого Академією наук Української РСР протягом 1965–1966 рр. Це п’титомове видання стало великою подією в науковому та літературному житті не тільки України <…> (З криниці літ, Лицар літературної науки (до 90-річчя від дня народження О.І. Білецького), 1967, 523).

Встречающееся в этом контексте сложное прилагательное *п’ятитомовий*, образованное по такой же словообразовательной модели, как и *багатотомовий*, также фигурирует в качестве заголовочного слова, так как в словарях зафиксировано слово *п’ятитомний*. Обратим внимание на то, что в библиографическом описании сборника «З криниці літ» в трех томах указывается, что это *тритомовик* в отличие от общеупотребительного *тритомник*.

В факультативной зоне комментариев возможны: объяснения значения слова, грамматическая, стилистическая характеристика,

приведение члена словообразовательного гнезда из текстов самого автора и т.д.:

> ***софістикований***, *дієприкм.*, [софістика, софіст]. Так, той же Джакомо Леопарді в «Роздумах італійця про романтичну поезію» піддавав сумніву народність романтизму як надто софістикованого, теоретизованого напрямку (З криниці літ, Тарас Шевченко і Віктор Гюго, 1996, 318), [у знач. прикм.];
>
> ***передромантик***, *ім. ч.* <…> французи посилалися і на те, як інші, сусідні нації цінують свою фольклорну спадщину, старовинну поезію. <…> Друг Віктора Гюго, блискучий поет, романіст і драматург Альфред де Віньї, звернувшись до постаті одного з «передромантиків», англійського поета XVIII ст. Чаттертона, в однойменній драмі, наголошує саме оцей момент занурення в народну старовину (З криниці літ, Тарас Шевченко і Віктор Гюго, 1996, 317), [у текстах автора *передромантичний*];
>
> ***передромантичний***, *прикм.* Такі високоцінні підробки та містифікації [народної поезії] були симптоматичним явищем, відповідали духовно-естетичним потребам передромантичної і романтичної доби <…> (З криниці літ, Тарас Шевченко і Віктор Гюго, 1996, 320), [у текстах автора *передромантик*].

В процессе дальнейшего накопления и изучения фактического материала в структуру словарных статей могут вноситься коррективы. На данном этапе работы над словарем материал показывает, что большой массив авторских новообразований, особенно в текстах научных, литературно-критических статей, литературных портретов, создан в соответствии с лексическими, деривационными нормами современного украинского литературного языка. Это является отличительной особенностью разрабатываемого словаря языка публицистики И.М. Дзюбы на фоне авторских словарей новообразований других деятелей литературы. Несомненно, такие слова представляют интерес с точки зрения заполнения лексических лакун в общеупотребительном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Вокальчук Г.М. Авторський неологізм в українській поезії XX століття (лексикографічний аспект) / За ред. А.П. Грищенка. Рівне, 2004.

Вокальчук Г.М. Словотворчість українських поетів XX століття. Острог, 2008.

Горецький П.Й. Історія української лексикографії. К., 1963.

Гриценко П.Ю. «Слово поза словником»: реєстр словника як проблема сучасної тлумачної лексикографії // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. Ларисі Григорівні Скрипник / Відп. ред. І.С. Гнатюк. К., 2011. С. 238-249.

Гриценко П.Ю. Авторська лексикографія: Тарас Шевченко // Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові / Відп. ред. І.С. Гнатюк. К., 2012. С. 40-69.

Дзюба І.М. З криниці літ: тритомовик. Т. ІІ. К., 2001.

Дзюба И.М. Сквозь завихрения времени: В 3-х т. Т. 1. К., 2006.

Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 16-22.

Лесюк М. Теоретичні засади укладання словників мови письменників // Українська історична та діалектна лексика / Відп. ред. Д. Гринчишин. Вип. 3. Львів, 1996. С. 189-200.

Порпуліт О. Осмислення персуазивних особливостей публіцистики Івана Дзюби // Діалог: Медіа-студії. 2014. Вип. 18–19. С. 108-118.

Разумова М.А. Лексика публицистического дискурса Е.И. Носова (2007). — http://www.dissercat.com//content/leksika-publitsisticheskogo-diskursa-ei-nosova (октябрь, 2018).

Рижко О. Аксіологічні домінанти в публіцистиці Івана Дзюби // Записки Львівської національної наукової бібліотеки України імені В. Стефаника. 2013. № 5. С. 248-257.

Русская авторская лексикография XIX–XX вв.: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003.

Ставицький О.Ф. Коментар до «Енеїди» Івана Котляревського та його історія // Котляревський І.П. Енеїда: Поема. К., 1989. С. 207-284.

Тараненко О.О. Мови письменника словник // «Українська мова». Енциклопедія / Редкол.: Русанівський В.М., Тараненко О.О. (співголови), Зяблюк М.П. та ін. 3 вид., зі змінами і доп. К., 2007. С. 372-373.

Цимбалюк-Скопненко Т.В. Українська авторська лексикографія: здобутки та перспективи // Українська мова. 2010. № 2. С. 3-14.

Ціхоцький І., Левчук О. Лексикографічний практикум. Львів, 2013.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012.

Gliwinskaja Ł. Авторський словник в українській лексикографічній номенклатурі (типологічний аспект) // Slavia orientalis. 2015. LXIV, Nr 3. S. 611-619.

РАЗДЕЛ 3

ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ

О.Е. Иванова

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ВИДЕ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье представлено описание устройства действующей модели информационно-поисковой системы «Образный инструментарий русской лирики» и тех возможностей, которые она предоставляет пользователю. Модель позволяет осуществлять многоплановый поиск, сбор и сохранение для исследования материалов словаря языка поэзии, на основе которого создана данная система.

Ключевые слова: словарь языка поэзии, информационно-поисковая система, поэтическая номинация, образное слово, образная парадигма.

Словарь поэтического языка — это специфический жанр справочной литературы. Он описывает своеобразно представленный — в интересах научного описания — язык поэтических текстов, то есть язык, «застигнутый» в момент реализации его эстетической функции. Степень визуальной удаленности текста такого словаря от привычных для читателя форм стихотворных текстов классической русской и европейской поэзии XIX в. может быть различной. Но обычно в словарях такого типа основное место принадлежит цитатам как носителям осмысляемого поэтического содержания. А тот ракурс, тот угол зрения, под которым рассматривается анализируемое множество текстов и который выражается в организации словаря — его единицах, их группировке, структуре

словарной статьи, составляет собственно научную часть словаря. Именно в ней материализуется приращенное знание о сущности, устройстве и, в конечном счете, о значимости различных феноменов поэтического языка. Таким образом, содержание поэтического словаря охватывает как художественные тексты, так и интерпретирующие их контексты и построения, исходящие от авторов словаря. И то и другое представляет интерес при исследовании художественного языка и может быть объектом научного анализа. В современности такой анализ гораздо более эффективен при применении электронных поисковых инструментов.

В основу действующей информационно-поисковой системы [Образный инструментарий русской лирики] (далее — Система) положено содержание книги [Н. Иванова, О. Иванова 2015] (далее — Словарь). Устройство и потенциальные возможности контента этой Системы, физически равного содержанию Словаря, но гораздо более объемного благодаря программным возможностям, и рассматриваются в данной работе.

Покажем, как выглядит статья Словаря, и в качестве иллюстрации приведем одну из самых компактных словарных статей О ЛОДКЕ.

Статья состоит из двух частей: нумерованного перечня образных парадигм, состоящих из поэтических номинативных единиц, и собрания цитат, иллюстрирующих реальную текстовую жизнь этих номинаций — по одной на каждое образное слово с соответствующим номером. Цитаты имеют форму самодостаточного фрагмента поэтического текста. Такая организация словарной статьи дает возможность выделить из ее сложно устроенного содержания все те элементы, которые могут быть востребованы в качестве типовых смысловых запросов к Словарю и отражающей его Системе.

О ЛОДКЕ

1. ПАРУС рыбарей смиренный (Пушк. II 331), паруса (Яз. 229);	**6. ГРОБ** [в тв. ср.] (о челне — 2Бун. 314);
2. ИГРАЛИЩЕ волн (о челне — Од. 209), ~ пучины (о челне — Пушк. II 162);	**КАТАФАЛК** гондолы длинный черный (2Бун. 276);
3. ГАМАКИ: лодочки-гамаки (Манд. 123);	**7. КОНИ МОРЕЙ** (о челнах — 1Кюх. 208), ~ пучины (1Кюх. 146);

ЛЮЛЬКА [в ср. с *как*] (2Фет 102); **СКОРЛУПА** резная (каика) (3Вяз. 294); **СКОРЛУПКИ** (о ладьях — 2Бенед. 419); **4. ЩЕПКИ** (о ладьях — 2Бенед. 419); **5. ЗДАНЬЯ** плавучие (о ладьях — 2Бенед. 419);	**ПТИЦА** вод (Барат. 315); **САЛАМАНДРА-**челн (чей) (3Вяз. 380); **ЧАЙКА** (Барат. 315); **8. ЖИЛИЦА** океана (Барат. 315); **9. ЖИЗНЬ И КРАСА** рек (о стае лодок — 3Вяз. 314); **10. СТАНИЦЫ** ладей (Яз. 582); **СТАЯ** лодок (3Вяз. 314);

1. *Смиренный парус рыбарей,* / Твоею прихотью хранимый, / Скользит отважно средь зыбей (***Пушк., К морю***);
2. Взнеси опять мой бедный челн, / *Игралище* безумных *волн,* / На океан твоей державы (***Од., Как недвижимы волны гор***..);
3. Горят в порту турецких флагов маки, / Тростинки мачт, хрусталь волны упругий / И на канатах *лодочки-гамаки* (***Манд., Феодосия***); Ты молча покорным владела рулем, / Нас в лодке *как в люльке* несло (***Фет, Над озером лебедь в тростник протянул***..); *Скорлупой резной* чуть струю задев, / Промелькнул каик (***Вяз., Ночь на Босфоре***); Ялики, боты плывут, и красивы и крепки, / Утлые идут ладьи, и *скорлупки*, и щепки (***Бенед., Над рекой***);
4. Ялики, боты плывут, и красивы и крепки, / Утлые идут ладьи, и скорлупки, и *щепки* (***Бенед., Над рекой***);
5. Ялики, боты плывут, и красивы и крепки, / Утлые идут ладьи, и скорлупки, и щепки. / Эти *плавучие зданья* нарядны, то принцы. / Прочие ж — мелочь, так — грязный народ, разночинцы (***Бенед., Над рекой***);
6. На тусклом блеске волн, облитых серебром, / Ныряет *гробом* челн… (***Бун., Сирокко***); Он беззвучно, / Медленно на лунный свет выводит / *Длинный черный катафалк гондолы* (***Бун., Венеция***);
7. Там *кони морей,* — крутобокие челны — / Из пристаней реются в шумные волны (***Кюх., Давид***); Только вдали, океана жилица, / *Чайке* подобна, *вод* его *птица,* / Парус развив, как большое крыло, / С бурной стихией в томительном споре, / Лодка рыбачья качается в море (***Барат., Пироскаф***); Как морем огненным, *мой саламандра-челн,* / Скользит по зареву воспламененных волн (***Вяз., Пожар на небесах — и на воде пожар***...);
8. Только вдали, *океана жилица,* / – – –/ Лодка рыбачья качается в море (***Барат., Пироскаф***);
9. *Рек и жизнь, и краса* — / По волнам лодок стая / Мчится, быстро мелькая, / Распустив паруса (***Вяз., Зонненштейн***);

10. Носили вы часто в старинные годы / *Станицы* норманских *ладей* (***Яз., Песня балтийским водам***); По волнам *лодок стая* / Мчится, быстро мелькая, / Распустив паруса (***Вяз., Зонненштейн***).

В основу концепции Словаря положена идея системной организации языковых средств выражения поэтической образности — поэтических номинаций, т.е. субстантивных сочетаний слов и отдельных существительных, имеющих в поэзии особый эстетический смысл, особую семантическую и экспрессивную нагруженность и обладающих языковой формой, что позволяет выявлять их в контексте [Н. Иванова 1992]. Языковая природа этих единиц обусловила принципиальную возможность системного лингвистического описания языка поэзии [Н. Иванова 1990; 1994]. В итоге анализа множества лирических текстов были выделены следующие типы поэтических наименований — носителей поэтического начала стихотворного текста: 1) описательно-метафорические сочетания (*дыхание весны* — о весне, *бездна ночи*, *бездна ночная* — о ночи); 2) перифрастические сочетания (*кубок пламени и звона* — о весне, *мантия черная* — о ночи); 3) слова-символы, различные по своему генезису (*Муза*, *лира* — о поэзии, *наяда*, *кристалл* — о воде, *меч* — о войне, *шелк* — о ночи); 4) метафоры (*цвет* — о весне, *горение*, *остуда*, *голубок* — о любви, *таракашки*, *тли* — о людях), в том числе обратные (*радуга дуги* — т.е. дуга радуги, *озеро зеркал* — т.е. зеркала озера); 5) метонимии (*апрель*, *май* — о весне, *карандаш*, *палитра*, *резец*, *струна*, *орган* — об искусстве, *парус* — о корабле); 6) признаковые словосочетания (*зеркальность вод*, *тьма ночей*, *мглистость души*); 7) признаковые слова в абсолютивном употреблении (*лазурь*, *синь* — о небе, *зеркальность*, *синь* — о воде); 8) субстантивированные формы — одиночные прилагательные, адъективные и причастные обороты, предикативные конструкции (*трёхликая*, *двурогая*, *Старый* — о луне, месяце, *влачащие посох железный* — о людях, *идущий за плугом, чья жизнь, как ночь, темна* — о крестьянине); 9) прямые книжные наименования и лексические поэтизмы, не являющиеся образными (в словаре они даются выборочно, например, о весне — *пора весенняя*, о поэте — *певец*, *бард,* о крестьянине — *жнец*, *многострадалец*, о воде — *влага* и др.). Каждая поэтическая номинация может быть найдена в Словаре через **Указатель образных слов**, а в Системе — через поисковой модуль во вкладке «**Образные слова**».

ПОИСКОВЫЙ МОДУЛЬ. ВКЛАДКА «ОБРАЗНЫЕ СЛОВА»

При нажатии на букву алфавита выводится список образных слов на эту букву. При нажатии на образное слово выводится список статей с этим образным словом + номер парадигмы, в которую входит слово. При нажатии на номер парадигмы раскрывается структура* этой парадигмы. При нажатии на структуру раскрывается парадигма с иллюстративным блоком. Вверху есть ссылки «раскрыть структуры», «раскрыть парадигмы», «скрыть», при нажатии на которые все парадигмы с выбранным образным словом выводятся в виде структуры / выводятся целиком / сворачиваются к исходному виду. При нажатии на название статьи выводится структура этой статьи (см. вкладку «Статьи»). Чтобы вернуться к списку образных слов на выбранную букву алфавита, надо нажать «Оглавление».

**Структура парадигмы* — перечень образных слов в составе одной парадигмы без сочетаемости и иллюстраций.

Объем представленного в Словаре материала обширен: расписаны в виде цитат тексты русской лирики почти полуторавекового периода — начиная от эпохи становления русской лирической поэзии в конце XVIII века через весь поэтический XIX век и кончая поэзией первой трети XX века, поражающей разнообразием поэтических систем и стилей. Следует отметить, что в настоящее время Словарь и Система не претендуют на исчерпывающее включение материала первоисточников, поскольку пропуск отдельных единиц объективно и субъективно неизбежен. Но это обстоятельство оставляет возможность для дальнейшего пополнения, восполнения лакун, корректировки состава статей. Материал составили тексты более чем 270 авторов — это лирические произведения не только наиболее известных поэтов, чье творчество признано образцом и традиционно причисляется к поэтической классике, но и стихотворения малоизвестных или почти неизвестных авторов. Привлечение авторов не первого ряда принципиально необходимо при описании поэтического языка, который складывается из множества отдельных поэтических систем — языков различных авторов, принадлежащих различным школам и направлениям. Список источников с принятыми условными сокращениями в Словаре выступает как **Библиографический указатель**, а в Системе существует в виде отдельной вкладки «**Авторы**» поиско-

вого модуля, что позволяет находить и выбирать единицы Словаря и тексты, принадлежащие конкретному автору (авторам).

ПОИСКОВЫЙ МОДУЛЬ. ВКЛАДКА «АВТОРЫ»

В поле ввода задается начало фамилии или условного обозначения автора. При нажатии на «Искать!» выдаются все источники по этому запросу. При нажатии на источник ниже выводится статистика по этому автору, а также список статей с номерами парадигм, где упоминается данный источник. При нажатии на номер парадигмы раскрывается текст парадигмы (без иллюстративного блока). Вверху есть ссылки «раскрыть», «скрыть», при нажатии на которые раскрываются / скрываются все парадигмы в выдаче. При выборе ссылки «в иллюстративных блоках» выводится список всех статей, где выбранный автор цитируется в иллюстративном блоке + номера этих блоков. Управление этой выдачей осуществляется аналогично с режимом вывода парадигм. Чтобы вернуться к списку источников, надо нажать «Оглавление».

Словарь сформирован на основе обширного массива цитат из источников XVIII–XX вв., извлеченных ради поэтических наименований разных понятий и предметов, многие из которых являются крайне значимыми в поэзии. И хотя многие традиционные темы лирической поэзии известны, принципиально важно отметить, что словарь не является **заданным** перечнем поэтических тем, под которые подбирался бы материал. Напротив, тематические статьи сложились в процессе индуктивной работы, синтеза, восхождения от множества частных наименований, к которым задается вопрос «о чем это сказано?», к обобщенным темам; от номинативных единиц языка к смысловым единствам, объединенным общим ответом «это сказано о том-то». С достаточной степенью уверенности можно утверждать поэтому, что удалось отразить практически все значимые темы русской лирики описываемого периода, отличающиеся воспроизводимостью, повторяемостью в поэтических текстах. Материал Словаря распределен между более чем 360 тематическими статьями, обобщающими разрабатываемые русской поэзией экзистенциальные и предметные темы и сюжеты, среди которых *жизнь*, *смерть*, *беда*, *счастье*, *истина*, *любовь*, *поэзия*, *молодость*, *будущее*, *вера*, *разум*; *Бог*, *ангел*, *дьявол*, *бес*; *солнце*, *луна*, *мороз*, *весна*, *небо*, *море*, *радуга*, *туман*, *свет*; *человек*, *де-*

вушка, *старик*, *юноша*, *влюбленный*, *крестьянин*; *задумчивость*, *печаль*, *радость*, *ревность*, *скука*, *отчаяние*, *тоска*, *ненависть*, *смех*, *страх*; *деревня* и *город*, *поле* и *лес*, *вода* и *земля*, *душа* и *тело*, и многие-многие другие. Каждая такая тема в Словаре оформлена как отдельная словарная статья, что отражено в **Указателе словарных статей**, внутри Системы совокупность статей помещена во вкладке поискового модуля «**Статьи**».

ПОИСКОВЫЙ МОДУЛЬ. ВКЛАДКА «СТАТЬИ»

При нажатии на букву алфавита выводится список статей с названиями статей на эту букву. При нажатии на название выводится конкретная статья. Изначально выдается структура* статьи. При нажатии на образное слово в структуре раскрывается это слово + сочетаемость. Напротив каждой парадигмы есть ссылка «раскрыть». При нажатии на нее раскрывается парадигма вместе с иллюстративным блоком. Вверху статьи есть ссылки «структура», «статья», «с иллюстрациями», при нажатии на которые все парадигмы в статье сворачиваются / разворачиваются без иллюстративного блока или сворачиваются / разворачиваются с иллюстративным блоком. В раскрытой парадигме образные слова выделены шрифтом зеленого цвета. При нажатии на такое слово выводится список статей с номерами парадигм, где имеется это образное слово (см. вкладку «Образные слова»). Вернуться к списку статей на выбранную букву алфавита можно, нажав «Оглавление».

**Структура статьи* — перечень образных парадигм данной тематической статьи без сочетаемости, без цитат.

Наконец, разработчики посчитали необходимым снабдить Систему такой дополнительной возможностью, как универсальный свободный поиск во всем массиве данных по фрагменту слова или любому целому слову с опцией сохранения в формате .doc.

ПОИСКОВЫЙ МОДУЛЬ. ВКЛАДКА «ПОИСК»

В поле поиска вводится искомое слово / часть слова. При нажатии на «Искать!» выводятся все результаты поиска по этому запросу, разбитые на пять частей:

а) «Статьи» — список статей, в название которых входит это слово / часть слова. Управление этой выдачей аналогично вкладке «Статьи»;

б) «Образные слова» — список образных слов, в которые входит это слово / часть слова. Управление этой выдачей аналогично вкладке «Образные слова»;

в) «Источники» — список источников, в название которых входит это слово / часть слова. Управление этой выдачей аналогично вкладке «Авторы»;

г) «Парадигмы» — список статей с номерами парадигм, в тексте которых встречается искомое слово / часть слова. При нажатии на статью парадигмы раскрываются, найденное слово выделяется зеленым цветом. Над парадигмами есть ссылки «раскрыть иллюстрации», «скрыть», при нажатии на которые к каждой парадигме выводится / скрывается иллюстративный блок;

д) «Иллюстрации» — список статей с номерами иллюстративных блоков, в тексте которых встречается искомое слово / часть слова. При нажатии на статью блоки раскрываются, найденное слово выделяется зеленым цветом. Над иллюстративными блоками есть ссылки «раскрыть парадигмы», «скрыть», при нажатии на которые к каждому иллюстративному блоку выводится / скрывается соответствующая парадигма. Любая выдача снабжена ссылкой «сохранить» в правом верхнем углу области.

Обращение к поисковым возможностям системы «Образный инструментарий русской лирики» позволяет эффективно осуществлять выборку материалов и анализировать их в различных аспектах, например: 1) с точки зрения **системных лексических связей номинативных образных единиц** — как в языке поэзии в целом, используя весь материал словарных статей, так и в пределах поэтического текста (или текстов) одного или разных авторов, что выводит исследования в плоскость интертекстуальных связей; 2) в плане **образного устройства лирики**, что позволяет проследить эволюцию образности и в творчестве одного поэта, и в рамках поэтического направления (направлений) или целого периода. На основании полученных данных можно составить представление о лингвистической истории становления образной системы русской поэзии, поскольку материалы показывают, какие образные единицы предпочитает для описания данного обозначаемого (объекта или сюжета) тот или иной автор, в чем их своеобразие, показывают, сочетания какого типа преобладают в тот или иной хронологический период, обнаруживают омонимию в сфере поэтических номинаций, представленную единицами, формально одинаковыми, но относя-

щимися к различным объектам (например, *безбрежность синяя* — о море и о небе, *ковер мягкий* — о снеге и о траве, *стекло зыбкое* — о воде и о воздухе), сообщают сведения о частотности образных средств в поэтических текстах и др.; 3) в контексте исследований **концептосферы языка русской поэзии**, которая сформировалась в итоге развития поэтического языка целой исторической эпохи, и разработки русской языковой картины мира в той ее части, которая формируется поэтическими средствами (подробнее см. [О. Иванова 2015]). Данные Словаря показывают избирательный характер картины поэтического мира: с одной стороны, не всё, что существует в окружающем мире, проходит через художественное осмысление и отражается в мире поэтическом, с другой — некоторые частные или специфические предметы и явления могут быть выдвинуты в центр поэтического восприятия. Таким образом, рассматриваемая поисковая Система дает в руки исследователя эффективный инструмент для извлечения лингвистической информации из материалов поэтического Словаря, рассмотренных в динамике — от номинативных языковых единиц через выражаемую ими образность к поэтическим темам-концептам.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Н.Н. Поэтический язык XIX–XX вв.: Лексикографический аспект изучения // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль. М., 1990. С. 46-56.

Иванова Н.Н. Поэтические номинации в русской лирике. М., 1992.

Иванова Н.Н. Лексикография художественной речи: словарь поэтических номинаций // Русистика сегодня. Вып. 2. М., 1994. С. 113-133.

Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века: Ок. 5000 образных слов и выражений. М., 2015.

Иванова О.Е. Предметно-понятийный мир русской лирики в проекции издания «Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 6. С. 81-89.

Образный инструментарий русской лирики. — http://lexrus.ru/default.aspx?p=3118 (октябрь, 2018).

З.Ю. ПЕТРОВА, Н.А. РЕБЕЦКАЯ, Н.А. ФАТЕЕВА
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ НА БАЗЕ «СЛОВАРЯ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВВ.»

Статья посвящена проекту создания информационно-поисковой системы компаративных тропов по «Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». Инновационная информационно-поисковая система позволит решить задачу многомерного поиска и структурирования информации о компаративных тропах в русской литературе, создать общую платформу для дальнейшей автоматизации поиска по другим словарным материалам.

Ключевые слова: информационно-поисковая система, база данных, словарь, метафора, сравнение.

Мы представляем проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска и структурирования информации о компаративных тропах в русской литературе.

В настоящее время появилось несколько информационно-поисковых систем на базе электронных словарей, тематически связанных с языком художественной литературы, например: ИПС

«Словари русской поэзии Серебряного века» (на основе электронной версии [СЯРП]), ИПС «Образный инструментарий русской лирики» (на базе лексикографического источника [Н. Иванова, О. Иванова 2015]) и др. Наш проект существенно отличается от них по своим функциям. Проектируемая нами система является более специализированной и позволяет реализовать возможности многомерного поиска информации по компаративным тропам русской литературы.

В основу ИПС положены выпуски издания «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» [Кожевникова, Петрова 2000–2017]. Этот словарь строится на двух главных принципах — идеографическом (принципе семантического поля) и диахроническом. Идеографический принцип создания словаря состоит в следующем: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. При составлении выпусков тропеический материал группировался по образам сравнения. Предметы сравнения группируются в семантические классы, охватывающие все разделы идеографической классификации. Схематично ее можно представить следующим образом: «Человек» («Фазы человеческой жизни», «Организм, части тела», «Физические и психофизические состояния и свойства», «Интеллект», «Эмоции», «Душа, сердце, дух», «Свойства характера», «Категории духовного мира, мораль»; «Языковые явления», «Общефилософские категории», «Социальный план человека» и др.), «Время», «Окружающий мир» («Физические явления, ощущаемые человеком»: «Звук», «Свет», «Запах»; «Атмосферные явления», «Огонь», «Вода», «Земля, рельеф», «Животные», «Растения» и др.; «Предметы, созданные человеком»).

Структура каждой словарной статьи определяется структурой соответствующего семантического поля образов сравнения. В каждом томе учитываются всевозможные отношения элементов в семантических полях. Основные из них — следующие:

«род — вид», например: *зверь — собака*, *волк*, *лиса*, *медведь*, *лев*, *тигр*, *кошка*, *свинья* и т.д.; *цветок — роза*, *лилия*, *мак*, *незабудка*, *василек* и т.д.; *фрукт — яблоко*, *лимон*, *апельсин*, *дыня*, *груша* и т.д.;

«целое — часть», например: *дерево — ствол*, *ветки*, *сучья*, *кора*, *листья*, *хвоя*; *цветок — лепесток*, *венчик*, *стебель*, *чашечка* и т.д.;

обозначения совокупностей, множеств, например: *птица — стая*; *корова*, *бык* и т.д. — *стадо*, *овца — отара*; *конь — конница*; *цветок — цветник*, *букет, клумба* и т.д.;

«Х — действие, состояние, характерное для Х», например: *птица — лететь*, *порхать*, *виться*, *парить*, *нахохлиться*, *щебетать*, *курица — кудахтать*; *корова — мычать*; *кошка — мяукать*; *конь*, *лошадь — закусить удила*; *зверь — сжимать в лапах*; *растение*, *цветок — цвести*, *вянуть*, *цветок — распускаться* и т.д.;

«Х — действия с Х», например: *зверь — укрощать*; *конь — стреножить*; *птица — подбить*, *подстрелить*, *окольцевать*; *растение — посадить*, *пересадить*, *прививать* и т.д.

Во всех образных полях при группировке тропов учитываются также отношения синонимии и квазисинонимии, например: *лошадь — кляча*, *кобыла*; *собака — шавка*; *лев — скимен*, *ягненок — агнец*; *белка — векша*; *курица — наседка*; *ласточка — касатка*; *соловей — филомела*; *лилия — крин*; *свёкла — буряк*; *помидор — томат*; *арбуз — кавун* и т.д.; различные словообразовательные производные, например: *птица — птичий*, *птичка*, *по-птичьи*; *зверь — звериный*, *по-звериному*, *зверек*, *зверок*, *зверушка*, *зверюшка*, *зверюга* и т.д.

В каждой части словарной статьи материал разграничивается далее по формально-синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов. Основные из них — метафоры (Мтф.) (включая метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления) и сравнения. Среди сравнений выделяются конструкции с формально не выраженным основанием сравнения (Ср.), сравнения-приложения (Ср.-прил.), сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом (Ср. с гл.), прилагательным (Ср. с прил.), субстантивным словосочетанием (Ср. с субст. словосоч.), категорией состояния (Ср. с катег. сост.).

В качестве примера приведем часть словарной статьи СОЛНЦЕ выпуска 3 «Растения», в которой солнце сравнивается с цветком и видовыми обозначениями цветов:

СОЛНЦЕ

цветок

Мтф.

Лазурь блестит нетронутою новью, И солнце в ней — единственный **цветок** (Минский 1880-е – 1890-е)

Ср.

Открывает лик победный, всё полней и всё светлей, Ярко-красное светило расцветающего дня, Как **цветок** садов гигантских, полный жизни и огня (Бальмонт 1894)

Ср. с гл.

гореть: Солнце *горит* в небе, как огненный **цветок**, и сеет золотую пыль своих лучей на серые груды скал (М. Горький 1912)

цвести: Солнце, как бледный гелиотроп, проросло из сугробов. <…> Только оно, как **цветок**, *цветет*, только одно цветет, только само цветет! (Мартынов 1933)

мак

Ср. с гл.

гореть: И солнце вновь расцветшим **маком** В выси поднявшейся *горит* (Нарбут 1909)

расти, пухнуть: А солнце *росло* и *пухло* не теплым желтым одуванчиком, а негреющим красным **маком**, который — как уголь из потухающего под дождем костра (Леонов 1923)

роза

Ср.

Хмелело солнце **розой** несказанной (Вяч. Иванов 1911), Солнце / взошло / туманной **розой** (Набоков 1923)

шиповники

Мтф.

Шиповники солнц понимать, точно пение (Хлебников 1915–1919–1922)

ромашка

Ср.

И веселое солнце — **ромашкой**, Лепестки ее — наземь лучи (Шершеневич 1921)

гвоздика

Мтф.

Утро сине и тихо, / солнца мокра **гвоздика** (Асеев 1930–1946)

хризантема
Мтф.
Хризантема взошедшего солнца (Шенгели)
Ср.
День был хороший, в небе цвело серебряное солнце, похожее на **хризантему**; в воздухе играл звон колоколов, из церквей, от поздней обедни, выходил дородный московский народ (М. Горький 1928)

цветок герани
Ср. с прил.
широкое, красное: <...> пылали на подоконнике пушистые ярко-красные герани и жирные бальзамины. *Широкое* и *красное*, как **цветок** разбухшей **герани**, опускалось солнце (Леонов 1924)

одуванчик
Ср. с гл.
см. **мак** (Леонов 1923)

гелиотроп
Ср. с гл.
прорасти: Солнце, как бледный **гелиотроп**, *проросло* из сугробов. <…> Только оно, как цветок, цветет, только одно цветет, только само цветет! (Мартынов 1933)

цвести
Мтф.
И прекрасное солнце / **цвело** надо всеми (Б. Корн. 1933–1934), Солнце, как бледный гелиотроп, проросло из сугробов. <…> Только оно, как цветок, цветет, только одно **цветет**, только само **цветет**! (Мартынов 1933).

Диахронический принцип заключается в том, что во всех классах тропов материал подразделяется по времени, после примеров в скобках приводится год (или более широкий временной интервал) написания или первой публикации соответствующего произведения.

В дополнение к этому словарю, который решает задачу систематизации компаративных тропов в языке художественной литературы и выявления ее эволюции на протяжении более двух веков, предлагается создать ИПС, существенно облегчающую ориентирование в большом объеме неструктурированной информации и позволяющую осуществлять поиск по всем возможным

параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Четкая и единообразная структура словарных статей всех пяти выпусков и единая семантическая классификация предметов сравнения дает возможность создать такую систему на основе словарных материалов. ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме «запрос — результат запроса» в системе «человек — машина», предполагает создание базы данных (БД). Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft Access. Для этого была проведена разметка словарного материала, представленного в текстовом формате. Кроме перечисленных параметров описания тропов в словаре, каждому контексту был присвоен символ, обозначающий его принадлежность к поэзии или прозе. Кроме того, метафорам и сравнениям, характеризующим человека, были приписаны символы, обозначающие принадлежность к полу — муж., жен., немаркированный.

БД включает примерно 20 000 тропеических контекстов из произведений русской художественной литературы, как поэтических, так и прозаических, за период с конца XVIII в. по начало XXI в.

В соответствии со структурой «Материалов к словарю метафор и сравнений» каждая запись базы данных состоит из предмета сравнения, образа сравнения, типа сравнения и контекста со ссылкой на автора и год издания, которые отображены в виде формы, позволяющей одновременно видеть содержимое всех полей записи (см. Рис. 1 — скриншот фрагмента БД, отражающего компаративный троп «СОЛНЦЕ — гелиотроп»).

Материал БД разбит на 12 семантических классов: «Птицы», «Звери», «Насекомые», «Черви», «Пауки», «Рыбы», «Крабы, раки, моллюски», «Змеи», «Другие пресмыкающиеся», «Растения», «Камни, металлы», «Ткани, изделия из тканей»; все они объединены иерархической структурой, классифицирующей предметы сравнения по тезаурусному принципу (см. выше). Наиболее крупные узлы этого дерева — «Человек», «Время» и «Окружающий мир».

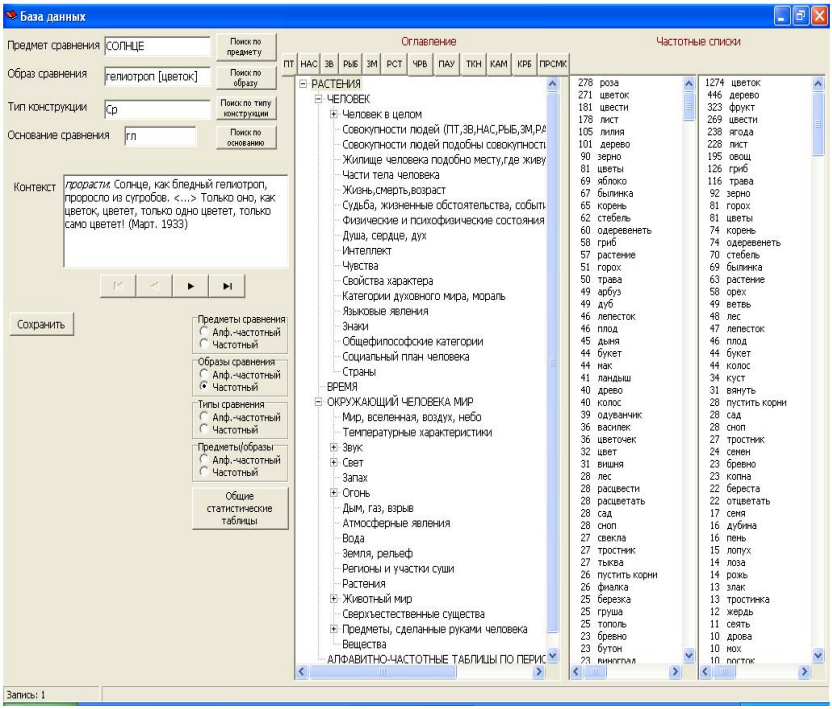

Рис. 1.
Скриншот записи базы данных.

На данном этапе разработки база данных компаративных тропов русской литературы позволяет решать задачи поиска по отдельным полям (предмет сравнения, образ сравнения, тип конструкции, основание сравнения). Например, осуществляя поиск по полю «Образ сравнения», можно получить ответ на запрос «Что сравнивается с белкой в литературных текстах?»: **человек**, **зрачки**, **сердце**, **век (столетие)**, **весна**, **солнце**, **огонь**, со всеми контекстами соответствующих употреблений. Приведем некоторые контексты, иллюстрирующие эти образные параллели: «зрачки — белки»: *Зрачки — как **белки** из дупла* (Бродский), «сердце — белка»: *И сердце, что **белка** в раскидистых лапах, Без устали пляшет под взмах топора* (Вс. Рождественский), «столетия — белки»: *На опушке по сафьяновым соснам Прыгают дятлы и **белки** — столетья* (Клюев), «весны — белки»: *И, как **белки**, желтые весны Будут прыгать по сучьям дней* (Есенин) (см. Рис. 2).

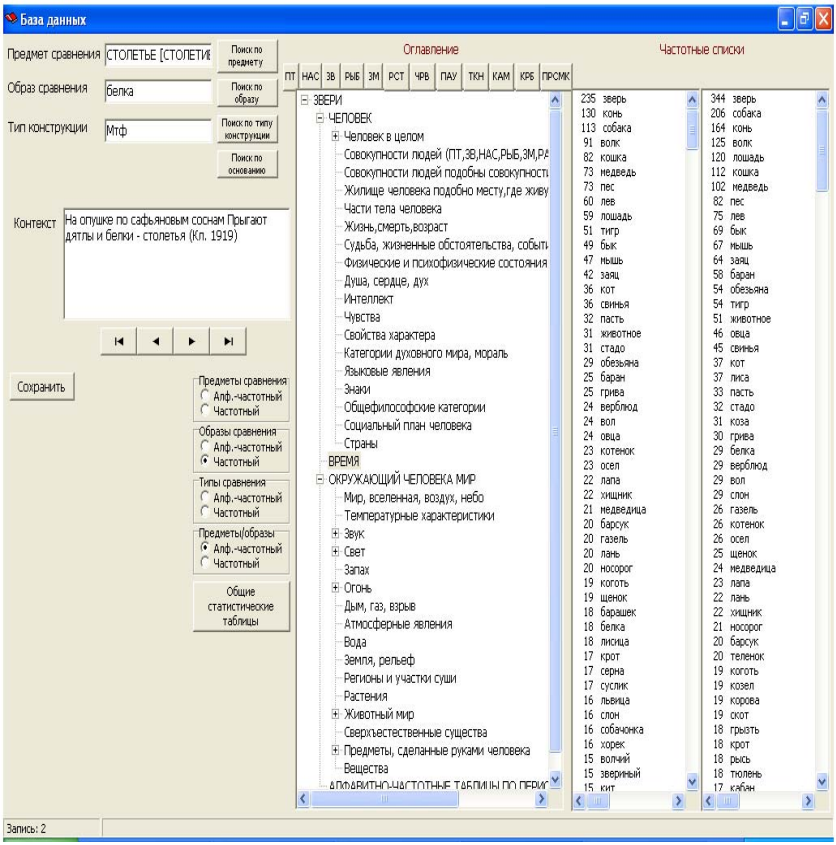

Рис. 2.
Скриншот базы данных,
отражающий компаративный троп «БЕЛКИ — столетия».

Нажав на кнопку «Сохранить», мы получим все предметы сравнения с заданным образом в текстовом формате, а также число записей в конце списка:

ВЕК **векша** [**белка**] **Ср гл** ******легко падать*: И век бы падал векши легче (Мандельштам 1937)

ВЕСНА **белка Ср гл** *прыгать по сучьям*: И, как белки, желтые весны Будут прыгать по сучьям дней (Есенин 1918)

ЗРАЧОК **белка Ср** Зрачки — как белки из дупла (Бродский 1966–1969)

ОГОНЬ **стая белок** [**белка**] **Ср гл** ******заметаться*: Как вспугнутая стая белок рыжих, Он заметался со ствола на ствол [лесной пожар] (Шефнер 1940)

СЕРДЦЕ **подстреленная белка** [**белка**] **Ср гл** ******упасть*: Опять мое сердце упало, как подстреленная белка с высокой сосны (Брюсов 1908, 1909)

СЕРДЦЕ **белка Ср гл** ******прыгать*: Прыгает сердце в груди, как белка по игольным сучьям <...> (Клычков 1926)

СЕРДЦЕ **белка Ср гл** ******прыгнуть*: У Зайчика прыгнуло сердце, как белка на сук (Клычков 1926)

СЕРДЦЕ **белка Ср гл** ******плясать*: И сердце, что белка в раскидистых лапах, Без устали пляшет под взмах топора (Вс. Рождественский)

СЕРДЦЕ **белка Ср гл** ******скакать*: Сердце скачет, как белка в хворосте / ребер (Бродский 1972)

СЕРДЦЕ **векша** [**белка**] **Ср гл** ******сказать «прыгай»:* Как векше, сердцу скажет: «прыгай!» (Северянин 1913)

СОЛНЦЕ **белка Мтф** Туча — ель, а солнце — белка С раззолоченным хвостом (Клюев)

СТОЛЕТЬЕ [СТОЛЕТИЕ] **белка Мтф** На опушке по сафьяновым соснам Прыгают дятлы и белки — столетья (Клюев 1919)

ЧЕЛОВЕК **белка Ср гл** ******лазить*: <...> хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика да вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки (Гоголь 1842)

ЧЕЛОВЕК **белка Ср гл** И лазаешь поспешней белки (Хлебников 1920, 1921)

ЧЕЛОВЕК **белка Ср гл** ******вскочить*: Мигом Катя вырвалась из моих объятий, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, как белка, но, не удержавшись, прыгнула с них на диван (Достоевский 1849)

ЧЕЛОВЕК **белка Ср гл** ******кружиться*: Мы кружимся как стрелка, как белка в часах (Поплавский 1920-е гг.)

ЧЕЛОВЕК **белка Ср гл** ******посадить на ладонь*: Чуден муж мой будет: с поларшина, Посажу как белку на ладонь (Тихонов 1921–1922)

ЧЕЛОВЕК **белка Парал** Но как белка, которая чистит себе нос в то самое мгновенье, когда стрелок в нее целится, человек

не предчувствует своего несчастья – и вдруг подламывается, как на льду... (Тургенев 1852)

<…>

ЧЕЛОВЕК **векша** [**белка**] **Ср гл** ******взобраться на верх дерева*: Я с ловкостью и быстротой, каких <...> никогда за собою не знал и от себя не чаял, взобрался в своем тяжелом убранстве на самый верх дерева, как векша (Лесков 1875)

23 (общее число записей)

Можно провести поиск по полю «Предмет сравнения». Например, «С чем сравнивается автомобиль в литературе?». Ответ: с **птицей**, **вороном**, **филином**, **конем**, **жеребцом**, **быком**, **мопсом**, **котом**, **слоном**, **китом**, **мышью**, **жуком**, **светляком**, **мушкой**; при этом пользователю выдаются контексты соответствующих употреблений. Примеры: *Там шуба из куньего, пышного и чернобелого меха садилась в авто — точно в злого, рычащего мопса, метнувшего носом прожектор* (Белый), *И автомобили, как коты с придавленными хвостами, Неистово визжат* (Багрицкий), *Летят стальных жуков рокочущие стаи, С глазами круглыми, пронзающими ночь* (Лозина-Лозинский) (см. Рис. 3).

Как и в предыдущем примере, нажав на кнопку «Сохранить», мы получим все образы сравнения с заданным предметом в текстовом формате, а также число записей в конце списка.

Подобные операции можно осуществлять как по каждому семантическому классу, по отдельным узлам тезауруса, так и по всему корпусу в целом.

Статистические списки и таблицы, подключенные к каждому семантическому классу и ко всему корпусу, позволяют не только выяснить, какие предметы, образы, типы сравнения встречаются чаще, но и узнать, в какие периоды, у каких авторов встретились те или иные тропы, к какому типу организации художественной речи принадлежит троп, а также — для тропов, образно описывающих человека, — лиц какого пола чаще характеризует определенный образ сравнения.

В некоторых семантических классах образов сравнения наблюдается явная тенденция к соответствию пола описываемого лица и рода существительного — опорного слова тропа, например, в классе «Звери» (см. Табл. 1).

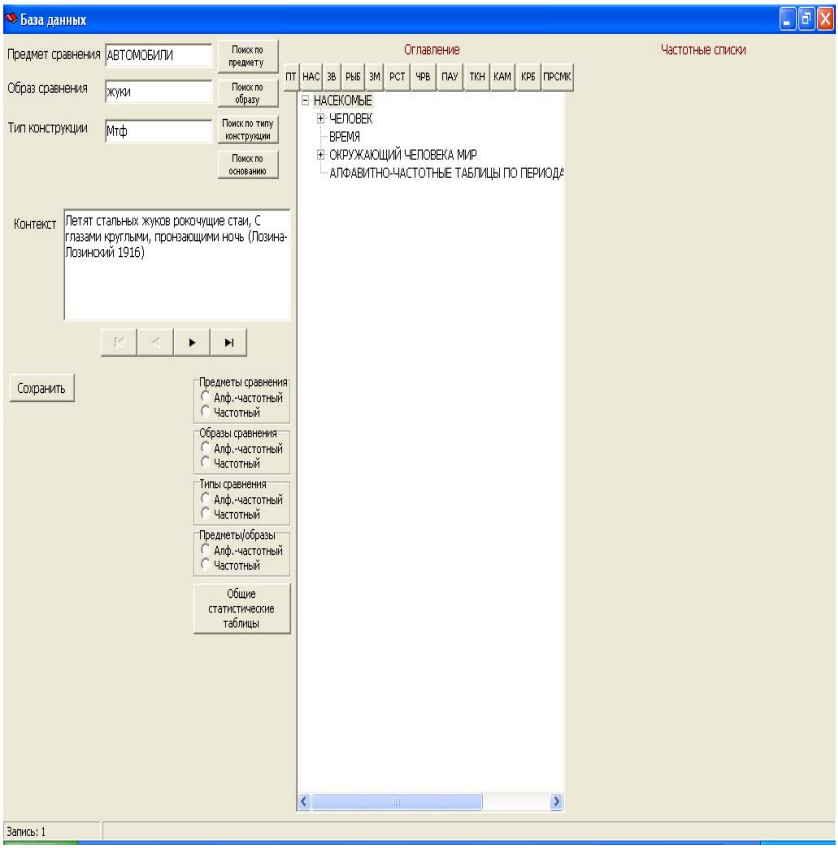

Рис. 3.
Фрагмент базы данных, отражающий компаративный троп «АВТОМОБИЛИ — жуки».

ТАБЛИЦА 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВ СРАВНЕНИЯ ПО ПОЛУ ХАРАКТЕРИЗУЕМОГО ИМИ ЛИЦА

	Total	F	M	N
баран	32	1	27	4
барсук	20		19	1
бык	27	1	26	
волк	64	5	56	3
выдра	2	2		
газель	19	18	1	

зверь	170	12	136	22
кобель	10		10	
конь	21	2	17	2
корова	7	6		1
кот	27	1	26	
кошка	56	36	20	
лань	14	11	3	
лев	43	2	41	
львица	12	12		
медведица	17	15	2	
медведь	54		53	1
мышь	31	9	15	7
овца	13	4	8	1
осел	22		19	3
пес	37	4	28	5
собака	94	12	70	12
тигр	30	1	28	1
тигрица	7	7		
хищник	21		19	2

Некоторые образы сравнения, такие как *кошка*, *собака*, *мышь*, представляют собой исключения из этого правила, активно характеризуя и лиц мужского пола. Особенно интересны такие единичные случаи, когда происходит несовпадение пола и рода, например: *медведица* — о мужчине (*А профессор — медведица!* (Белый), *Получит/ гимназистик // аттестат-листик. // От радости — / светится, // напьется, как медведица* (Маяковский)), *конь* — о женщине (*Сначала при слове: любовь m-lle Boncourt вздрагивала и навастривала уши, как старый полковой конь, заслышавший трубу,* <…> (Тургенев)). В других семантических классах, например, в классе «Растения», такой тенденции нет или почти нет, хотя и здесь есть образы сравнения (и женского, и мужского рода), гораздо чаще характеризующие лиц женского пола: *березка*, *лилия*, *роза*, *ландыш*, *цветок*.

В дальнейшем система поиска будет усовершенствована. Можно будет получать ответы на запросы, предполагающие сочетание поисковых элементов и определенную их иерархию. С уже существующими поисковыми элементами будут сочетаться различные варианты поисковых элементов, создающихся на основе параметров «автор» и «год (временной интервал)». Доступен будет поиск, выделяющий идиостилевые характеристики определенного

автора. Например, можно будет получить ответ на запрос: «Какие метафоры и сравнения употребляет в своем творчестве Андрей Вознесенский?». В настоящее время это можно выяснить только по статистическим таблицам, присутствующим при каждом семантическом классе. В качестве примера приведем фрагмент такой таблицы для Андрея Вознесенского (семантический класс «Растения»; слева указано количество употреблений, в следующей графе — предметы сравнения, в последней — образы) (см. Табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБРАЗНОМУ ПОЛЮ «РАСТЕНИЯ»

1	БРЮХО	брюква
1	УГОРЬ	роза
1	СВЕТ	овес
1	АНОНИМКА	анемон
1	АНТЕННА	росток
1	БУКВА	яблоко
2	БУЛЬДОГ	роза
1	ВАТМАН	лист
1	ВОРОТНИК	кувшинка
1	ГИМНАСТЕРКА	кожа_тополя
1	ГИТАРА	настурция
1	ГЛАЗА	фиалки
1	ГОЛОВА	репа
1	ГОРОДОК	деревце
1	ДОМ	косточка_сливы
1	ЗЕМЛЯ	орех
1	ЗЕМЛЯ	арбуз
1	ЗУБ	ландыш
1	ЗУБЫ_БОБРОВ	цветы кактусов
1	ИМЯ	ветка
1	ИНФОРМАЦИОННЫЙ_ВЗРЫВ	дерево
1	КОЖУХ	апельсин
1	КОРОВИЙ_НАВОЗ	роза
1	КОРСИКА	черносливная_косточка
1	КУПОЛА	маис
1	КУПОЛА	овощ
1	КУПОЛА	орех
1	КУПОЛА	фрукт

1	ЛОБ	одуванчик
1	МОЗГ	чернослив
1	НОС	клубень
1	НОС	перец
1	НОС	клубника
1	ОСОБНЯК	ромашка
1	ПАЛЬЦЫ	клубень
1	ПЕС	чертополох
1	ПЕСНЯ	одуванчик
1	ПОЗНАНИЕ	дерево
1	ПОЭЗИЯ	стебель
1	ПРОФИЛЬ	береста
1	РУКА	стебель
1	СЛОВО	цветок
1	СОСОК	изюминка
1	СТИХ	трава
1	ТЕЛЕГРАММА	лист
1	ХВОСТЫ_БОБРОВ	цветы
2	ХРАМ	кувшинка
1	ЧЕЛКА	мандарин
1	ЧЕЛОВЕК	зерно
2	ЧЕЛОВЕК	лист
2	ЧЕЛОВЕК	стебель
1	ЧЕЛОВЕК	сук
1	ЧЕЛОВЕК	былинка
1	ЧЕЛОВЕК	ветвь
1	ЧЕЛОВЕК	опенок
1	ЧЕЛОВЕК	ива
1	ЧЕЛОВЕК	сосна
1	ЧЕЛОВЕК	баобаб
1	ЧЕЛОВЕК	рябина
1	ЧЕЛОВЕК	семена
1	ЧЕЛОВЕК	яблоко
2	ЧЕЛОВЕК	апельсин
1	ЧЕЛОВЕК	роза
1	ЧЕЛОВЕК	водная лилия
1	ЧЕЛОВЕК	подснежник
1	ЧЕЛОВЕК	астра
1	ЧЕЛОВЕК	вьюнок
1	ЧЕРЕП	гриб
1	ШАЛЬ	кожура
1	ЩЕКИ	персиковая_косточка

Получив подобные таблицы для разных авторов, можно будет проводить сравнительный анализ их тропеических систем. Параметр «год написания» дает возможность создать широкий диапазон желаемых временных интервалов: век, полвека (первая половина, вторая половина) и т.д., прослеживая таким образом эволюцию заданных тропов и их классов на протяжении двух веков. Кроме того, предполагается создание ресурсов, дающих возможность поиска по узлам иерархического классификационного дерева, соответствующих семантических классам тропов. Можно будет получать ответы на запросы типа: «Какие атмосферные явления, по данным БД, образно уподобляются насекомым в XIX в.?» (ответ: снег), «А какие в XX в.?» (снег, дождь, ветер, облака), «Каким насекомым образно уподобляется снег в XIX в.?» (ответ: мухам, пчелам), «А каким в XX в.?» (ответ: мухам, мушкам, мошкаре, пчелам, шмелям, бабочкам, мотылькам, стрекозам, насекомым вообще). Таким образом, можно видеть расширение круга образов сравнения в процессе эволюции поэтического языка. Так, образы сравнения *мухи* и *пчелы* характеризуют снег на протяжении двух веков: *мухи*: <…> *по серому небу летают белые, снеговые мухи* (Лесков), *Белые мухи летали — Белые звездочки снега!* (Фофанов), *Серая пелена туч закрыла огненный косяк, и кругом закружились холодные, белые мухи* (Белый), *Вокруг фонаря над воротами — белые мухи* (Замятин), *Опять эти белые мухи* (Пастернак), *пчелы: Белые пчелы летали* (Фофанов), *Вот опять, точно белые пчелы, Налетают пушинки снегов* (Гофман), *Снежинок рой кружит сверкая, Одна — пчелой, шмелем — другая* (Кушнер). В XX в. появляются новые образные соответствия: *Слетит веселый рой на стекла Алмазных, блещущих стрекоз* (Белый), *Как летом роем мошкара Летит на пламя, Слетались хлопья со двора К оконной раме* (Пастернак).

ИПС станет гибким, наглядным инструментом изучения метафорической картины мира русской литературы, характеризуя компаративные тропы во многих аспектах. Сфера использования проекта может быть самой широкой. Размещение системы в интернете позволит обеспечить доступ к ней любому кругу заинтересованных пользователей: как специалистов — лингвистов, литературоведов, так и вузовских и школьных преподавателей, студентов, всех пользователей, интересующихся метафорами и сравнениями в художественной литературе. Технически функцио-

нальность информационной системы может быть ограничена только пропускной способностью каналов связи и мощностью сервера.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века. М., 2015.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы» / Отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. М., 2000; Вып. 2. «Звери, насекомые, рыбы, змеи» / Отв. редактор Л.Л. Шестакова. М., 2010; Вып. 3. «Растения» / Отв. редактор Л.Л. Шестакова. М., 2015; Вып. 4. «Камни, металлы» / Отв. редактор Л.Л. Шестакова. М., 2017; Вып. 5. «Ткани, изделия из тканей» / Отв. редактор Л.Л. Шестакова. М., 2017.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VII– / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И. (ред.), Кулева А.С. (ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2001–2017–.

М.М. Коробова
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

СЛОВО, КОТОРОГО НЕТ В СЛОВАРЕ

(МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СЛОВА «*ОБЩЕЧЕЛОВЕК*»)

В настоящей публикации предлагаются материалы для истории слова *общечеловек* в русском языке и отмечается роль авторской лексикографии в пополнении наших знаний об отдельном слове. В приложении представлена словарная статья для слова *общечеловек* из Словаря языка Достоевского (Идиоглоссария).

Ключевые слова: авторская лексикография, Достоевский, общечеловек, история русского литературного языка.

Когда мы хотим получить представление о бытовании того или иного слова в языке, собрать материал по его истории, то мы можем обратиться к нескольким типам источников: к текстам (в первую очередь письменным), в которых это слово употребляется; к научным филологическим исследованиям, где, возможно, это слово описывается (с лингвистической или литературоведческой точек зрения); к информации, доступной в современную эпоху в электронной форме (интернету, данным корпусной лингвистики, в частности [НКРЯ], и др.). Конечно, нельзя обойтись и без обращения к лексикографическим источникам, то есть к словарям, в которых мы обычно рассчитываем найти сведения о грамматике, семантике и других особенностях употребления избранного нами слова. Однако в последнем случае может оказаться, что заинтере-

совавшее нас слово отсутствует в имеющихся общеязыковых толковых словарях. И здесь нужно особо подчеркнуть значение данных авторской лексикографии, которые могут существенно помочь при воссоздании истории того или иного слова.

Примеры того, как данные авторской лексикографии могут послужить обогащению наших знаний по истории отдельного слова, мы постоянно находим в процессе нашей работы над Словарем языка Достоевского — Идиоглоссарием [СЯД][1]. Одним из ярких примеров такого рода является слово-идиоглосса[2] *общечеловек,* история употребления и формирование значения которого неразрывно связано с именем Достоевского, о чем свидетельствует обращение практически к каждому из названных типов источников.

Так, слово *общечеловек* упоминается (именно в связи с изучением творчества Достоевского) и в лингвистических, и в литературоведческих исследованиях. Лингвистическая интерпретация этого слова имплицитно представлена в диссертации Л.В. Беляевой «Окказионализмы Достоевского», где оно иллюстрирует одну из групп окказионализмов, созданных «по продуктивным типам при нарушении семантико-грамматических условий» [Беляева 1990: 10, 12], а также в монографии [Ружицкий 2015: 106–112], где это слово подвергается многопараметровому описанию в ряду идиоглосс *всечеловеческий / всечеловек / общечеловеческий / общечеловек*.

Не обошли вниманием слово *общечеловек* достоеведы, характеризуя его преимущественно с идеологический точки зрения. Этому слову посвящены лексические заметки Н.Ф. Будановой [1996], а также наблюдения В.Н. Захарова в связи с анализом художественной антропологии Достоевского, при сравнении понятий (категорий) *общечеловек* и *всечеловек* [Захаров 2013: 150–152]. Так

---

[1] О концепции Словаря языка Достоевского и Идиоглоссария как его части см. [Караулов, Гинзбург 2001].

[2] «Ключевое слово в широком смысле, называемое нами идиоглоссой (ср. ряд терминов — идиолект, идиостиль, идиома, идиосинкразия), — это также единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, *какой* мир воссоздает автор, но и то, *как* он это делает. <...> Идиоглоссы — это лексические маркеры индивидуальной манеры этого процесса созидания; идиоглосса — единица прагматического уровня в структуре языковой личности» [Караулов, Гинзбург 2001: XXXIV–XXXV].

же, как понятие, а не лексическая единица, слово *общечеловек* (*общечеловечность*) зафиксировано и охарактеризовано в литературоведческом словаре-справочнике, посвященном эстетике и поэтике Достоевского [Борисова 1997: 34].

Однако если возникнет необходимость узнать определение значения слова *общечеловек*, то в толковых словарях мы его не найдем. Возможно, связано это с тем, что *общечеловек* — сложное слово, произведенное способом сложения двух основ (при помощи соединительной гласной *-е-*): *общ-* и *человек/ч*, при этом часть *общ-* является достаточно продуктивной при образовании сложных слов и как таковая описывается в толковых словарях русского языка (например, [МАС, 3]), или, как замечает В.И. Даль, «слова этого образованья не могут быть все пересчитаны, но они понятны сами по себе» [Даль 1979]. Однако следует учитывать, что сказанное касается образования в первую очередь имен прилагательных, что в явном виде зафиксировано, например, в толковом словаре [Ожегов, Шведова 1992]: «Обще... *Первая часть сложных прилагательных*...». И с этой точки зрения слово *общечеловек* — окказионализм, созданный по продуктивной модели, но с нарушением семантико-грамматических условий [Беляева 1990], а любое нарушение нормы делает «понятность» слова нетривиальной.

Поэтому, когда возникла необходимость описания слова *общечеловек* в форме словарной статьи для Идиоглоссария Достоевского [СЯД 2017], нами в результате анализа всех контекстов его употребления автором было впервые дано определение значения этого слова в виде лексикографического толкования: «Общечеловек — человек, исповедующий абстрактные общеевропейские и мировые ценности в ущерб и/или в противоположность национальным; либерал; отвлеченный, лишенный индивидуальности человек» [Там же]. Собственно же в словарной статье, которая приведена в качестве приложения к данной публикации, представлено большинство случаев употребления Достоевским слова *общечеловек* во всех жанровых разновидностях (художественной прозе, публицистике и письмах), а помимо того в Примечания включены материалы из Записных тетрадей. Специальные параметры описания слова отражены в зонах Комментария к словарной статье:

а) способность к порождению афоризмов (зона АФРЗ);
б) участие в игровом контексте (зона ИГРВ);

в) участие в контекстах, содержащих производные или однокоренные слова (зона КОМБ2);
г) ассоциативный потенциал (зона АССЦ);
д-е) подчинительные и сочинительные связи (зоны СЧТ1 и СЧТ2);
ж) ироническое употребление (зона ИРОН);
з) использование в чужой речи (зона ЧЖР);
и) словообразовательное поле (зона СЛБР)[3].

И наконец, рассматривая материалы по бытованию слова *общечеловек*[4], необходимо сказать, что, хотя оно прочно связано с именем Достоевского и даже считается его окказионализмом, история употребления которого начинается с первой письменной фиксации в «Зимних заметках о летних впечатлениях» в 1863 г., это слово встречается также у других авторов, а хронологически, по данным НКРЯ, — в период с 1863 по 2012 гг., т.е. на протяжении XIX–XXI вв. Следует отметить, что, по предварительным наблюдениям, использование этого слова разными авторами и в разное время, вплоть до настоящего, практически полностью соответствует значению, сформулированному применительно к языку Достоевского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЩЕЧЕЛОВЕК <**17**:3,12,2, –>

Человек, исповедующий абстрактные общеевропейские и мировые ценности в ущерб и / или в противоположность национальным; либерал; отвлеченный, лишенный индивидуальности человек.

🕮 [Рассказчик] Зато как же мы [русские, желающие быть европейцами] теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании, как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность — это только известная система податей, душа — tabula rasa, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека,

[3] Подробную характеристику параметров (зон) описания слова, разработанных для словарной статьи Идиоглоссария Достоевского, см. [Ружицкий 2010: VIII–XVII].

[4] Подробное описание употреблений слова *общечеловек* у Достоевского см. [Коробова 2017].

общечеловека всемирного, гомункула — стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки. (ЗЗ 59) [Парадоксалист] Оставьте нас одних, без книжки, и мы тотчас запутаемся, потеряемся, — не будем знать, куда примкнуть, чего придержаться; что любить и что ненавидеть, что уважать и что презирать? Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми **общечеловеками**. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам всё более и более нравится. Во вкус входим. Скоро выдумаем рождаться как-нибудь от идеи. (ЗП 179) [П.С. Верховенский Н. Ставрогину, приглашая посетить заседание «у наших»] Горячий народ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинский — **общечеловек**, Липутин — фурьерист, при большой наклонности к полицейским делам; человек, я вам скажу, дорогой в одном отношении, но требующий во всех других строгости; и, наконец, тот, с длинными ушами, тот свою собственную систему прочитает. И, знаете, они обижены, что я к ним небрежно и водой их окачиваю, хе-хе! А сходить надо непременно. (Бс 177)

🗐 [Щедродаров] Англичанин, немец, француз, каждый особо тем и сильны, что стоят каждый на своей собственной почве и что прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлеченные **общечеловеки**. (*Пб 20*: 116) Сила вся души великая | В дело Божие ушла, — | великолепно говорите вы [Н.А. Некрасов]. Хочу, впрочем, верить, что вы вставили вашу насмешку невольно, страха ради либерального, ибо эта страшная, пугающая даже, сила смирения Власова, эта потребность самоспасения, эта страстная жажда страдания поразила и вас, **общечеловека** и русского gentilhomme'а, и величавый образ народный вырвал восторг и уважение и из вашей высоколиберальной души! (*ДП 21*: 32) Впрочем, русский народный характер мы не только считали ни во что, но и не признавали в народе никакого характера. Мы забыли и думать о нем и с полным деспотическим спокойствием были убеждены (не ставя и вопроса), что народ наш тотчас примет всё, что мы ему укажем, то есть в сущности прикажем. На этот счет у нас всегда ходило несколько смешнейших анекдотов о народе. Наши **общечеловеки** пребыли к своему народу вполне помещиками, и даже после крестьянской реформы. (*ДП 25*: 22)

✉ [Студентам Московского университета] <…> вы ничем не виноваты. Вы лишь дети этого же «общества», которое вы

теперь оставляете и которое есть «ложь со всех сторон». Но, отрываясь от него и оставляя его, наш студент уходит не к народу, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда **общечеловека**, и таким образом разрывает и с народом, презирая его и не узнавая его, как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался. (*Пс 30.1*: 22)

/// В составе имени собственного 🗐 **I. ПОХОРОНЫ «ОБЩЕЧЕЛОВЕКА»** (*ДП 25*: 88–90) ✉[М.А. Александрову] Многоуважаемый Михаил Александрович, Посылаю Вам немного тексту на «Главу третью». 1) «**Похороны “Общечеловека”**». (*Пс 29.2*: 148) [название подглавки третьей главы Дневника писателя за март 1877 г.]

Словоуказатель 🕮 **общечеловек** Бс 177[1] **общечеловека** ЗЗ 59[1] **общечеловеками** ЗП 179[1] 🗐 **общечеловек** *ДП 25*: 90[1] **общечеловека** *ДП 21*: 32, 33, 33 *ДП 25*: 88[4] **общечеловеками** *ДП 25*: 22, 23[2] **общечеловеки** *Пб 20*: 116 *ДП 25*: 20, 22, 100[4] **общечеловеком** *ДП 25*: 90[1] ✉ **общечеловека** *Пс 29.2*: 148 *Пс 30.1*: 22[2]

Комментарий

АФРЗ Δ<…> любить **общечеловека** — значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека. (*ДП 21*: 33)Δ

ИГРВ ΔА впрочем — не кривлялись вы и «на Волге» [обращение к Н.А. Некрасову по поводу его стихотворения], разве только немножко: вы и на Волге любили **общечеловека** в бурлаке и действительно страдали по нем, то есть не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общебурлаке. (*ДП 21*: 33) [О похоронах Гинденбурга, немецкого доктора, который помогал всем людям, независимо от их веры и национальности] Кстати, почему я назвал старичка доктора «**общечеловеком**»? Это был не **общечеловек**, а скорее общий человек. (*ДП 25*: 90)Δ

КОМБ2 Δ<…> любили **общечеловека** <…> страдали <…> по общебурлаке. (*ДП 21*: 33) <…> не **общечеловек**, а скорее общий человек. (*ДП 25*: 90) <…> уходит не к народу, а <…> в отвлеченное царство небывалого никогда **общечеловека** <…> как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался. (*Пс 30.1*: 22)Δ

АССЦ англичанин, вощичек, высоколиберальный, душа, за границу, европеизм, европейский, идея, книжка, либеральный, народ, национальность, немец, ненавидеть, мертворожденные, почва, презирать, рождаться, русский, француз, фурьерист, характер, цивилизаторский, цивилизация, человек.

СЧТ1 **общечеловек** всемирный ЗЗ 59 небывалый никогда *Пс 30.1*: 22; **общечеловеки** какие-то небывалые ЗП 179 отвлеченные *Пб 20*: 116; наши *ДП 25*: 22 наши теперешние *ДП 25*: 100; **общечеловека** вылепить ЗЗ 59 любить *ДП 21*: 33, 33 поразить *ДП 21*: 32; отвлеченное царство *Пс 30.1*: 22; **«общечеловеком»** назвать *ДП 25*: 90; **общечеловеками** норовить быть ЗП 179 стать *ДП 25*: 23 хотеть быть *ДП 25*: 22.

СЧТ2 Δвылепить настоящего человека, **общечеловека** всемирного, гомункула ЗЗ 59 **общечеловека** и русского gentilhomme'а *ДП 21*: 32 наши теперешние «**общечеловеки**» и самооплевники наши *ДП 25*: 100Δ *В противопоставлении* Δ<…> прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлеченные **общечеловеки**. (*Пс 30.1*: 116) Они [европейцы] именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartare), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а **общечеловеками**. (*ДП 25*: 22)Δ См. также *ДП 25*: 22 в зн.; *ДП 25*: 90 в **ИГРВ**.

ИРОН См. *ДП 21*: 33 в **ИГРВ**.

ЧЖР См. *ДП 21*: 33 в **ИГРВ** [Н.А. Некрасов. На Волге, 1860].

СЛБР [**ОБЩЕЧЕЛОВЕК**] *В единичном употреблении* [**общечеловечек**] 🕮 общечеловечка ЗЗ 61[1] .

Примечания. (1) Слово *общечеловек* не зафиксировано ни в одном толковом словаре русского языка. Будучи по происхождению окказионализмом, оно с большой вероятностью обязано своим появлением творчеству Достоевского и является ярким примером идиоглоссы. (2) Контексты употребления слова *общечеловек* свидетельствуют об отрицательных его коннотациях, *общечеловек* — это *гомункул* (‘человек искусственный’), *рожденный от идеи*, *отвлеченный*, *небывалый никогда*; на использование слова в негативном зн. косвенно указывают и такие его грамматические особенности, как образование формы мн. ч. с использованием устар. формы *человеки*, а также единичное образование с суффиксом субъективной оценки *обще-*

человечек: ΔНе думайте, что я стану доказывать, что душа человеческая не tabula rasa, не вощичек, из которого можно слепить **общечеловечка**; что прежде всего нужна натура, потом наука, потом жизнь самостоятельная, почвенная, нестесненная, и вера в свои собственные, национальные силы. (ЗЗ 61)Δ (3) Слово *общечеловек* встречается 5 р. в Записных тетрадях (ЗТ) Достоевского: ΔМы не за то ругаемся с ними, что они проповедуют **общечеловека** (способность России к синтезу), а за то, что они проповедуют **общечеловека** на чужих помочах. (ЗТ 1863–1864 гг.) Мы почвенники, во 1-х, потому, что верим, что ничего на свете не происходит отвлеченно (вне настоящей, исторической жизни) и скачками. <…> Если в самом деле правда, что народы магометанские и не могли быть не магометанами, то правда и то, что обращаться в христианство они не могли раньше срока всем народом, а только разве // отдельными личностями. (Теперь все обращаются.) Следственно, и мы, прежде чем не выживем всего своего и не станем **общечеловеком**, [и] во 2-х. Путь ваш к достижению общечеловеческого идеала нам кажется неправильным <…>. (ЗТ 1864–1865 гг.). О примирении **общечеловека** с почвой // (ЗТ 1864–1865 гг.) ***Общечеловек.*** Россия новое слово. В том-то ее и национальность. (ЗТ 1876–1877 гг.)Δ И есть еще один особый случай фиксации этого слова у Достоевского — в маргиналиях. Слово *общечеловек* выведено рукой Ф.М. на полях книги Нового Завета (той самой книги, подаренной Достоевскому в 1850 г. женами декабристов), и написано это слово рядом с 11-м стихом XVII главы Откровения св. Иоанна Богослова («Апокалипсиса»).

М. К.

ЛИТЕРАТУРА

Беляева Л.В. Окказионализмы Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1990.

Борисова В.В. Общечеловек // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск, 1997.

Буданова Н.Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 200-212.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1979.

Захаров В.Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 150-164.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2001. С. IX-LXIII.

Коробова М.М. Слово «общечеловек» у Достоевского // Языковая личность: аспекты изучения. Сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. М., 2017. С. 147-170.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018)

Ожегов С.И., *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Ружицкий И.В. Вместо предисловия. Разделы комментария // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г–З / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2010. С. VIII-XVII.

Ружицкий И.В. Язык Ф.М. Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015.

СЯД 2001–2003 — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1–3 / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2001–2003.

СЯД 2010 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г–З / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2010.

СЯД 2017 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н–По / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2017.

Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЕДЬМЫМ ТОМОМ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»

При работе над «Словарем языка русской поэзии XX века» с каждым подготовленным томом все большее внимание уделяется собственно лингвистическому аспекту. Зона значения заполняется при словах, непонятных или малопонятных современному носителю языка: устаревших, областных, специальных, иноязычных и т.п. Особого внимания требуют новые слова и слова, которые легко принять за авторское словотворчество, а также омонимы, производные слова и имена собственные. В статье анализируется материал 7-го тома (Радуга — Смоковница. М., 2017; более 5 тыс. статей).

Ключевые слова: авторская лексикография, конкорданс, словарная статья, лингвистическая поэтика, язык поэзии.

«Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] представляет собой конкорданс комментирующего типа [Шестакова 2011: 89–93]. Он описывает (по выбранным источникам) язык десяти видных поэтов Серебряного века — это Анненский, Ахматова, Блок, Есенин, Кузмин, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Хлебников, Цветаева — на всем протяжении их творческого пути, то есть с конца XIX в. до 1960-х гг. Такой охват позволяет рас-

смотреть язык эпохи на достаточно большом материале и на значительном отрезке времени. Принцип конкорданса в СЯРП сочетается с элементами толкового словаря: конкордансная основа словаря имеет лингвистическое сопровождение, т. е. лексеме при необходимости дается грамматическая, стилистическая характеристика, толкование, а отдельный контекст может сопровождаться комментариями разного содержания.

Лингвистическому аспекту уделяется все большее внимание с каждым подготовленным томом. Это можно проиллюстрировать на примерах из т. 7 СЯРП (том включает более 5 тыс. статей). В приведенных ниже примерах используются условные обозначения СЯРП — в первую очередь шифры, указывающие на автора и год создания произведения (*Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева).

В этом томе много больших статей к словам, концептуально важным как в поэтическом языке в целом, так и в языке выбранной эпохи: РАДУГА, РАЗЛУКА, РАЙ, РАССВЕТ, РЕБЕНОК, РЕВНОСТЬ, РЕКА / РЕЧКА / РУЧЕЙ, РЕСНИЦА, РЕЧЬ, РОЗА, РУКА; САД, САМ / САМЫЙ, СВЕЖИЙ, СВЕТ, СВОБОДА, СВОЙ, СЕБЯ, СЕМЬЯ, СЕНЬ (поэтизм, *устар.*), СЕРДЦЕ, СЛАВА, СЛАДКИЙ, СЛЕД, СЛЕЗА, СЛОВО, СЛУШАТЬ / СЛЫШАТЬ, СМЕРТЬ, СМЕХ.

В **структуре словарной статьи** СЯРП выделяются обязательные зоны: заголовочное слово, иллюстративные контексты, шифры — и факультативные зоны: зона значения, относящаяся непосредственно к описываемому слову, и зона комментариев к контекстам. Зона комментариев обычно содержит сведения лингвистического и / или энциклопедического, культурно-исторического характера, относящиеся к конкретному контексту (особое значение такая информация имеет для имен собственных). Эта зона может дополняться «послепометами», указывающими на функциональную нагрузку контекста, например: *Загл.*, *Эпгрф.* (контекст является заглавием произведения или эпиграфом к нему), *Цит.*, *Изм. цит.* (контекст представляет собой явную или скрытую, переосмысленную цитату), *РП*, *НАР* (лексема употребляется в речи персонажа или в несобственно-прямой речи) и др.

Хотя **зона значения** факультативна, материал 7-го тома ясно показывает усиление ее роли в описании слова, многообразие све-

дений, которые включаются в нее (поэтому само название «зона значения» во многом условно). Эта зона заполняется, прежде всего, при словах, непонятных или малопонятных современному носителю языка: устаревших, областных, специальных, иноязычных и т.п.

Так, помета *устар*. сопровождает в томе 195 лексем, причем может характеризовать как слово, называющее ушедшую реалию, так и маркирующий высокий стиль архаизм, и устаревший вариант; кроме того, отмечаются устаревшие значения слова или отдельные грамматические формы. Ср.:

РАЗМУЧЕН [*кр. ф. прич*. размученный (от *устар*. размучить (измучить, истомить))] Всё р. я тобою, Подколодная змея! Синечерною косою Мила друга оплетая, Ты моя и не моя! *АБ908 (III,173)*

РАЧИТЕЛЬ [*устар*.; тот, кто заботится о ком-л.] Теперь Вот гор воитель Ощупал мглу. Христа р. Сидит в углу. // «Я видел: с ним он Нам сеял мрак!» «Нет, я не Симон... Простой рыбак». *Аллюз. Ес917 (II,8.2)*

РУГА [*устар*.; церковная земля и угодья] Пушистый звон и р., И камень под крестом. Стегает злая вьюга Расщелканным кнутом. *Ес918 (II,35)*

САВРАС [*устар. разг*.; развязный, бесшабашный молодой человек] «Да нет, / вы врете — / Маяковский — поэт». — / «Ну, да, — / вмешалось двое саврасов, — / в конце / семнадцатого года / в Москве / чекой конфискован Некрасов / и весь / Маяковскому отдан. <…>». *РП Ирон. М925* (*165*)

СВЯЗЫВАТЬ [*книжн. устар*. связует АБ903, Хл911-12] Вот близятся, плывут... черты определились... Внезапно отошли — и их не различить. // Они — невдалеке. Одна и та же нить Связует *здесь* и *там*; лишь два пути открылись: Один — безбурно ждать и юность отравить, Другой — скорбеть о том, что пламенно молились... *АБ903 (I,527.2)*; …

СКА́ЛА [*устар*.; шкала] Есть ценностей незыблемая ска́ла Над скучными ошибками веков. Неправильно наложена опала На автора возвышенных стихов. *ОМ914 (96.1)*; Та, что без виде́ния спала — Вздрогнула и встала. В строгой постепенности псалма, Зрительною ска́лой — // Сонмы просыпающихся тел: Руки! — Руки! — Руки! Словно воинство под градом стрел, Спелое для муки. *Цв922 (II,147)*.

Во многом сближаются с устаревшей лексикой областные слова (в рассматриваемом томе — 57 слов с пометой *обл.*):

РОССТАНЬ [*обл.*; перекресток двух дорог] Брожу – не дом же плотничать, Расположась на росстани! Так, вопреки полотнищам Пространств, треклятым простыням // Разлук, с минутным баловнем Крадясь ночными тайнами, Тебя под всеми ржавыми Фонарными кронштейнами — // Краем плаща... [обращ. к К.Б. Родзевичу] *Цв923 (II,233)*

РЯСНЫЙ [*обл.*; возм., украшенный (*ср.*: *устар.* рясна — украшение в виде подвесок, поднизей из золота и драгоценных камней)] Трубит ангел в рожок тра-рай! / И вот, / словно вдребезги разбили / все цепочки, подвески, звезды / стеклянные, золотые, медные / на рясном кадиле, — / последний треск, — / треснула бездна, / лопнуло небо, / и ящер / отвалился, шатаясь, / и набок лег спокойно, / как мирно почивший пра́щур. *Куз917 (207.2).*

Пристального внимания требуют новые слова и слова, которые легко принять за таковые. При всей значимости и смысловой нагруженности индивидуально-авторского словотворчества, те слова, которые на первый взгляд кажутся неологизмами, но при ближайшем рассмотрении оказываются устаревшими или областными, вызывают особый интерес. При принятии решения, ставить ли в каждом отдельном случае помету *нов.* (которая выбрана в СЯРП для маркирования новообразований), составители обращаются не только к словарям, но и к основному и поэтическому корпусам [НКРЯ], а также к специальным исследованиям. Ср. примеры:

РЕНЬ [др.-рус. — отмель, низкий берег] Не знал ли ты, что некогда восстанем, Как некая вселенной тень, Когда гонимы быть устанем И обретем в времёнах р.? <…> С тобой надежды верных плыли, Тебя провожавших зовом «Боже», И как добычу тебя поделили были, Когда взошел ты на песчаной рени ложе. [об идоле Перуна, брошенном в Днепр] *Хл[913] (85.1)*

РАЗУ́МНЕТЬ [*нов.*; *ср.* у Даля: разумне́ть – поглупеть] И сей человек был — стол <...> Порой еще с слезкой смольной, Но вдруг — через ночь — старел, // Разумнел — так школьник дерзость Сдает под мужской нажим. Сажусь — еле доску держит, Побьюсь — точно век дружи́м! *Цв933 (II,311.2)*

САМОКАТ [*устар.*; назв. автомобиля, мотоцикла, велосипеда; здесь: автомобиль] Я пройтись остерегуся, Общим обликом покат. Слышу крик ночного гуся, Где проехал с.. *Хл913 (85.2)*; Гнев подымался в раскатах: Не спрячетесь! Не спрячетесь! Те, кому на самокатах Кататься дадено В стеклянных шатрах, Слушайте вой Человеческой говядины Убойного и голубого скота. *Хл921 (336)*; Через стекло самоката, В уши богатым седокам самоката, Недотрогам войны, Несется: «Где мои сыны?» Из горбатой мохнатой хаты. *ib*.

САМОКАТЧИНА [*нов.*; *собир.*; о военнослужащих самокатных (велосипедных) подразделений вооруженных сил] «Я, / товарищи, — / из военной бюры. <...> Пока / соглашатели / замазывали рты, / подходит / казатчина / и с.. / Приказано / питерцам / идти на фронты, / а сюда / направляют / с Гатчины. <…>» *РП М927 (534)*

СВЕТОПИСЬ [*нов.*; *ср.*: *устар.* получение изображений с помощью оптического аппарата на основе действия света на светочувствительные вещества; фотография] — Остановись, С. зорких стрел! В тайнописи любви Небо — какой пробел! *Цв922 (II,126)*

СВИРЕЛИТЬ [*ср.* у Вяч. Иванова: Едва видна Нечастых звезд мерцающая россыпь. Издалека *Свирелит жаба*. Чья-то в поле поступь — Легка, легка… («Ожидание», 1904–1908)] Лодка, привязанная слабо, Тихонько скрипит уключинами. Птицы улетели в гнезда. Одиноко свирелит жаба. Милыми глазами замученными Лиловеют звезды. *Куз920 (228).*

Более того, некоторые явные авторские неологизмы могут быть в той или иной степени сопоставлены как с узусом, так и со словоупотреблением других поэтов. Таким образом, можно проследить пути создания индивидуально-авторской лексики. Так, слово *сивень* у Хлебникова может быть сопоставлено с реально существующей лексемой *сивень* — одним из славянских названий сентября (наряду с такими как *рюен*, *зарев*, *вересень*, *жовтень*). О том, что областная лексема могла стать основой для авторского словотворчества, косвенно свидетельствует наличие в лексиконе Хлебникова других народных календарных названий, ср.:

РЕУН [*обл.*?; *вар. к* ревун — сентябрь (месяц гона у животных (*от* реветь))] Девы с воплем притворным Хоронят бога мух, Запекши с малиной в пирог. В месяц р. слушаешь сов, Урожая знахарок. *Хл921 (159)*

СВАДЕБНИК [*обл.*; октябрь] После зазимье, с. месяц, В медвежьем тулупе едет невеста, Свадьбы справляешь, Глухарями украсив Тройки дугу. *Хл921 (159)*

СИВЕНЬ [*нов.*] [Зангези:] Слушайте! Верхарня серых гор. Бегава вод в долину, И бьюга водопада об утесы Седыми бивнями волны. И сивни облаков, Нетоты туч Над хивнями травы. *РП Хл920-22 (487).*

Особый лексический пласт в языке поэзии Серебряного века представляют собой иноязычные слова: это не только заимствованная лексика (включая вышедшую из употребления и поэтому не совсем понятную современному читателю), но и варваризмы, в том числе окказиональные. См., например:

САУЛ [азерб. *sağ ol* — спасибо (букв. здоров будь!)] «Товарищ, иди, помогай!» — Иранец зовет, черный, чугунный, Подымая хворост с земли. Я ремень затянул И помог взвалить. «С.!» («Спасибо» по-русски.) Исчез в темноте. *Хл921 (144.1)*

СБИРР [*вар. к* сбир; итал. *sbirro* — низший служащий инквизиции; полицейский агент, сыщик] Тело, что все свои двери заперло — Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил. С точностью сбирра и оператора Всé мои раны — сон перерыл! *Цв924 (II,244)*

СВИЧАДО [польск. *zwierciadło* — зеркало] В старинном дереве с., Дар князя польского Сапеги, Невест-прабабушек отрада, Свидетель ласк усталой неги, Залогов быстроглазых ребятишек, — Кого ты не было услада, Кого не заключало в свои бреги! Пред ним стоит Марина Мнишек. *Хл[912-13] (237)*

СЕЛА [др.-евр. — слово, обозначающее паузу при исполнении псалма или молитвы, подчеркивающее такие чувства, как благодарение и превознесение Всевышнего, мольбу о его помощи и защите] Я покину край гипербореев, Чтобы зреньем напитать судьбы развязку, Я скажу «селá» начальнику евреев За его малиновую ласку. *ОМ931 (176), (394.2).*

Принципиальное включение в словник СЯРП имен собственных (оправданное — помимо других веских оснований — и наличием лексем разных частей речи, образованных от имен собственных, и рядом пограничных случаев, и тем, что в словообразовательном гнезде, включающем и собственные, и нарицательные лексемы, наиболее выпукло представлены особенности авторского словоупотребления) ставит перед составителями дополнительные задачи.

В СЯРП представлены разные классы имен собственных: топонимы (*Россия*, *Русь*), антропонимы (*Разин*, *Робеспьер*, *Рюрик*; *Распутин*, *Родзянко*, *Романовы*, *Савинков*), теонимы (*Петр*, *Павел*, *Саваоф*). Наряду с общеизвестными, есть и более редкие единицы, которые требуют особого внимания — имена и названия, актуальные для поэтов и их современников, связанные с наиболее важными событиями исторической эпохи или личной жизни автора. Так, для Хлебникова становится знаковым название иранского города *Решт* — столицы Гилянской (Персидской Советской) республики, которая существовала в 1920–21 гг., где Хлебников был в 1921 г. в качестве лектора РККА:

РЕШТ [гор. в Иране, столица Гилянской республики] Люди открытий, Люди отплытий, Режьте в Реште Нити событий. *Хл921 (142)*; Полночь. Р. Рыжие прыжками кошек И двойкой зеленой кладбищенских глаз скачут в садах, Дразнят собак. *Хл921,22 (353.2).*

Приведем примеры имен собственных разных классов из т. 7 СЯРП:

РИМАН [Николай Карлович (1864–1917[38?]) — полковник, командир батальона лейб-гвардии Семеновского полка; командовал расстрелом толпы во время Кровавого воскресенья и участвовал в жестоком подавлении Московского вооруженного восстания 1905 г.] Говорят о конце обороны. Обыватель устал. Неминуемо будет праветь. «Мин и Риман», — Гремят На заре Переметы перрона, И Семеновский полк Переводят на Брестскую ветвь. *П925-26 (I,301)*

САМСОНОВ [Александр Васильевич (1859–1914) — рус. генерал, армия к-рого потерпела поражение в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г.] Век мой безумный, когда образумлю Темп потемнелый былого бездонного? Глуби Мазурских озер не разуют В сон погруженных горнистов Самсонова. *П922 (I,219)*

СЕЛЕКТ [назв.; «С.» — ресторан в Петербурге 1910-х гг.] Звякая / шпорами / довоенной выковки, / аксельбантами / увешанные до пупов, / говорили — / адъютант / (в «Селекте» на Лиговке) / и штабс-капитан / Попов. *М927 (534)*

СИМОН [имя апостола Петра до его призвания Иисусом Христом; Симоне Ес917 (II,10); *см. тж* ПЁТР] «Я видел: с ним он Нам сеял мрак!» «Нет, я не Симон... Простой рыбак». *РП*

Ес917 (II,8.2); Симоне, Петр... Где ты? Приди. Вздрогнули ветлы: «Там, впереди!» // Симоне, Петр... Где ты? Зову! Шепчется кто-то: «Кричи в синеву!» [здесь: *зват.*; *устар.*] *Ес917 (II,10)*

СКОРБЯЩАЯ [*субст.*; о часовне «Божьей матери всех скорбящих радости» при Императорском стеклянном заводе на Шлиссельбургском тракте (ныне «Императорский фарфоровый завод»); до часовни от Московского вокзала ходил паровоз] За заставой воет шарманка. Водят мишку, пляшет цыганка На заплеванной мостовой. Паровик идет до Скорбящей. И гудочек его щемящий Откликается над Невой. *Ахм961 (250).*

Наличие в СЯРП имен собственных подчеркивает важную для лексикографии проблему разграничения омонимов, поскольку наряду с общеязыковыми омонимами и ситуативными омонимами, актуализованными в поэтическом языке, появляются и омонимы — имена собственные или собственное / нарицательное, ср.:

СВЕТЛАНА [героиня одноим. баллады В. А. Жуковского] Лежат холодные туманы, Горят багровые костры. Душа морозная Светланы В мечтах таинственной игры. *АБ901 (I,154)*; Лежат холодные туманы, Бледнея, кра́дется луна. Душа задумчивой Светланы Мечтой чудесной смущена... *ib*.

СВЕТЛАНА [«Светлана» — завод по выпуску ламп накаливания в Ленинграде] И вот года строительного плана, И вновь зима, и вот четвертый год. Две женщины, как отблеск ламп Светлана, Горят и светят средь его тягот. *П931 (I,413)*

СЕРЁЖКА [серьга; соцветие в виде мелких цветков у древесных растений] Мама сережки сняла, — почему? И отстегнула браслеты, Спрятала в шкафчик конфеты, Точно в тюрьму. // Красную мебель, отраду детей, Мама в чехлы одевает... Это всегда так бывает После гостей! *Цв911 (I,154.1)*; Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые косы. Шелестят зеленые сережки, И горят серебряные росы. *Ес914 (I,99)*; …

СЕРЁЖКА [*разг.*; *собств.*] Эх, боюсь — уложат влежку Ваши струны да ухабы! Бог с тобой, ямщик С.! Мы с Россией – тоже бабы! [обращ. к С.Б. Алексееву] *Цв920 (I,506.3).*

Также в отдельные словарные статьи принципиально выносятся отдельные грамматические формы (причастия и деепричастия,

краткие адъективные формы и формы степеней сравнения), разного рода варианты (*развести* / *развесть*, *санатория* / *санаторий*, *сантиментальный* / *сентиментальный*), а в ряде случаев — разные значения многозначного слова: если они в поэтическом языке расходятся так далеко, что могут рассматриваться как ситуативные омонимы, или если значения несимметричны, т.е. примеры на более редкое и неочевидное для современного читателя значение могут затеряться среди многочисленных примеров на основные значения этого слова. Такой подход позволяет максимально подчеркнуть своеобразие поэтического словоупотребления, предоставить читателю собранную составителями информацию. Ср. примеры:

РАСТАРАЩЕННЫЙ [*обл.*; *прич. от* растаращить (раздвинуть в стороны, растопырить что-л.)] Был чист каток, и шест был шаток, У растаращенных рогаток, Был юн матрос, а ветер — юрок... *П919 (I,259)*

РАСТАРАЩИТЬСЯ [*обл.*; широко раскрыть глаза] В землю пальчиком гусляр: «Вечный дом! — Ты в супружестве живешь во втором». Разом хмель пропал от этого сказу, Растаращился, что сом пучеглазый, Вздоху нету, — гляди лопнет шаро́м. *Цв920 (III,238)*

САЛИТЬ [пропитывать, намазывать, пачкать салом, каким-л. жирным веществом] — Мастера́ — усы-то с.! — Ты им: ой! они: бей! — У нас Библию: на палец, Дескать — сала на ней! *РП Цв925 (III,66)*; За — стывший пот — воск. // Им, им — ваших спален (Вощи́м, но не са́лим!) Им, им так белы́ Полы — до поры! *Цв926 (III,129)*

САЛИТЬ [в разных играх — ударять рукою] Огромный сад тормошится в зале, Подносит к трюмо кулак, Бежит на качели, ловит, салит, Трясет — и не бьет стекла! *П917 (I,114).*

В тех случаях, когда выделение значения в отдельную словарную статью нецелесообразно, но отметить его важно, или если составители считают нужным отметить для читателя употребление лексемы в устойчивом сочетании или в нестандартной форме, эта информация приводится в зоне значения. Ср.:

РОЖОК [*мн.* ро́жки (от РОГ — нарост на черепе животных; острая конечная часть полумесяца) и рожки́ (светильники газового освещения)] Давно с календаря не обрывались дни, Но тикают еще часы его с комода, А из угла глядит, свидетель агони́й С рожком для синих губ подушка кислорода.

Анн900-е (56.1); … Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге Холмы плешивые и слегшийся песок, И пляшет сумрак в галочьей тревоге, Согнув луну в пастушеский р.. *Ес916 (I,224)*; … Синее оперенья селезня Сверкал за Камою рассвет. // И утро шло кровавой банею, Как нефть разлившейся зари, Гасить рожки в кают-компании И городские фонари. *П916 (I,101)*; … Месяц (всегда этот месяц!) повис Рожками вниз, Как таинственный мага брелок... *Куз920 (228)*; … Как копытца, топочут сапожки, Как бубенчик, звенят сережки, В бледных локонах злые рожки, Окаянной пляской пьяна, – Словно с вазы чернофигурной, Прибежала к волне лазурной Так парадно обнажена. *Ахм940-60 (282)*

РОЗЫСК [*тж* дознание] Вы спросите, кто я? На р. Кайяфы Отвечу: путь мой был тернист. *П916,28 (I,94)*; … Всегда загадочны утраты. В бесплодных розысках в ответ Я мучаюсь без результата: У смерти очертаний нет. [посв. памяти М.И. Цветаевой] *П943 (II,48.1)*

СКОБКА [*тж* скобкой (в знач. *нареч.*); *тж* в сочет.: в скобку (о прическе), вынести за скобки] Я хочу вынести за скобки общего множителя, соединяющего меня, Солнце, небо, жемчужную пыль. *Хл[909] (61.1)*; Как странно: снег кругом лежит, А ведь живем мы в центре города, В поддевке молодец бежит, Затылки в скобку, всюду бороды. *Куз912 (110)*; И итогом этих (в скобках — Несодеянных!) грехов – Будет легонькая стопка Восхитительных стихов. *Цв918 (I,451.2)*; … Все задаром! Даром волос вьется скобкой, Даром в поле зеленя. «Точно спичка о коробку, Не зажжешься о меня». *Хл922 (178)*; … И я — в размолвке с миром, с волей — Заразе саночек мирволю — В сребристых скобках, в бахромах, — И век бы падал векши легче, И легче векши к мягкой речке — Полнеба в валенках, в ногах... *ОМ937 (234.2)*

СМЕРТЕЛЬНЫЙ [смертельныя АБ901; *тж разг.* крайний, предельный в своем проявлении; *тж* в сочет.: с. грех (то же, что смертный грех)] О, как паду — и горестно, и низко, Не одолев смертельныя мечты! Как ясен горизонт! И лучезарность близко. Но страшно мне: изменишь облик Ты. [здесь: *род. ед.*; *устар.*] *АБ901 (I,94)*; …

Таким образом, словарь поэтического языка не сводится, как иногда приходится слышать, к изданию механически подобранных поэтических контекстов, а представляет собой, по сути, глубокое лингвистическое исследование, результаты которого не только

важны для изучения поэтического языка, но и могут быть востребованы толковой лексикографией.

ЛИТЕРАТУРА

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018).

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VII– / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И. (ред.), Кулева А.С. (ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2001–2017–.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

А.В. ГИК

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА: ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКА НАЧАЛА XX ВЕКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

В статье описываются и сравниваются слова *дружба* и *любовь* по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века» и Национального корпуса русского языка. Результаты анализа основного и поэтического корпусов НКРЯ свидетельствуют о постепенном снижении частоты лексемы *любовь* и увеличении употребления лексемы *дружба* в исследуемый период. Данные СЯРП, напротив, показывают устойчивый интерес авторов, произведения которых стали материалом словаря, к экспрессеме *любовь*, что характеризует поэтический мир как традиционный и устойчивый в своих базовых единицах.

Ключевые слова: авторская лексикография, словарь поэтического языка, лексема, словарная статья, поэтика.

Любовь и дружба — наименования определяющих человека чувств. На рубеже XIX–XX вв., в период слома эпох, социальных, политических и этических революций, эти понятия так или иначе становились предметом политических спекуляций и поэтических размышлений.

«Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] предоставляет исследователю уникальную возможность найти примеры язы-

ковой интерпретации важных явлений и понятий, в данном случае, чувств.

Призма рассмотрения понятий выбрана поэтическая. Поэтическое мышление можно трактовать как способ проживания и освоения мира. Оно интерпретирует мир в индивидуально-авторских вариантах, уходящих своими корнями в народно-мифологическое мышление, а иногда берет на вооружение современнейшие научные, философские и технические достижения. По своей сути поэтическое мышление инертно — в том смысле, что формы мышления несут «груз» культурных традиций, гарантирующих преемственность литературных форм и семантических структур. Это ясно видно при обращении к лексемам *любовь* и *дружба*. Опираясь на эти общие положения, мы выдвигаем рабочую гипотезу: использование поэтических слов, относящихся к «высоким» чувствам и отношениям, должно сохранять стабильность в поэтических произведениях разных авторов, различных направлений и временных периодов; такие слова вступают в однотипные отношения с другими, имеют идентичную сочетаемость, клишированные конструкции (могут вступать в семантические отношения с определенным классом слов: с наименованиями других чувств, отношений, оценок).

В толковых словарях выделяются такие значения слова *любовь*, которые напрямую не соотносятся с межличностными отношениями, влюбленностью. На первом месте оказывается совокупное значение: «любовь к Родине, любовь к людям, братская любовь, материнская любовь»; на втором — значение: «чувство, основанное на половом влечении» [СУ]. И в МАСе выделяется несколько значений слова *любовь*. Первое значение также: «материнская любовь, любовь к другу». Второе значение: «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола». В поэтическом тексте на первое место выходят случаи употребления слова во втором значении.

Конечно, эти толкования не передают все нюансы значения слова [ср. Апресян 2000а, 2000б; Зализняк 2014].

Для того чтобы проследить за «реальным» употреблением слов примерно во временных границах «Словаря языка русской поэзии XX века», мы обратились к материалам НКРЯ, основному и поэтическому корпусам (1890–1960 гг.), поисковый запрос: любов*; дружб* (дата обращения к НКРЯ 07.12.2017).

Приведем результаты поиска «любов*» в основном корпусе (объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов; найдено 13 347 документов, 82 134 вхождения).

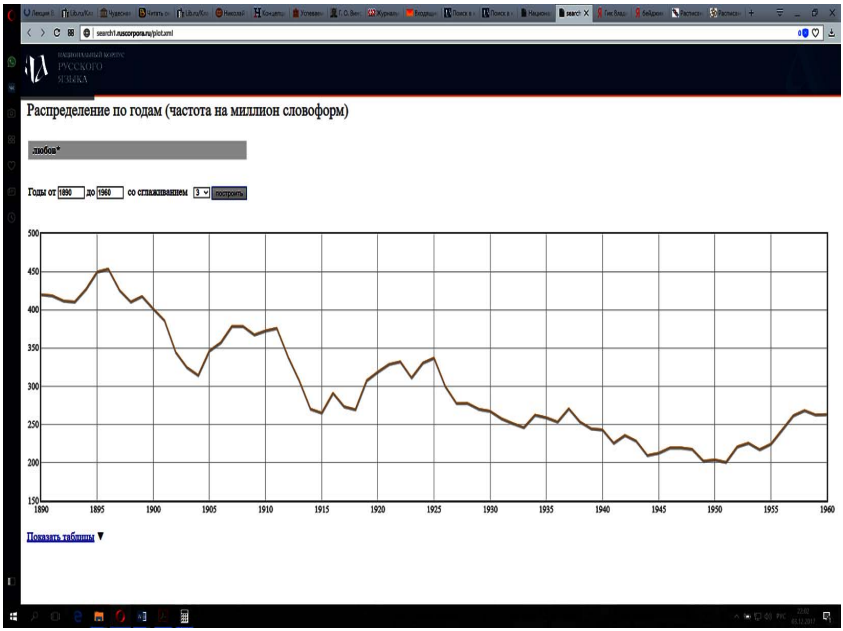

Рис. 1.
Распределение по годам
(частота на миллион словоформ) ЛЮБОВ* в основном корпусе.

Проследим изменение частоты употребления слов с интересующим нас корнем по десятилетиям:

1890–1900: 400 – 450 употреблений, пик — 1896 г.
1900–1910: 400 – 320
1911–1920: 370 – 270
1921–1930: 310 – 340
1931–1940: 260 – 245
1941–1950: 240 – 200
1951–1960: 200 – 230

Приведем результаты поиска в поэтическом корпусе (объем всего корпуса 78 868 документов, 1045 898 предложений, 10 967 173 слова; найдено 8 671 документ, 12 824 вхождения).

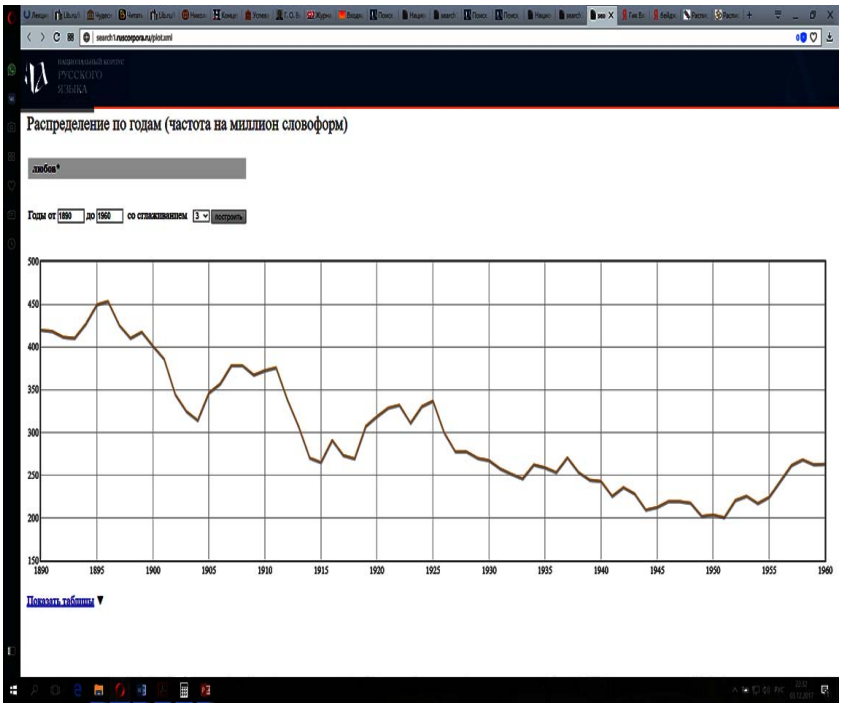

Рис. 2.
Распределение по годам
(частота на миллион словоформ) ЛЮБОВ* в поэтическом корпусе.

1890–1900: 1780 – 1300
1901–1910: 1200 – 1500
1911–1920: 1500 – 1300
1921–1930: 1300 – 900
1931–1940: 900 – 1100
1941–1950: 800 – 800
1951–1960: 800 – 650

Как видно из графиков, слово *любовь* (с производными) перестает снижает свою активность в поэтическом языке примерно с 20-х гг. XX в.

Обратимся к слову *дружба*. Приведем результаты поиска в основном корпусе (объем всего корпуса 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов; найдено 5 776 документов, 17 847 вхождений).

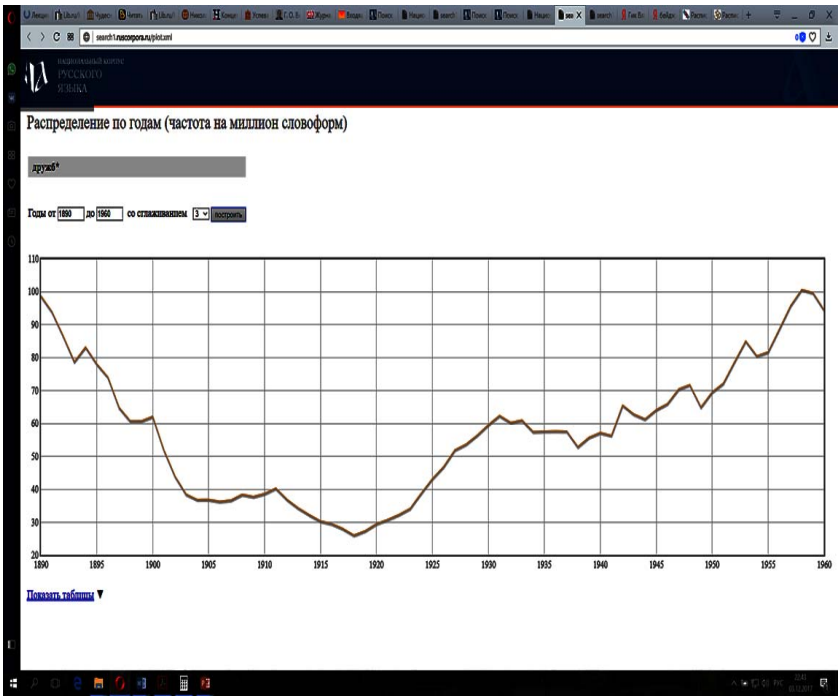

Рис. 3.
Распределение по годам в основном корпусе
(частота на миллион словоформ) ДРУЖБ*.

1890–1900: 100 – 60
1901–1910: 60 – 38
1911–1920: 38 – 25
1921–1930: 25 – 60
1931–1940: 60 – 58
1941–1950: 58 – 70
1951–1960: 70 – 98

Вот результаты поиска в поэтическом корпусе (объем всего корпуса 78 868 документов, 1 045 898 предложений, 10 967 173 слова; найдено 1183 документа, 1528 вхождений).

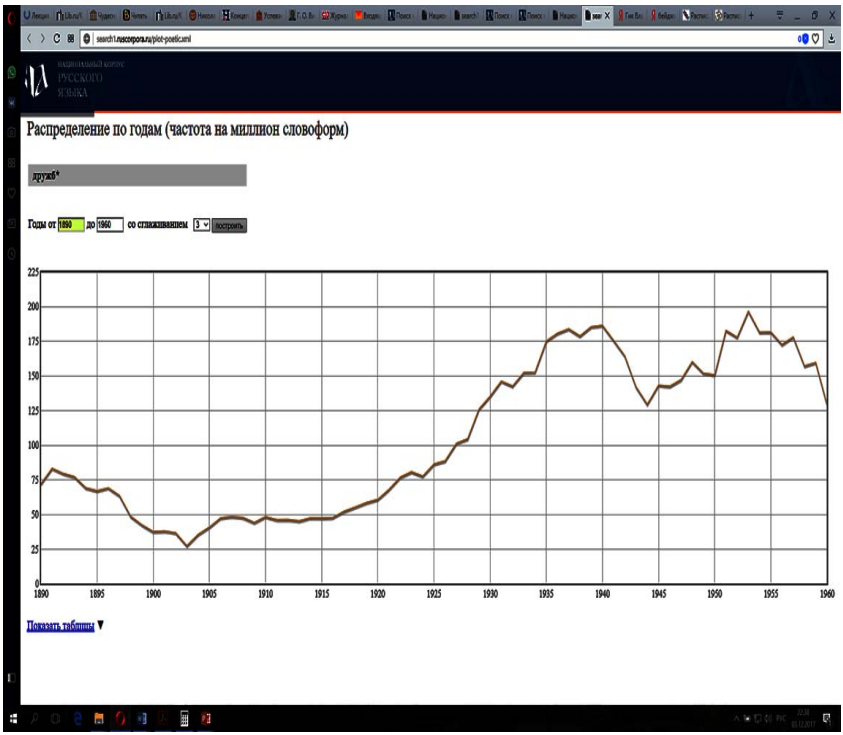

Рис. 4.
Распределение по годам в поэтическом корпусе
(частота на миллион словоформ) ДРУЖБ*

1890–1900: 75 – 27
1901–1910: 27 – 40
1911–1920: 40 – 60
1921–1930: 42 – 128
1931–1940: 128 – 180
1941–1950: 240 – 200
1951–1960: 150 – 200

Материалы НКРЯ позволяют сделать вывод, что слово *дружба* и его производные, напротив, начиная с 20-х гг. XX в. активно включаются в различные виды текстов. Прозаические и поэтические произведения в данном случае ведут себя сходным образом.

Данные НКРЯ подкрепляются и уточняются материалами СЯРП. Напомним, что в СЯРП описывается язык десяти выдаю-

щихся поэтов Серебряного века: И. Анненского (в Словаре и здесь далее — *Анн*), А. Ахматовой (*Ахм*), А. Блока (*АБ*), С. Есенина (*Ес*), М. Кузмина (*Куз*), О. Мандельштама (*ОМ*), В. Маяковского (*М*), Б. Пастернака (*П*), В. Хлебникова (*Хл*), М. Цветаевой (*Цв*).

Словарная статья ЛЮБОВЬ включает в себя около 720 контекстов. Словарная статья ДРУЖБА включает 62 контекста. Экспрессема (термин В.П. Григорьева) ЛЮБОВЬ более чем в 10 раз чаще встречается в поэтических контекстах. Она становится предметом описания, сравнения, входит в конструкции с обращением.

Важными показателями активного использования слова являются сильные позиции в стихотворном тексте — позиция заглавия, позиция рифмы.

В заглавиях фиксируется 12 случаев употребления лексемы *любовь*. Встречаются автономные употребления слова и словосочетания разных типов: ДВЕ ЛЮБВИ *Загл.* (*Анн900)*; ЛЮБОВЬ К ПРОШЛОМУ *Загл.* (*Анн900-е)*; В МОРЕ ЛЮБВИ *Загл.* (*Анн900-е)*; ДВЕ ЛЮБВИ *Загл.* (*АБ900)*; ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА *Загл.* [стих. цикла] (*Куз906)*; ЛЮБВИ УТЕХИ *Загл.* (*Куз906)*; ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ *Загл.* (*АБ907)*; ЛЮБОВЬ *Загл.* [стих. цикла] (*Куз908)*; ЛЮБОВЬ *Загл. (Ахм911)*; КРОМЕ ЛЮБВИ *Загл. (Цв910)*; МАЯК ЛЮБВИ *Загл.* [стих. цикла] (*Куз912)*; ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ *Загл.* (*М915).*

Два раза встречается лексема в позиции подзаголовка: (Из книги Стихи о любви) *Подзаг. (Ес918)*; Любовь *Подзаг. (М923)*.

Среди сильных позиций в тексте выделим позицию рифмы: *Любовь — кровь* (*любви — крови* и др.) (*АБ, Куз, Цв*); *Вновь — любовь (АБ)*; *Любви — твои (Ахм)*; *Любви — в пыли* (*Хл*); *С любовью — совье* (*Цв*); *Любовью — к изголовью* (*ОМ*); *вновь — любовь* (*ОМ*); *Любовь — любовь* (*Куз*); *Свекровь — любовь* (*П*); *В груди — любви* (*Цв*); *Любовь — бровь* (*П, Куз, Цв*).

В перечислительных конструкциях, в позиции однородных членов (в том числе с повторяющимися сочинительными союзами), где встречается слово *любовь*, оно сополагается со словами различной семантики: *Любовь и Страсть*; *Любовь и Счастие*; *Любовь и Нега сладкая*; *Жизни силы, любовь*, *Надежда и мечта*; *Счастье, надежда, любовь* (*АБ*); *И радость нежная, и наслажденье*; *любовь и вера, и надежда* (*Анн*); *Любовь и Мука* (*Анн*).

В конструкциях с существительными слово часто выступает в зависимой позиции; ср.: *Аромат любви*; *Любви весна*; *Создание*

любви; *Жар любви*; *Сновиденья любви!*; *порывы любви*; *жертвенник любви*; *страна любви*; *безумие любви* (*АБ*); *утро любви не забудь!; Безнадежное пламя любви (Анн)*; *Околдован огнями любви (П); песня любви нашей чистой была*; *взоры любви*; *жар любви (Ахм); плоды любви*; *венки любви*; *клеймом любви*; *секрета любви*; *любви пленительный язык*; *азбука любви (Куз)*; *дело любви (ОМ)*.

Разнообразны эпитеты любви: *первая любовь*; *страждущая любовь*; *Любовь моя родная*; *Заколдованной темной любви*; *Слова о какой то любви...*; *Ты, вечная любовь!*; *О любви неверной и зыбкой*; *Тайнодейственной любви*; *о вечерней любви*; *ласковой любви*; *пламя Безначальной, живой любви*; *любови скромной*; *женской, вечной любовью*; *безысходную любовь*; *близкой любви*; *о вечерней любви*; *преданной любви (АБ)*; *любовь, как дым улетевшую*; *Я умираю от любви безмерной!*; *недолго той любови нежной Мы собирали сладкие плоды*; *любовь слепая (Куз)*; *Дело великой любви! (ОМ); первая и несознанная любовь*; *бессмертная любовь (Ахм)*.

Для любви поэты подбирают образные параллели. ЛЮБОВЬ — ТЕНЬ: *Моя любовь — немеющая тень* (*АБ901*); *Любовь, стихи, тоска; Всё приняла в свое русло Спокойная река.* (*АБ907)*; ЛЮБОВЬ — ПЛОД, который зреет: *Созреет новая любовь.* (*АБ907)*; ЛЮБОВЬ — ВОЖАТЫЙ: *Любовь водила Вашею рукою* (*Куз907)*; ЛЮБОВЬ — КОРАБЛЬ: *Здесь пристань, где любовь бросает якоря (Куз907)*; ЛЮБОВЬ — ПЛАМЯ: *Не сгорает в пламени любовь.* (*Куз908)*; ВСЕ В ЛЮБВИ: *О любовь! Спасает мир — она! В ней одной спасенье и защита. Всё в любви. <…> Всё в любви... Любила — спасена!* (*Цв908)*; ЛЮБОВЬ — КРИСТАЛЛ: *Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...* (*Анн909)*; ЛЮБОВЬ — СНЕГ: *что любовь пройдет, как снег.* (*АБ908)*; ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ: *И сказал Христос, отец любви*: (*Цв908)*.

У Маяковского идея «любви» как интимного чувства соединяется с идеей революции: *Пролетарии / приходят к коммунизму / низом — / низом шахт, / серпов / и вил, — / я ж / с небес поэзии / бросаюсь в коммунизм, / потому что / нет мне / без него любви.* (*М925)*.

Пастернак говорит о любви к родному краю: *Я тридцать лет вынашивал Любовь к родному краю И снисхожденья вашего Не жду и не теряю. РП* [речь персонажа] *(П926-27)*.

Лексема *дружба* встречается гораздо реже и слабее освоена поэтическим практиками авторов, ставших предметом описания в

СЯРП. Всего один раз слово появляется в заголовке произведения у Велимира Хлебникова в 1913 г.: «Сельская дружба». Но есть интересные морфологические особенности. Например, Цветаева использует форму множественного числа: *Божественное задыханье Дружб отроческих — вот!* (*Цв921)*.

Слово *дружба* также встраивается в ряды однородных членов: Ты сказал: *«Любовь и Дружба — сестры»* (*Цв918)*; *Вернее дружбы связь, поверьте мне: Она не держит в сладком сне, Но на огне Вас не томит желанием напрасным.* (*Куз907)*; *Чем окончился этот случай, Не узнать ни любви, ни дружбе*. (*Цв923)*.

Перечислим основные определения лексемы: дружба *большевитая (Хл)*; *веселая (Куз); дареная*, *последняя*, *отроческая*, *двуострая*, *спартанская*; *гордая* и *голая (Цв); беспечная* и *пленительная*; *тайная (Ахм)*; *верная (Ес)*.

Один раз интересующее нас слово воспроизведено во фразеологическом обороте у Цветаевой: *Не в службу, а в дружбу*.

Таким образом, в словарных статьях к выбранным словам, действительно, находим общие способы введения экспрессемы в текст: однородные члены, обращения, сравнительные обороты. Слово *дружба* имеет «своего» автора — Цветаеву; именно у нее встречается большинство контекстов с этим словом. *Любовь* остается лексемой для всех. Слова — обозначения чувств имеют устойчивые образные параллели (например, *любовь — огонь*).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Любить 2, Обожать; Любоваться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000а. Вып. 2. С. 180-187.

Апресян Ю.Д. Многозначность и синонимия слова *любить* // Etnolingwistyka. Lublin, 2000б. T. 12. S. 77-95.

Зализняк Анна А. Любовь и *сочувствие*: содержание концептов в русском языке и в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» // *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 374-391.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018).

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. II: Г – Ж / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2003; Т. IV: Кругл – М / Сост.: Григорьев В.П., Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И. (ред.), Гик А.В., Кулева А.С. (ред.), Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2010.

О.И. СЕВЕРСКАЯ

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва

ПАРОНИМИЧЕСКИЕ «ФОРМУЛЫ» В СЛОВАРЯХ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ИДИОЛЕКТАХ ПОЭТОВ XX–XXI ВВ.

В статье рассматриваются устойчивые, «формульные» сочетания паронимов как в системе поэтического языка в целом, так и в идиолектах, использующих паронимическую аттракцию как средство структуризации поэтического мира. Особое внимание обращается на полевую структуру паронимии. На примере устойчивых парадигм *дом — дым — дума* / *думать* и *гора — город — дорога* показывается, как осуществляется движение от индивидуального к универсальному и обратно. В центре внимания автора оказывается вопрос о том, как подавать в сводных словарях информацию о таких парадигмах с учетом индивидуально-авторских новаций.

Ключевые слова: паронимия, паронимическая аттракция, поэтический язык, идиолект, авторская лексикография.

Паронимические отношения вот уже целый век находятся в центре внимания и теоретиков — исследователей, и практиков — поэтов, которые используют паронимы как языковой строительный материал своего «поэтического мира».

На то, что паронимические отношения составляют неотъемлемую часть структуры языка, а каждое слово лексикона является центром серии паронимических соответствий, указывал еще

П. Валесио [Valesio 1974: 1008]. Паронимия может быть определена как лексико-семантическая категория, базирующаяся на семантических отношениях внутренне не обязательно связанных, но воспринимаемых как сходные, значений, имплицируемых и выражающихся формально сходными знаками. Паронимами (особым классом слов) можно считать близкозвучные слова, имеющие общие структурные элементы, которые выделяются в результате предельного / непредельного разложения слова, вследствие чего становится возможным их соотнесение как по выражению, так и по содержанию. Паронимическая аттракция (ПА) предполагает взаимодействие паронимов в языковой системе и в контекстах и представляет собой функционально-динамический процесс, приводящий к образованию дискретных лексико-семантических парадигматических структур, потенциально воплощаемых в синтагматике текстов.

Объективность паронимии доказывается и поэтической практикой, а точнее — закономерностью паронимических «формульных» корреляций определенных лексем, сближаемых разными способами, в различных текстах самых разных авторов. Такие корреляции представляют собой лексико-семантические парадигмы, члены которых, будучи близки по контекстуальным значениям, могут при определенных условиях заменять друг друга [Павлович 1986: 85]. Одновременно, демонстрируя «объективно-языковое», такие парадигмы, реализуясь в текстах одного автора, становятся минимальной единицей проявления индиви-дуального стиля, отражая фрагменты структуры поэтического мира художника.

Существующие словари паронимов [Вишнякова 1984; Колесников 1995; Красных 2010], к сожалению, не адекватны поэтической «формульной» паронимии, которая гораздо шире, чем обыденная речь и проза, использует возможности языковой системы и в силу этого менее шаблонна. Собственно поэтическая паронимия представлена лишь в одном издании [Григорьев и др. 1992]. Поэтому задача лексикографического представления устойчивых паронимических связей как в поэтическом языке в целом, так и в авторских словарях по-прежнему актуальна. Вопрос в том, как подавать в сводных словарях информацию о них с учетом индивидуально-авторских новаций.

Рассмотрим одну из представленных в русской поэзии XX–

XXI вв. паронимических парадигм[1], формирующихся вокруг лексемы *дом*.

Самая очевидная, мотивированная денотативными связями и основанная на метонимии, ассоциация *дом — дым* представлена наиболее широко: ***Дым*** *из-за* ***дома*** *догонит нас длинными дланями…* (Маяковский); ***Дома*** *ушли в себя. Лишь* ***дым*** *из красных труб Свободно катится, пропитываясь небом* (Матвеева); *Видение цезарианского Рима — Горбатый орел, и ни* ***дома****, ни* ***дыма*** (Тарковский); *Девочка рисует* ***дом****, А над* ***домом*** *идет* ***дым*** (Клячкин) и др. При этом *дому* может сопоставляться не *дым* из печных труб, а то, что называется *дымкой*: *…****дым огней*** *бессилен Распрямить* ***дома****, полегшие вповал* (Пастернак); *В распахнутую дверь, В добротный запах* ***дома****, В* ***дымок младенческого сна****…* (Багрицкий). Но любой *дым* все равно воспринимается изначально связанным именно с *домом*: *Голый крест на обрыве торчит. За него зацепился случайно / без****дом****ный геологов* ***дым*** (Шкляревский).

Другая, не менее устойчивая паронимическая корреляция *дом — дума* представлена, прежде всего, в форме разнообразных *дум о доме*: *И, закрыв глаза, на вахте Люди* ***думают о доме****, О зеленом абажуре, Чашке чая и жене* (Вс. Рождественский); *Ждут приема.* ***Думают о доме****… Кто-то сигарету закурил, Струйка дыма в лестничном проеме…* (Межиров); *дом* присутствует в *думах* как мысль: *возвращаясь с работы, <…> у всех* ***дума*** *до* ***дому*** *поспеть* (Радимов); *О прошлом вдруг нахлынут* ***думы****: Разлука с* ***домом****, пыльный шлях И слезы матери, угрюмо Так и застывшие в глазах* (Симонов), или эмоция: *Я* ***грущу****, товарищи,* ***по дому****,* ***Дума*** *мучает меня одна...* (Светлов). *Думы* могут начинаться и за порогом *дома*: *Когда утром выхожу из* ***дома****, / я* ***думаю****, глядя на солнце: / «Как оно на тебя похоже, / когда ты купаешься в речке / или смотришь на дальние огороды!»* (Кузмин), и в нем: *Сколько раз я об этой встрече Тщетно* ***думал*** *в чужих* ***домах****…* (Войцеховский). *Думы* буквально «живут» в *доме*: *Я деревом, которое боролось, вступаю в* ***дом*** *моих растущих* ***дум*** (Петров). Иногда эти две звукосмысловые линии пересекаются в одном контексте: *Из* ***дома****, как из черепной*

[1] Часто встречающиеся парадигмы были представлены в опыте словарика «Устойчивые паронимические соответствия в поэзии XX в.» [Северская 1987: 183–188]. Именно он, дополненный материалами [НКРЯ], используется в данной статье.

коробки, где много ***дум****, и* ***дыма****, и забот, мы вышли в сад* (Петров) — *дом* здесь предстает как вместилище, «жилище» *дум* и *дыма*.

И это позволяет поэтам объединить *думы* и *дым* в самостоятельную паронимическую пару. ПА иногда поддерживается параллелизмом: *Деревья вешние в мерцающих венцах, улыбка нищего, тень* ***дыма****, тень* ***думы*** *— вижу все…* (Набоков), — основание сравнения в данном случае проявляется в общем компоненте *тень*, указывающем (в соответствии со словарными значениями) на слабый признак чего-либо, неясность очертаний, непроявленность, призрачность того, о чем идет речь. И *дым* — это нечто воздушное, полупрозрачное, рассеивающееся, и *думы,* т.е. мысли, могут воспарять, быть рассеянными. Сильную ПА можно наблюдать и тогда, когда *дым* и *думы* объединяются сочинительной связью в одном образном контексте: *Слежу за голубками* ***дыма*** *и* ***думаю****...* (Соллогуб); здесь метафора-сравнение акцентирует в значении лексемы *дым* признаки «сизый» (с семой «неопределенность, невыраженность» в обозначении цвета) и «летучий», соотносимые и с *голубками,* и эти признаки сообщаются *думе*, на которую указывает однокоренной глагол (вспомним про *полет мысли* и традиционный для поэзии образ *мысли-птицы*). В устойчивых паронимических «формулах» *дым* и *дума* связаны разнонаправленными отношениями включения: *Ты сулишь нам просторы Атлантики, Ну а мы* ***в дыму*** *папирос Будем* ***думать*** *о старой романтике Золотых на ветру берез* (Васильев); *Мелькают пашень дальних пятна, А* ***в думах дым*** *и в песнях лед, — Не скоро я вернусь обратно...* (Б. Соловьев), в пределе указывающими на выражаемую генитивом неотторжимую принадлежность одного другому: *ветер думает стремительную* ***думу*** / *— одну, осеннюю, и дождь прозрачен так,* / *как будто* ***думы*** *той сиреневому* ***дыму*** / *он цвет свой никакой отплясывает в такт* (В. Казаков), ср.: *Неподвижно в кольца* ***дыма*** *Черной* ***думы*** *врезан* ***дым****…* (Анненский), где метафора как будто вырастает из реалии. Звукосмысловая связь настолько сильна, что имитирует причинно-следственную, когда паронимы оказываются рядом: *Всё стало непрочным, как* ***дым****, и* ***думалось*** *горестно людям: «Умрем или победим!»* (Асеев).

Отметим еще одно «формульное» сочетание, в равной степени присутствующее в обыденной речи, фольклоре и поэзии: *родимый дом*. ПА консонантного метатетического типа, связывающая корни *-род-* и *-дом-,* поддерживается вокалическим расподоблени-

ем квазиморфем *-дим-* и *-дом-* с сильным консонансом, что помогает словосочетанию превратиться в знак единого понятия. В этом случае интересны случаи «оживления» стертой ПА либо за счет образности, подчеркивающей идею рождения и вскармливания: *Дом родимый — ствол смолистый, Пьющий сок земли корнями* (Полонская), либо за счет наложения семантических планов идиом и перестройки паронимически оформленной метафоры: *дом родимого отца* (Твардовский) — это и *отчий дом* одновременно, а *дом, родимое место* (Маяковский) — это и *родимый дом*, и *родные места*, и нечто отмеченное *родимым пятном*, *«родинкой»*. Интересно, что это сочетание целиком входит в ПА, притягивая к себе «формульные» компоненты: *Хорошо весною* ***Думать*** *под сосною, Улыбаясь* ***в дреме, О родимом доме*** (Есенин).

Эти связи универсальны, но одновременно могут по-разному актуализироваться и иметь уникальные расширения в конкретных идиолектах. Индивидуальность трансформированных парадигм ощущается другими «носителями» поэтического языка, о чем говорят случаи «цитирования» паронимических цепочек, например: *Здесь, меж вами:* ***домами****, деньгами,* ***дымами****,* ***Дамами****,* ***Думами****, Не слюбившись с вами, не сбившись с вами, Неким – Шуманом пронося под полой весну: Выше!* (Цветаева), ср.: ***Ни дома, ни дыма, ни думы, ни дамы****, Ни даты, отбитой былыми годами…* (Антокольский). С одной стороны, в обоих случаях представлена стандартная цепочка: *дом — дым — дума,* с другой — индивидуальное ее «наращение», продолженное в цитирующем тексте: ([*дом — дым — дума*] — *дама*) — *дата*, и все паронимы отличаются лишь одним гласным, входя в ПА вокального типа.

Интересно проследить и то, как паронимические связи, актуальные для определенного идиолекта, могут становиться «формульными» для множества поэтик, т.е. показать переход от индивидуального к универсальному. Легко это сделать на примере идиолекта Цветаевой, в котором наличествует паронимическая подсистема, отражающая системность поэтического мира, а ПА становится интегрирующим принципом организации языкового материала[2].

---

[2] Подробный анализ паронимической подсистемы идиолекта М. Цветаевой и опыт представления структуры паронимического поля с ядром *пространство* и периферией *время* можно найти в ранней работе автора статьи [Северская 1987: 138–175].

ПА используется Цветаевой и как иконический звуковой образ, и как инструмент поиска сопоставимых сущностных смыслов: ***Зубы*** *втиснула в* ***губы****. <…> Самую крепость в самую мякоть*; в одно целое связываются *тело* и *тепло*, *пространство* и *простыни* (и то, и другое может *простираться*), *трюм* и *тюрьма* (замкнутые пространства, ограничивающие свободу) и т.п. Переход от денотата к понятию, подчеркнутый ПА, способствует символизации некоторых реалий: *остров — сиротство*, *раковина — кров*, *сокровение*. Паронимические отношения строятся с учетом основных классифицирующих оппозиций. Различие в тональности, например, характеризует отличие поверхностного от глубинного, «мира сего», для которого характерна яркость красок, от «того мира» с его приглушенностью: *По****скром****нее, — куда как* ***громк****о!*; ***Свет*** *—* ***цвет****у пятою на грудь*. Переход к другой тональности может фиксировать изменение состояния мира: ***карт****ой* ***город*** *лег*; или отражать точку зрения на мир: в «мире сем» *табор — сброд,* в «мире том» — *братство,* на границе миров — *братство бродячее*. В рамках тезаурусных паронимических противопоставлений рассматриваются формы существования мира: время и пространство, жизнь и смерть, тело и душа, материальное и духовное. Так, *пространство* противопоставляется *простоте постоянств*, *время* прямо ассоциируется со *зримостью*, т.е. поверхностной структурой (ср. *минута — мнимость*), *мера* в «мире сем» — *мель*, *мелочь*, *мертвый метр*, в «мире том» — *мир*, *море*, *бессмертие*, поэтический безграничный мир — *без дна* и *без дня*. Одновременно подчеркивается однородность элементов внутри тезаурусных группировок: *Жить — стареть, Неуклонно* ***стареть*** *и* ***сереть***; *Мой брат по беспутству, Мой* ***зноб*** *и* ***зной****…*; их «созвучие»: *Тезей — терзание*, *Сивилла: ствол*, *деревья — двери* и др.; известная синонимия: *душа — туша*, *тень — тело* и *флейта — футляр* «перефразируют» друг друга, актуализируя инвариантные смыслы «духовное / телесное» и «поверхностное /глубинное». Таким образом, паронимам соответствуют основные классы формального тезауруса, отражающие структуру поэтического мира. Их корреляции выявляют глубинные смысловые инварианты и семантические оппозиции, лежащие в основе тезауруса функционального (в терминах М.Л. Гаспарова [1988]).

Устойчивые паронимические корреляции, как заметил М.Ю. Лотман [1979: 103], объединяют не случайные слова, а своего рода мифологемы, занимающие центральное положение в индивиду-

альной лексико-семантической системе. Одной из таких мифологем в идиолекте Цветаевой становится слово *гора*, слово интертекстуальное, основа таких номинаций как *холм-гора*, *Вечной Памяти Гора*, *Большого Человека Гора*, *гора заповеди седьмой*, *пятидесяти январей Гора*, *годы твои — гора*, *гора рукописных бумаг* и др. В предисловии к «Словарю поэтического языка Марины Цветаевой» О.Г. Ревзина так характеризует эту мифологему: «ГОРА в поэтическом мире становится репрезентантом различных смыслов, которые и связываются через нее, и раскрывают некую особую интенциональность, где личность, жизнь, творчество становятся неразделимыми» [СЯЦ 1996: 14], отмечая, что «ГОРА как поэтическое слово» имеет множество созвучных коррелятов [Там же]. Большинство из них актуализировано в «Поэме Горы».

Горé Цветаева сопоставляет прежде всего *гóре*: *Дай мне о* ***горе*** *спеть: О моей* ***горе****! <…> Дай мне о* ***горе*** *спеть На верху* ***горы****. <…>* ***Горе*** *началось с* ***горы***; *гора* наделяется способностью *горевать* — у этого предиката реализуется и объектная, и инструментальная валентность, а повтор корня *-гор-* дополняется типичным для ПА чередованием сонорных *р*/*л*: ***Гора горе****вала (а* ***горы гл****иной* ***Гор****ькой* ***гор****ют в часы разлук),* ***Гора горе****вала о* ***гол****убиной Нежности наших безвестных утр* и т.п. А еще *гора* умеет *говорить*: ***Гора говор****ила, что коемужды Сбудется по слезам его*, и ее активное «*говорение*» противопоставляется пассивному *говорят*: ***Говорят****, тягою к пропасти Измеряют уровень* ***гор****.* И, как легко заметить, *горевать* и *говорить* оказываются контекстуальными синонимами. Кроме того, *гора* предстает антропоморфной — благодаря корреляциям с паронимами *грудь*: *Та* ***гора*** *была, как* ***грудь*** *Рекрута, снарядом сваленного*, и *горб*: *Та гора была, как* ***горб*** *Атласа, титана стонущего* (а *горб* с помощью ПА превращается в *гроб*: *Та* ***гора*** *на мне — надгробием*, акцент здесь на переходе от жизни к смерти); в ряду «человеческого», приписываемого *горе*, оказываются и *гордость*, и *Гордиев узел — долг и страсть*. Величие *горы* актуализируется в корреляции с *громом* и *громадой*. «Антогонисты» *горы* в идиолекте Цветаевой и его паронимической системе — *город*[3] *(загород*, *пригород)*: *Той* ***горы*** *последний дом*

[3] ГОРОД — еще одна мифологема, значимая для Цветаевой. А «словарь города» в ее идиолекте представлен чрезвычайно широко и подробно [СЯЦ 1996: 16–20].

*Помнишь на исходе — при**города**? <…> Та **гора** была над **город**ом. <…> Той **горою** будет **горд Город**, где с утра и до ночи мы Жизнь свою — как карту бьем!* и *овраг (ров)*, в свою очередь связанные паронимически с *кровью* и потенциальным аттрактантом *кров*, *островом* и *уровнем*. Отметим, что наряду с чистой ПА в тех же функциях используются консонансные повторы, как бы с «беглым гласным»: *горе* сопоставляется *игра*: *Не забудет **гор**а и**гр**ы*; глагол *гранить*, который угадывается в ***гр**аните* городов и ***гр**анате* Персефоны, также являющихся паронимами. Цепочка паронимов *город — горд — другой — вдруг — дорого*, перетекающих один в другой, «запускает» механизмы памяти — звуковой и идущей от опыта, в результате чего в подтексте возникает *дорога*: *дорога* из *города* к *горе*, за которую *дорого* платят. «Несказанное, оставшееся в подтексте, но неизбежно восстанавливаемое слово-анаграмма получает статус самого существенного семантического элемента», — замечает Л.В. Зубова [1987: 20–21]. *Прямая дорога: в ров* эксплицитно представлена уже в «Поэме конца» Цветаевой, наряду с *городом*, *изгородью*, *загородом* и *пригородом*, *игрой*, *горой*, *гореть* и *выгореть*, *громк*остью, *огромн*остью, *громом* и *погромом*, *вдруг*, *другом* и *другими*, что говорит об устойчивости и системности этих паронимических «формул».

В поэзии XX в. эти «формульные» паронимические соответствия также используются и получают свое развитие.

Паронимическая пара *гора — город* воссоздается в большинстве случаев по приметам *города* в тексте — ключевым словам того же лексико-семантического поля: *Не **гора, где жило столько,** / **что сама земля телесна**, / не курганная надстройка…* и ***На** недоступную **гору**, высокую крону* / ***дом подними**…* (оба примера — Айзенберг, ср. у Цветаевой: ***Не пригорок, поросший семьями**…* и *Той **горы последний дом** Помнишь — **на исходе пригорода**?*); ***Гора над моей деревней**: возле нее погреться / память не прочь, как будто — это коровий бок. <…> **С вершины этой горы видно другое детство**… <…> Значит, и эта **гора**, честной землей объята, / уходит в глубины земли, **ищет потерянный дом*** (Жданов, ср. у Цветаевой: *Та **гора** была **над городом**; Еще **горевала гора**: **хотя бы С дитятком** отпустил Агарь!* и *Все **овраги** мои **вверх дном**! Ибо **надо ведь** — хоть кому-нибудь **Дома — в счастье**, и счастья в дом!*). При этом поэты не обязательно апеллируют к опыту Цветаевой, но также прибегают к имплицитной ПА **город — гора*: ***в***

родимом ***доме*** *<…>* ***горный запах*** *от моей ладони* (Кузнецов). Безусловно, встречается и эксплицитное употребление: *Посещением обрадуй* / ***город****ок, идущий* ***в гору*** (Айзенберг). В последнем примере, впрочем, подразумевается и третий аттрактант: **дорога*, ее должен в данном случае осилить *идущий*.

С *дорогой* в новейшей поэзии связываются и *гора*: *И, рядясь в берега, это озеро станет* / *прозревать от равнин и провидеть от* ***гор****, <…> и движеньем своим образует* ***дорога*** / *и пространство и миг, уходящий во тьму* (Жданов), *Стоит огромная* ***гора*** *Зияет пропасть Как дыра Мне в путь давно уже пора <…> Идет* ***дорога*** *в ни Куда…* (Холин), и *город*: *Не осталось собак к этом сумрачном* ***городе*** *И бродячие кошки взирают с опаской: Не пора ль в неприступные крепости* ***гор*** *уйти — От угрозы уйти и недоброй огласки?.. <…> Сколько пролил я слез, ожидая Всевышнего, А Господь по сухой обошел их* ***дороге****…* (В. Блаженный).

Гора — горе — также устойчивая ассоциация, с производными *горечь, горький*: *Ты* ***плакала на*** *золотой* ***горе*** (Кузнецов) — здесь **горе* представлено своим атрибутом, *плачем*; ***горе****мычное древо тоски… неприкаянный* ***горьк****ий орех…* ***на горе****…* (Жданов); *И надо б, как сказано, в* ***горы*** *бежать, Коль скоро вода от полыни про****горк****ла* (Гандлевский). Входит в эту цепочку и этимологически близкий глагол *гореть*: *Не рано ли* ***горят*** *библиотеки?* / *Восстанье книг, ведомое огнем,* / *тем* ***горше говорит*** *о человеке,* / *чем больше напечатано о нем. <…> Священная* ***гора****,* / *где смешаны газеты, унциалы,* / *разрозненные номера* / *партейного или парижского журнала* / *в единый Арарат, в осмысленный массив…* (Кривулин), и производное от него прилагательное *горячий*: *И через* ***горы*** *подают врагу* ***Гор****ячую воинственную руку* (В. Блаженный).

Освоено и соответствие *гора — игра*: ***В*** *седых Манхэттенских* ***горах Играй****…* (Межиров); *однажды на* ***гору*** *взошел снежно-белую* / *и* ***играл*** *со своей сединой безмятежно…* (В. Блаженный).

В ходу и «тяжелые» ассоциации — *гора — громада,* нечто *огромное*: *вдали* ***гром****оздится* ***гора****, как о****гром****ная птица*, или же *загробное*: *духи бродят по синим* ***гор****ам <…> сопричастен и я за****гроб****ным дарам* (оба примера — В. Блаженный); довольно много случаев, когда ассоциация *горы* с *гробом* угадывается по *кладбищенской ограде*, *вырытой яме*, упоминаниям о *смерти* и др., при этом неожиданно возникает и образ *горюющей* кладбищенской *глиной горы*: *Отмотай от рулона кладбищенской глины отрез —* /

там копающий яму надеется выкопать гору (Жданов), напоминающий образ Цветаевой[4].

Можно заметить, что использованные Цветаевой соответствия, связывающие слова-мифологемы *ГОРА — ГОРОД — ДОРОГА*, образуют устойчивое ядро паронимической микросистемы поэтического языка XX в. в целом. Это доказывает и материал «Словаря языка русской поэзии XX в.», задуманного В.П. Григорьевым и создаваемого сейчас под руководством Л.Л. Шестаковой в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ РАН. В нем выделяются следующие пары [СЯРП 2003]:

гора — город: *И* ***город*** *скрыли* ***горы*** *В свой сумрак голубой* (Блок); *овцами* ***гор*** *<…> пастись* ***в городах*** (Хлебников); *Он [****город****]* ***с гор*** *разбросал фонари* (Пастернак); ***в город с гор*** *ползет туман* (Ахматова);

гора — дорога: О, ***дорога в гору*** *уже при звездах* и ***Дорога в гору*** *идет…* (оба примера — Кузмин); ***За горами****, лесами,* ***За дорогами*** *пыльными…* и *Ночью* ***на горной дороге****…* (оба примера — Блок); *Пролегла песчаная* ***дорога До*** *сибирских* ***гор***; *Долга, крута* ***дорога****, Несчетны склоны* ***гор*** (оба примера — Есенин); ***Дорога*** *до Ялты / будто роман: / <…> / Сначала / авто / подступает* ***к горам****…* (Маяковский); *Кругом толпились* ***гор*** *отроги, И новые отроги гор Входили молча* ***по дороге*** (Пастернак);

город — дорога: ***Город дорогу*** *мраком запер* (Маяковский); *Грязный, гремучий, в постель Падает* ***город с дороги*** (Пастернак),

а также более редкие:

горе/гореть — дорога: ***Горю*** *и ночью* ***дорога*** *светла*; *Еще* ***горят*** *лучи под сводами* ***дорог*** (оба примера — Анненский); *Песок* ***горел*** *пощечиной, <…> Заушиной* ***дорог*** (Пастернак);

горечь — дорога — город: И ***в горечи****, спорившей* ***с горечью*** *моря, Он [Иисус] шел с небольшою толпой облаков* ***По***

[4] Пожалуй, именно Жданову удается воссоздать в одном тексте практически всю цветаевскую парадигму, выстроенную вокруг *ГОРЫ*. Так, в его стихотворении «До слова» *горе* сопоставляются *игра*, *гортань*, *гроб*, *город*, **дорога*, *друг(ое)*, *дрогнуть*.

пыльной ***дороге*** *на чье-то подворье, Шел* ***в город*** *на сборище учеников* (Пастернак);

горсть — дорога: *Вся наша белая* ***дорога*** *У них, мальчоночков,* ***в горсти*** (Цветаева).

В новейшей же поэзии появляется устойчивая корреляция *гора — горизонт* и пара-неологизм *гора — горностаи*: *В* ***горно****стаевых мантиях ели, Как монархи, спускаются с* ***гор*** (Елагин), в которой ПА приводит к реэтимологизации (*горностаи = горные стаи*).

Как можно было заметить, от устойчивого ядра отходят векторы, формирующие периферию паронимического поля и отсылающие к новациям и синонимичным, также оформленным ПА, «перифразам» ядерных связей. Возможно, при лексикографическом представлении стоит это учитывать и дополнять линейное описание цепочек паронимов схемой, которая отражала бы не только актуальные, но и потенциальные, не противоречащие системе, корреляции. В идеале стоило бы семантизировать каждую пару или цепочку, обозначив те общие компоненты, которые обусловливают ПА, и тот новый смысл, который при ней возникает.

ЛИТЕРАТУРА

Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 57-71.

Григорьев В.П., Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю паронимов русского языка. М., 1992.

Зубова Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой. Л., 1987.

Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1995.

Красных В.И. Паронимы в русском языке: самый полный толковый словарь (более 3500 паронимов, около 1500 паронимических рядов). М., 2010.

Лотман М.Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Труды по знаковым системам, 11: Семиотика текста. Тарту, 1979. С. 98-119.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://www.ruscorpora.ru (октябрь, 2018).

Павлович Н.В. Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики 1983. М., 1986. С. 74-87.

Северская О.И. Паронимическая аттракция как явление поэтического языка и как явление индивидуального стиля (семантические преобразования). Дис. … канд. филол. наук. М., 1987.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. II: Г – Ж / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М., 2003.

СЯЦ — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4 т. Т. 1. А–Г / Сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М., 1996.

Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: Il Milano, 1974. P. 57-58.

А.М. Надежкин
независимый исследователь, Нижний Новгород

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «СЛОВАРЯ КОРНЕВЫХ ПОВТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ»

В настоящей статье представлен опыт по созданию «Словаря корневых повторов в художественной речи М.И. Цветаевой». Словарь составлен на основе сплошной выборки, содержит 504 ряда корневых повторов; ряды организованы по алфавитно-корневому принципу. На основе материалов Словаря исследуются свойства корневых повторов в произведениях М.И. Цветаевой с точки зрения их внутреннего устройства и размерности и расположения относительно друг друга.

Ключевые слова: Марина Цветаева, авторская лексикография, авторский словарь, корневой повтор.

С развитием антропоцентрического подхода в гуманитарном знании особое внимание исследователей привлекает творчество писателей и поэтов, представляющее особую сложность для лингвопоэтического анализа. К числу таких авторов, безусловно, относится Марина Цветаева. Данная статья посвящена одной из ключевых особенностей художественной речи М. Цветаевой — корневому повтору как значимому для ее поэтики средству худо-

жественной выразительности. Наблюдения над корневым повтором в произведениях Цветаевой содержатся в трудах Л.В. Зубовой [1989; 1999], Е.В. Кечик [1995], Н.А. Кожевниковой и Н.А. Николиной [1998], З.П. Куликовой [2007] и др. Один из возможных подходов к многостороннему и полному изучению этого приема связан с возможностями авторской лексикографии, активно развивающейся в последние десятилетия [Шестакова 2011; Авторская лексикография 2013]. Именно материалы авторских словарей позволяют исследователям объективно оценивать роль того или иного художественного средства в стилистико-языковой палитре писателя.

Нами был создан «Словарь корневых повторов в художественной речи М.И. Цветаевой» [Надежкин 2015], в который вошло 504 ряда корневых повторов, полученных методом сплошной выборки из текстов издания [Цветаева 2008].

Названный Словарь построен по алфавитно-корневому принципу. Словарной единицей в нем является «ряд корневого повтора», т.е. стихотворное единство, связанное корневым повтором. В ходе создания Словаря мы рассмотрели основные типы вхождения корневых повторов непосредственно в структуру художественного текста с точки зрения внутреннего устройства и размерности рядов корневых повторов, их расположения относительно друг друга, что мы условно назвали «позиционным анализом» корневых повторов.

Особенности функционирования повторов в художественной речи Цветаевой не сводятся только к содержательным и функциональным характеристикам. Специфичными для формирования индивидуального стиля поэта являются значимые показатели внутреннего устройства корневых повторов и их размерности в художественном тексте, особенности расположения компонентов ряда корневых повторов в строке, в строфе и в более крупных ритмико-композиционных единствах.

В качестве примеров организации словарной статьи приведем несколько статей на букву «Р»:

-РАВН-
С **богоравною** сестрой / Мне **равняться** мудрено. (619)[1]
Мужеравная, нет, **бого-равная…** (626)
Все **равные** — дети вершин. / **Равняться** в низости своей — /

[1] Здесь и далее в круглых скобках указывается страница цитируемого текста по указанному источнику.

Забота черни и червей. (305)

-РАЗ-

Чтоб ни **разочку, ни разка —** / Так к сердцу не прижать! (247)

-РАЗЛУК-

Вот и **разлучены / Неразлучные.** / Вот и выпущены из рук / Твои рученьки. (101)

-РВА-

Как **рвалось и разорвалось** как — / Сердце? Как на рысаках орловских, / От орлов, сказал, не отстающих, / Дух захватывало — или пуще? (612)

Это последний **срыв /** Глотки **сорванной…** (455)

-РЕМЕСЛ-

Ремесленник — и знаю **ремесло.** (390)

-РОБ-

Сим — так ненавидевшим **робость** / Мужскую, — что сына убил / **Сробевшего.** / <…> И шаг, и светлейший из светлых / Взгляд, коим поныне светла… / Последний — посмертный — бессмертный / Подарок России — Петра. (760)

-РОД-

Ни Тезеева не продлю / **Рода** славного, на основе / Дел ветвящейся **родословной** (626)

Семи ветров — наследницу, / Всех **родин уроженицу**! (662)

Ох, мой **родный**, мой **природный**, мой **безродный** брат! (112)

Родовое, не сиротское / Горе, без него б и **род** людской / Вымер, в час один — весь начисто б. (619)

-РОЗ-

Можно **розу** разорвать: / Хуже нет! / Чем за **розовый** за рот / Воевать… (201)

-РУК-

Вот и выпущены из **рук** / Твои **рученьки**. (101)

Впервые **руки** раскинуть! / Забросить **рукописи!** (406)

Две **руки** ломать да скручивать — / Пуще глазынек жаль **рученек.** (618)

Тихонько / **Рукой** осторожной и тонкой / Распутываю путы: / **Ручонки —** и ржанью / Послушная, зашелестит амазонка… (357)

Как мы видим, под заголовком словарной статьи объединены примеры, в которых реализуется повтор корня, вынесенного в заголовок. Они расположены в алфавитном порядке, а однокоренные слова в стихотворных строках Цветаевой даны полужирным шрифтом.

На основе Словаря были выделены три основных класса повторов в поэзии Цветаевой:

1) контактные повторы (157 рядов);
2) дистантные повторы (299 рядов);
3) совмещенные повторы (48 рядов).

К совмещенным повторам относятся случаи, когда в пределах одного контекста объединяются несколько типов повторов.

Проанализированный и расклассифицированный материал лег в основу «Позиционного словаря корневых повторов в художественной речи М.И. Цветаевой» [Надежкин 2015].

I. Контактные корневые повторы с точки зрения особенностей их ритмико-синтаксической организации делятся на два подкласса:

а) контактные повторы, реализующиеся в рамках одной стихотворной строки (без анжамбемана, т.е. разрыва предложения через строфический перенос):

«Не устают мои легкие ноги / ***Выситься над высотой»*** (68);

б) контактные повторы, реализующиеся в рамках двух стихотворных строк (с анжамбеманом):

«Музыка есть ***аффект,*** / ***Аффектация*** *неких чувств,* / *Коих и нету. Хам, мол, —* / *Кто не чувствует!»* (569).

Контактных повторов первого подкласса в художественной речи М. Цветаевой насчитывается 121 случай, а второго подкласса — 36.

Такое преобладание одного типа контактных корневых повторов над другим объясняется технической сложностью выполнения приема, при котором два элемента контактного повтора разделены границей стихотворной строки. Контактный корневой повтор без анжамбемана естественен для русского языка и часто используется Цветаевой для имитации разговорной речи, например:

«На кой цветы цветут, / *Раз в брюхе —* ***гром гремит****?!»* (658).

Искусственный разрыв контактного повтора с помощью анжамбемана несвойственен обычной речи: такой прием тяжело поддается осмыслению, потому что читатель ждет, что в новой стихотворной строке будет изложена новая информация, а корне-

вой повтор отсылает его в конец предыдущей строки; кроме того, это повышает вероятность восприятия повтора как тавтологии.

II. Дистантные повторы с точки зрения особенностей их ритмико-синтаксической организации мы делим на шесть подклассов. Контекст дистантного повтора определяется читательской рецепцией: он распространяется до тех пор, пока читатель видит прием корневого повтора, несмотря на то, что повторяющиеся элементы могут быть значительно отдалены друг от друга:

«Ох, синим — / Синё ***око*** *твое,* ***окоём!****»* (664).

В позиционном словаре дистантные повторы делятся на семь групп: препозитивно-инпозитивные, инпозитивные, рамочные (кольцевые), инпозитивно-постпозитивные, анафорические корневые повторы и эпифорические корневые повторы.

Также необычайная сложность поэтического материала обусловила необходимость разделить группу «инпозитивные повторы» на две подгруппы:

а) инпозитивные повторы, реализующиеся в пределах одной строки;

б) инпозитивные повторы, реализующиеся в пределах нескольких строк.

В рамках некоторых типов корневых повторов мы выделяем подтипы, связанные с введением в текст различного рода осложнений позиционной структуры. Так, в рамках инпозитивного корневого повтора, реализующегося в пределах нескольких строк, нами выделяются:

а) инпозитивный тип, реализующийся в нескольких строках и осложненный анафорой;

б) инпозитивный тип, реализующийся в нескольких строках и осложненный эпифорой.

Нами также было замечены случаи осложнения эпифорического повтора хиазмом и рамочным повтором.

Рассмотрим разные типы дистантных повторов.

1. Анафорический тип. Корневой повтор, реализующийся в пределах нескольких строк, структурно организованный таким образом, чтобы первые слова в строках являлись однокоренными:

«Целомудренной богини / ***Нелюдимого*** *любимца. /* ***Нелюдима*** *ее любимого — / Ипполита неуловимого»* (616).

2. Препозитивно-инпозитивный тип. Корневой повтор, при котором первый элемент находится в начале первой строки, а второй — в середине следующей:

*«**Воспаляется** ум мой пылкий, <…> / Это — красною раной вскачь / **Запаленная** кобылица! / <…> Есть Элизиум — для — кляч: / Живодерня! — **Палит** слепень!»* (454).

3. Инпозитивный тип. Корневой повтор, при котором оба элемента находятся в середине строки. Реализуется в двух разновидностях:

а) инпозитивный повтор, реализующийся в пределах одной строки. Это корневой повтор, расположенный в середине строки:

*«В сей край прийти, где люди / Тверже **льдов**, а **льдины** — скал»* (296);

б) инпозитивный повтор, реализующийся в пределах нескольких строк. Это корневой повтор, при котором первый элемент находится в середине одной строки, а следующие элементы — в середине следующих строк:

*«Ночи **без любимого** — и ночи / **С нелюбимым**, и большие звезды / Над горячей головой…»* (137).

Этот тип отличается от предыдущего вида корневых повторов большей свободой в использовании, поскольку элементы повтора разбросаны в широком контексте и связывают строки стихотворения с помощью фонетического и смыслового сходства.

Именно благодаря своей относительной свободе в отношении расположения повторяющихся элементов этот вариант инпозитивного повтора более распространен, чем вариант инпозитивного повтора, реализуемого в рамках одной строки (25 рядов инпозитивного повтора в рамках нескольких строк, не считая осложненных примеров, против 15 рядов применения этого приема в рамках одной строки).

4. Рамочный повтор. Тип корневого повтора, при котором первое повторяющееся слово является первым в строке, а второе — последним в той же строке.

Термин «рамочный», вместо традиционного термина «кольцевой», употребляется нами по следующей причине: если отказаться

от понимания рамочного повтора как повторения первого и последнего слова в строке, объем понятия «кольцевой повтор» совпадет с объемом понятия «инпозитивный повтор», т.е. повтор, находящийся в середине строки, но при этом не образующий рамочную структуру. Если посчитать в качестве кольцевого повтор, в котором первый повторяющийся элемент находится в середине строки, а второй — в конце, тогда понятие «кольцевой повтор» необоснованно смешается с инпозитивно-постпозитивным повтором. Таким образом, любой дистантный повтор можно будет признать «кольцевым»:

*«Зато прибрежные каменья / **Дробя**, — свою же грудь **дроблю**!»* (303).

5. Инпозитивно-постпозитивный повтор. Тип корневого повтора, при котором первое повторяющееся слово находится в середине строки, а второе — в конце:

*«Пью — не напьюсь. **Вздох,** — и огромный **выдох**. / И крови ропщущей подземный гул. / Так по ночам, тревожа сон Давидов, / Захлебывался Царь Саул...»* (364).

В ряде случаев анжамбеман может искусственно разделить инпозитивно-поспозитивный повтор, и тогда он реализуется уже в рамках нескольких строк:

*«О кто **невесомых** моих два / Крыла за плечом — / **Взвесил**?»* (352).

6. Эпифорический корневой повтор. Структурно организованный тип корневого повтора, реализующийся в рамках нескольких строк таким образом, что однокоренные повторы оказываются в конце строк:

*«Еще плачетесь: без подмоги! / Дурни — спрашивается — **боги**, / Раз над каждым — язык неймет! — / Каждым домом **богоотвод**!»* (609).

Количественное преобладание дистантных повторов над контактными (299 рядов против 157) объясняется их структурными особенностями. Контактный повтор может возникать только в двух позициях: элементы повтора внутри строки или на стыке строк. Дистантный повтор позиционно не ограничен, он лимитирован лишь тем контекстом, в котором употребляется, и понятно, что этот контекст вариативен и шире, чем контекст контактного повтора.

В поэзии Цветаевой дистантные повторы активно участвуют в создании тропов и фигур: на их основе возникает анафорический и эпифорический эффект, рамочная композиция (кольцо), актуализируется анжамбеман.

Совмещенные случаи **корневых повторов** являются самой малочисленной группой, в которой насчитывается всего 48 примеров. Это объясняется тем, что для поэта представляет большую сложность создать такой прием, а для исследователя — классифицировать его. К повторам данного типа мы относим такие примеры, в которых одновременно использованы два или более типов повторов, описанных нами ранее.

I. Эпанод. Большая часть примеров из данной группы (21 ряд) содержит одновременно и контактный, и дистантный повторы.

Этот корневой повтор позволяет поэту использовать больше сочетаний разнообразных тропов и фигур, чем в том случае, если бы контактные и дистантные повторы использовались отдельно. Такое чередование контактного и дистантного повторов в стилистике называется **эпанодом**:

*«Ту последнюю — **дальнюю — дальше** всех / **Дальних** — дольше всех… / **Далечайшую»*** (407).

Следующей большой группой совмещенных повторов являются промежуточные случаи дистантных повторов, содержащие в себе анафорические и эпифорические элементы.

II. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как анафорический и завершающийся на другой строке как эпифорический:

***«Сон** мне / **Снился.** Тмящая мне всех жен / Сущих — мать посетила **сон** / Мой».* (616).

III. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как эпифорический и завершающийся на другой строке как анафорический:

*«Бросать, как **вещь**, / Меня, ни единой **вещи** / Не чтившей в сем / **Вещественном** мире дутом!»* (483).

Данный случай повтора — вариант примера II, с той разницей, что меняется порядок использования риторических фигур —

вначале идет эпифора: «*Бросать, как* ***вещь****, / Меня, ни единой* ***вещи***», которая прерывается корневым повтором в анафорической позиции: «***Вещественном*** *мире дутом*!».

Преобладание в классе совмещенных повторов дистантных также объясняется тем, что, по сравнению с контактными, они позиционно свободнее, и это обеспечивает большую изощренность их комбинаций, широту контекста и простор для продуктивных эстетических исканий.

Проведенный анализ дополняется статистическим анализом частоты употребления разных позиционных моделей корневых повторов в художественной речи Цветаевой, см. Табл. 1.

ТАБЛИЦА 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ КОРНЕВЫХ ПОВТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Тип повтора	**Количество рядов**	**Процентное соотношение**
Контактные корневые повторы	**157**	**31,1 %**
1. Контактные корневые повторы с анжамбеманом	36	7.14 %
2. Контактные корневые повторы без анжамбемана	121	4 %
Дистантные корневые повторы	**299**	**59,32%**
1. Анафорический повтор	30	5,95%
1.1. Ослабленный анафорический корневой повтор	4	0,79 %
2. Препозитивно-инпозитивный тип повтора	20	3,9 %
3. Инпозитивный повтор (в пределах одной строки)	15	2,9 %
4. Инпозитивный повтор (в пределах нескольких строк)	25	4,9 %
4.1. Инпозитивный повтор (в пределах нескольких строк), осложненный анафорой	24	4,7 %
4.2. Инпозитивный повтор (в пределах нескольких строк), осложненный эпифорой	18	3,57 %

5. Кольцевой повтор	48	9,52 %
5.1. Кольцевой повтор, осложненный хиазмом	6	1,19 %
5.2. Кольцевой повтор, осложненный анафорой	2	0,39 %
6. Инпозитивно-постпозитивный повтор	57	11,30 %
7. Эпифорический повтор	46	9,12 %
7.1. Эпифорический повтор, осложненный хиазмом	2	0,39 %
7.2. Эпифорический повтор, осложненный кольцевым	3	0,59 %
Совмещенные повторы	**48**	**9,52 %**
Эпанод	21	4,16 %
2. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как анафорический и завершающийся на другой строке как эпифорический	14	2,77 %
2.1. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как анафорический и завершающийся на последующих строках как эпифорический, при этом осложненный внутренним рамочным повтором и однокоренным словом в инпозиции	1	0,19 %
2.2. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как анафорический и завершающийся на других строках как эпифорический, осложненный однокоренным словом в инпозиции	6	1,19 %
2.3. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как анафорический и завершающийся как эпифорический, осложненный повторяющимся словом в инпозиции и рамочным повтором	1	1,08 %
3. Корневой повтор, начинающийся на одной строке как эпифорический и завершающийся на другой строке как анафорический	6	0,18 %
4. Повтор, при котором возникает чередование анафорического и эпифорического корневых повторов, осложненных однокоренным словом в инпозиции	1	0,18 %
Всего:	504	100 %

Таким образом, методика изучения приема корневого повтора в произведениях М.И. Цветаевой, основанная на материалах предварительно подготовленных словарных материалов, позволила получить детальное представление о типах такого повтора, их частотности и лингвопоэтических проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. М., 2013.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989.

Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб., 1999.

Кечик Е.В. Деривационный повтор в художественном прозаическом тексте: Дис. … канд. филол. наук. М., 1995.

Кожевникова Н.А., Николина Н.А. Словообразовательный повтор в художественном тексте // Лингвистика — как она есть. Лингвистика — какая она будет: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1998. С. 116-128.

Куликова З.П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р.М. Рильке. Дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: Дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

Цветаева М. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М., 2008.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Е.В. МАКЕЕВА
Московский педагогический государственный университет, Москва

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫМ УЧАЩИМСЯ

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

В статье обобщается опыт использования словарей языка писателей в работе с иностранными студентами; предлагаются варианты заданий; обозначаются наиболее важные проблемы использования указанных словарей.

Ключевые слова: язык писателей, авторская лексикография, иностранные учащиеся.

Прагматический аспект писательской лексикографии сейчас приобретает, как представляется, особое звучание, поскольку развитие методологической базы создания словарей в совокупности с расширяющимися техническими возможностями способствует быстрому увеличению их количества. Словари языка писателей активно развивают новый функционал, связанный не только с потребностями научного изучения языка писателя, его идиостиля, но с пониманием, толкованием, адекватной интерпретацией текста читающим человеком, необязательно филологом. В зависимости от структуры словарной статьи и представленной в ней информа-

ции, такие словари способны в различной мере компенсировать лакуны фоновых знаний, возникающие вследствие хронологической отдаленности текста от читателя, причем, по сравнению с общими толковыми словарями или словарями устаревшей лексики, к которым также может обратиться читатель, они дают больше информации для понимания текста: помогают оценить частотность слова, увидеть особенности его употребления у данного автора в разных контекстах, в некоторых случаях — более глубоко понять подтекст; иными словами, могут «становиться ключом к изучению языка автора и к пониманию особенностей его творчества» [Караулов, Гинзбург 2002]. В этом смысле словари языка писателей выполняют комментирующую функцию, однако, в отличие от комментариев к произведениям, ориентированных на каждый отдельный контекст и включающих обширную информацию историко-литературного / биографического характера и организованных обычно по принципу следования по тексту произведения, они «совмещают» в себе информативность и удобство пользования (чаще всего алфавитный порядок слов, указание на значение, наличие отсылок к текстам и др.). Все это определяет возможность их активного использования в процессе обучения русскому языку и русскому языку как иностранному.

Идея предложить иностранцам использовать словари языка писателей при изучении русского языка не нова. Например, в Предисловии к вышедшему в 1993 г. словарю «Язык русской классики: книжные и разговорные лексические элементы прозы Н.С. Лескова 90-х годов XIX в.» В.В. Паршина пишет: «Словник может быть использован как пособие или справочник при чтении произведений русской классики второй половины XIX века и их текстуальном изучении всеми, кто изучает русский язык как неродной, иностранный (на продвинутом этапе)» [Паршина 2002]. Однако эта рекомендация обращена к самим изучающим русский язык. Между тем, как показывает практика, для того чтобы учащиеся действительно могли использовать огромный потенциал словарей языка писателей, со стороны преподавателя требуются определенные усилия. Это обусловлено разными причинами: иностранцы могут быть не осведомлены о существовании таких словарей, поскольку обычно обращаются к переводным, а в лучшем случае к толковым словарям, и разобраться в специфике иного словаря самостоятельно им довольно трудно; в стране обучаемых авторская лексико-

графия может быть не очень знакома широкому кругу читателей и другим.

Не делая самоцелью привлечение словарей языка писателей в большинстве их разновидностей к процессу обучения иностранцев русскому языку и русской литературе, выделим все-таки три основных направления работы, в которых такие словари могли бы быть очень полезными и в рамках которых мы практикуем их использование при обучении стажеров, приезжающих в Россию на 10 месяцев.

Первое направление — занятия по русской литературе, в том числе — практические занятия по «замедленному чтению», направленные на развитие навыка межкультурного чтения, умения вычленять в тексте культурно значимую информацию, интерпретировать ее с учетом культурно-исторического контекста, понимать характер реализации образного потенциала языковых единиц и видеть заложенные автором подтекстовые смыслы. Очевидно, что эти задачи в полном объеме могут быть решены только в том случае, если учащийся имеет довольно высокий уровень владения русским языком (не менее ТРКИ-III). Однако в реальности наши студенты владеют русским языком максимум на II сертификационном уровне, и чтение произведений русской литературы в оригинале для них задача не из легких. Более или менее понятный общий смысл текста, ход сюжета, соотнесенные с уже известной общей характеристикой произведения, к сожалению, не побуждают студентов-филологов к попыткам разобраться в тексте лучше, ощутить прелесть языковой игры, подумать над авторским словоупотреблением, понять его смысл.

Использование материалов словарей языка писателей на этом этапе может стать одним из способов инициирования интереса к языковым особенностям текста, причем система заданий, предполагающих неоднократное обращение к словарным статьям, не только позволяет развивать языковое чутье, оценивать возможности появления переносных значений у слова, попадающего в иные контексты в других художественных произведениях, но и формирует навык описания (объяснения, интерпретации) значений слов на русском языке, что очень важно для иностранных студентов-филологов. Среди заданий на данном этапе, как представляется, должны превалировать задания на сопоставление значений, зафиксированных в толковых словарях и в словаре языка изучаемого

писателя (при наличии), на соотнесение нескольких контекстов употребления одного и того же слова с привлечением имеющихся переводов на родной язык учащихся. Например, при чтении повести «Выстрел» А.С. Пушкина, подчеркивая важность смены рассказчиков, останавливаемся на оценочных прилагательных. Предлагаем еще раз обратить внимание на предложение: *Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую* ***бешеную****, храбрость самую беспечную*, а затем посмотреть значение выделенного слова в словарях (следует отметить, что в 8 случаях из 10 словосочетание *веселость самая бешеная* в контексте предложения воспринимается студентами с недоумением).

Обращение к толковым словарям[1] дает значения, которые не в полной мере соотносимы с текстом Пушкина:

> [МАС]: *1. Больной бешенством, взбесившийся (о животных). 2. Исступленный, необузданный; неистовый. 3. Чрезмерный по силе проявления.*
>
> [Ожегов, Шведова, 1999]: *1. Больной бешенством (в 1 знач.). 2. Необузданный, крайне раздражительный. 3. Большой силы, напряжения, яростный.*

Все иллюстративные примеры в этих словарях демонстрируют отрицательную оценочность, заложенную в слове.

[СП] за двумя вертикальными параллельными чертами, указывающими на оттенок значения или особенности употребления слова в языке писателя, дает такое толкование: «Бурно протекающий, проявляющийся в крайней степени». И среди примеров — искомый контекст. Следующий этап осмысления значения должен уже проходить на уровне более широкого контекста и с учетом интенций рассказчика.

Анализируя примеры из словарной статьи, студенты могут сделать вывод, что подобное употребление весьма характерно для Пушкина, и уже при чтении «Барышни-крестьянки» (*Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им погибели, и тут же предлагал ей свою руку*) не испытают затруднений.

---

[1] Мы активно практикуем работу с ресурсом Словари.ру (http://slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050 [октябрь, 2018]), поскольку он позволяет одновременно осуществлять поиск по необходимым словарям.

Словарная статья из словаря языка писателя может в некоторых случаях снимать лексические трудности, играя роль своего рода предтекстового или притекстового комментария.

Анкетирование учащихся в конце первого семестра обычно фиксирует одни и те же проблемы: «Трудными для меня являются 2 пункта: 1) много незнакомых слов. Но это первый этап для изучения литературы. Обязательно преодолеть. 2) Смысл вне языка. Это самое трудное. Прочитав текст, ничего не получаю. Главное содержание понимаю, но не понимаю, почему автор так пишет, что автор хочет выразить с этими словами. Но это неотъемлемый этап при чтении» (Цин Син, стажер, 2016–2017 уч. год)[2]. Однако в этих же отзывах содержатся и факты результативности проводимой работы: «Несмотря на то, что я уже изучала эти произведения в Китае, я также получила многое в этом семестре. В Китае мы анализировали их со стороны целого содержания, смысла автора и их влияния на сегодняшний день. А в этот раз — по тексту, словам и предложениям. Потому что в процессе перевода из русского на китайский смысл слова потеряется. Даже самый лучший перевод не может заменять оригинал. Прелесть языка составляет одну из причин вечности классики. Самое глубокое впечатление мне оставляет то, что эти герои или героини оказываются более полными, чем раньше. Не только знаю *что*, но и *почему*»[3].

В рамках этого же направления работы отметим возможность привлечения словарных статей из словарей языка писателей для решения задачи комментирования, что оказывается особенно продуктивным при составлении студентом собственных комментариев к тексту на разных этапах работы с ним. Для этих же целей могут быть использованы некоторые словари языка отдельных произведений, если структура словарных статей и их наполнение соответствуют учебно-методическим задачам. Например, полезен и удобен в этом отношении Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» [Илюшина и др. 2016], поскольку, помимо частотности употребления, толкования и отдельных комментариев историко-культурного характера, словарные статьи содержат грамматические характеристики, важные для иностранцев. Интересен и Учебный словарь-

[2] Сохранено оформление источника. https://el.mpgu.org/mod/chat/view.php?id=16136 (октябрь, 2018).

[3] Там же.

комментарий к роману «Евгений Онегин» [Салимова 2005]: в нем, во-первых, есть раздел имен собственных, которые чаще всего незнакомы иностранцам, во-вторых, словарные статьи имеют зону отсылок к источникам представленной информации или к источникам, содержащим дополнительные факты, в-третьих, они содержат линвгокультурологический комментарий, необходимый для иноязычного читателя. Следует, однако, отметить, что не все словарные статьи из этого словаря могут быть предложены иностранцам, владеющим языком на II сертификационном уровне, поскольку содержат много лексем, выходящих за рамки соответствующего минимума. Иногда материалы словаря целесообразнее предлагать в более упрощенном варианте.

На занятиях по литературе могут привлекаться словари, которые по сути своей не являются авторскими, однако содержат иллюстрации из произведений русской литературы и фактически аккумулируют контексты, относящиеся к хронологически разным срезам. Например, можно обратиться к «Словарю устойчивых сравнений русского языка» [Огольцев 2001]. Такая организация иллюстративного материала помогает создать представление о динамике употребления сравнений в художественных текстах. Кроме того, не менее важно для иностранных учащихся, что словарные статьи содержат синонимичные сравнения с заменой одного из компонентов:

> КАК (СЛОВНО, ТОЧНО) КЛОП
> *Впиваться, сосать* кровь, соки, средства.
> Син.: *впиваться как клещ, как пиявка* [Там же: 254].

После нескольких заданий с привлечением данного словаря можно предложить творческие исследовательские задания, предполагающие выявление в читаемых текстах заданных языковых единиц и составление словника по предложенному алгоритму.

Обращение к словарям языка писателей в этом отношении помогает достичь важного результата — развития ассоциативных связей, свойственных русской языковой картине мира (которая может не совпадать с картиной мира языка студента). Так, при обращении в смешанной аудитории (европейцы, вьетнамцы, китайцы) к словарю эпитетов Бунина [Краснянский 2008] (например, к словарной статье «Воздушный») обнаруживаем, что приведенные контексты в целом понятны всем и рождают аналогичные ассо-

циации, однако сочетаемость слова *деревянный* вызывает уже неоднозначную реакцию.

Очевидно, что в работе с иностранными студентами обращение к словарям писателей должно происходить в комплексной словарной работе, а для большей эффективности предлагается использовать специальный учебный словарь «Читаем русскую классику», помогающий студентам в работе с произведениями русской литературы. Он реализован в настоящее время примерно на 60% и размещен в системе MOODLE МПГУ. Слова для данного словаря отбирались по частотности их появления в произведениях русской литературы, которые включены в программы стажеров МПГУ. Иллюстративный материал словаря содержит наиболее характерные цитаты из произведений-источников, поскольку для нас важно формирование у учащихся устойчивых ассоциативных связей, в том числе текстового характера. С этой же целью в словарь включена афористика, источником которой являются произведения русской литературы XIX – начала XX в. [Макеева 2015]. Имея ссылки на тексты произведений, словарь может решать разноплановые методические задачи и использоваться как на притекстовом этапе работы, так и на пред- и послетекстовых, а также выводить учащихся на уровень исследования.

В общем варианте схема работы со словарями языка писателей в рамках первого обозначенного нами направления может быть представлена так: обучение – изучение – исследование.

Второе направление — занятия по русскому языку как иностранному (курс лексики и фразеологии). Главная задача привлечения словарей языка писателей — расширение словарного запаса учащихся, включение в активную речевую практику новых слов, фразеологизмов (в идеале — узнавание и употребление афоризмов, восходящих к текстам русской литературы), углубление представлений о функциональных возможностях лексических и фразеологических единиц русского языка. Помимо уже называвшихся словарей, к которым на этих занятиях мы обращаемся с другой целью, можно предложить использование словарей, описывающих возможности русской синонимики, например, «Опыта синонимического словаря языка А.С. Пушкина» [Опыт 2000; 2006]; словарей крылатых выражений языка писателей [Мокиенко, Сидоренко 2005] и др.

Третье направление — собственно исследовательское, предполагающее написание законченных работ (от статей до диссертаций). Реализация этого направления возможна только на высоком уровне владения языком, и, по сути, приемы работы со словарями языка писателей для проведения научных исследований не отличаются от тех, которые используют носители языка, однако для большей эффективности работы необходимо учитывать традиции лексикографического описания единиц (в том числе системы помет и др.), практику создания словарей языка писателей, если таковая сложилась в стране обучаемого.

Таким образом, привлечение словарей языка писателей на занятиях по русскому языку и по русской литературе с иностранными учащимися помогает решать ряд методических задач — от расширения словарного запаса, восполнения фоновых знаний, формирования ассоциативных связей, характерных для русского языкового сознания, до развития навыков, необходимых для предпереводческой обработки текстов, и глубокого проникновения в текст произведения, а также ознакомления с лексикографическими традициями, сложившимися в России, обучения научно-методологическим основам работы со словарями разных типов и др.

ЛИТЕРАТУРА

Илюшина Л.А., Кимягарова Р.С., Баш Л.М. Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» / Ред. Т.Л. Беркович. М., 2016.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2002. — http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5316&s=0&0a0=1885 (октябрь, 2018).

Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. М., 2008.

Макеева Е.В. Учебный лингвокультурологический словарь «Учимся читать русскую классику» для иностранных учащихся: практика составления и использования в учебном процессе // Русский язык как иностранный: прошлое, настоящее, будущее: XI Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию кафедры РКИ МПГУ: Сборник материалов. М., 2015. С. 133–138.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

Мокиенко В., Сидоренко К. Школьный словарь крылатых выражений А.С. Пушкина. СПб., 2005.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М., 2001.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 1 / Сост. В.А. Гречко, С.Н. Переволочанская, Е.Н. Широкова, И.В. Воденисова; под ред. В.А. Гречко. Н. Новгород, 2000; Вып. 2. Н. Новгород, 2006.

Паршина В.В. Язык русской классики: книжные и разговорные лексические элементы прозы Н.С. Лескова 90-х годов XIX в. // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2002. — http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5316&s=0&0a0=1885 (октябрь, 2018).

Пушкин А.С. Выстрел // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8, кн. 1. М.; Л., 1948. — http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol08/y082063-htm (октябрь, 2018).

Салимова Л.М. Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин». М., 2005.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М., 1956–1961; 2-е изд., доп. М., 2000.

ABSTRACTS

SECTION 1

DISCUSSION PROBLEMS OF AUTHOR LEXICOGRAPHY

A.N. BARANOV, D.O. DOBROVOLSKY

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

DOSTOEVSKY'S PHRASEOLOGY PARAMETERS OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

The article discusses the problems of creating the author dictionary of F.M. Dostoevsky's phraseology. It is shown that there are different approaches to the dictionary description of phraseology: differential and integral approaches, synchronic and diachronic analysis of lexicographic material. The choice of the approach largely determines the result obtained. Arguments in favor of a universal approach that allows to combine the advantages of different ways of describing author's phraseology are presented.

Key words: author phraseology, phraseological dictionaries, author idiomatics, author idioms.

N.V. KOZLOVSKAYA

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

PHILOSOPHICAL TERM AS THE OBJECT OF AUTHOR LEXICOGRAPHY (BASED ON THE WORKS OF N.F. FEDOROV)

The article is devoted to the problem of lexicographic description of author's philosophical terms of N. F. Fedorov. The structure of the entry of the

created dictionary is described. Examples of entries are given reflecting the main mechanisms of Fedorov's philosophical term creation: formation of lexical neologisms by means of composition and affixation, combination of several elements in a new word or phrase, terminologization of a general use word, transterminologization and terminological borrowing within the philosophical metalanguage.

Key words: author's philosophical term, linguistic grounds for the formation of the author's philosophical terminological system, philosophical term creation, dictionary of the philosopher's language.

O.A. DAVYDOVA

Moscow State Pedagogical University, Moscow

THE REFERENCE AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE AUTHOR DICTIONARY STRUCTURE

In the article, the reference is considered as an important component of the author dictionary structure which allows to identify words characteristic of the writer's idiostyle, to associate one-root or similar in meaning lexemes located in different parts of the dictionary. Among them, there are verbs of different kinds, standard for the language of any writer, and synonyms having a different phonetic appearance.

Key words: author dictionary, reference, idiostyle, M.A. Sholokhov.

I.V. RUZHITSKY

Lomonosov Moscow State University, Moscow

ON THE "NON-LINGUISTIC" NATURE OF THE "IDIOGLOSS" CONCEPT

"Idiogloss", that is, a word reflecting the characteristics of the author's idiostyle, is a key parameter of the Dictionary of Dostoevsky's language, in which lexicographic representation of these units is given. In the course of many years of work on the first four volumes of the Idioglossary (A–Po), certain theoretical points of the Dictionary concept were defined more precisely, including the linguistic status of idiogloss, relating in particular to the problem of determining the objective procedure for identifying idioglosses in Dostoevsky's texts. Nevertheless, many related problems, for example, the position of

idiogloss in the paradigm of other terms — “key word”, “recurrent word”, etc., require further reflection.

Key words: Dostoevsky’s language, dictionary, lexicographic parametrization, idiogloss.

V.K. SHCHERBIN

Center for System Analysis and Strategic Studies of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

MENTALITY CATEGORY AS AN OBJECT OF STUDY OF COMPARATIVE AUTHOR LEXICOGRAPHY

The article deals with the results of comparative analysis of key words revealed on the material of the dictionaries of the language of A. Pushkin, T. Shevchenko and Y. Kupala. The author substantiates the conclusion that comparative analysis of key words from the complete dictionaries of the classics of Russian, Ukrainian and Belarusian literatures allows to amend the existing ideas about the key features of the national mentality of the Russians, Ukrainians and Belarusians.

Key words: dictionary of the writer’s language, mentality, precedent text, key word.

N.A. AFANASYEVA

St. Petersburg State University, St. Petersburg

“DICTIONARY OF TRADITIONAL POETIC IMAGES: XI–XV CENTURIES”

PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND POTENTIAL FOR USE

The article highlights the principles of organization of the “Dictionary of Traditional Poetic Images: XI–XV Centuries”, the purpose of which is to reveal the origins of images significant for the Russian poetic consciousness in the Old Russian literature.

Key words: the dictionary of traditional poetic images, the Old Russian literature.

N.V. PATROEVA

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk

SYNTACTIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN POETRY FROM KANTEMIR TO LERMONTOV

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CREATION AND SOME RESULTS

The article offers a general description of the first syntactic poetic dictionary in the history of national lexicography. The dictionary contains diverse description of simple and complex sentences extracted by the compilers of the dictionary from the vast poetic heritage of the Russian classics of the XVIII–XIX centuries. Classification of poetic syntactic material is presented in close connection with the structure and grammatical semantics of the construction, genre, metrics and strophic organization of the text.

Key words: syntactic dictionary, poetic syntax.

E.M. MATVEEV

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg

PROBLEMS OF VOCABULARY FORMATION IN THE DICTIONARY "M.V. LOMONOSOV'S RHETORIC"

The article is devoted to the problems of vocabulary formation, which have arisen in the course of work on the dictionary "M.V. Lomonosov's Rhetoric". The criteria for selecting rhetorical terms in the main source of the dictionary — "A Brief Guide to Eloquence" are described.

Key words: rhetoric, M.V. Lomonosov, dictionary, terminology, vocabulary.

A.S. SMIRNOVA

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

POLYSEMY OF RUSSIAN AND LATIN LEXICON AND ITS PRESENTATION IN THE "DICTIONARY OF M.V. LOMONOSOV'S LANGUAGE"

The article deals with polysemy using the example of the polysemic adjective *prostoi* 'simple' and its Latin equivalents, found in the corpus of M.V. Lomonosov's texts. Comparison of the peculiarities of the semantic structure of the word *prostoi* with Latin equivalents shows that 1) in Lomonosov's language, the semantic structure of the Russian adjective as a whole corresponds to the structure of the meaning of the Latin *simplex*; 2) the representation in the dictionary entry of all foreign-language equivalents contributes to the correct interpretation of Lomonosov's Russian texts.

Key words: polysemy, Russian language, Latin language, Lomonosov, dictionary entry.

A.A. KHUSNUTDINOV

Ivanovo State University, Ivanovo

"DICTIONARY OF A.N. OSTROVSKY'S LANGUAGE"

PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article considers features of the content and construction of the "Dictionary of A.N. Ostrovsky's Language", the principles of selection and presentation of linguistic material in it, as well as ways and methods of its lexicographical development. It is shown that the individuality of this dictionary among other author dictionaries is determined by the originality of the creative heritage of the Russian playwright and the desire of compilers to show A.N. Ostrovsky's lexicon to the user of today in the form in which it is presented in the writer's texts.

Key words: Russian language, Russian lexicography, author dictionary, dictionary of the writer's language, A.N. Ostrovsky.

V.V. NIKUL'TSEVA
Moscow University of Finance and Law (MFYUA), Moscow

OCCASIONAL HOMONYMS IN THE NEO-LEXICON OF E. EVTUSHENKO

The article analyzes the problem of representing poetic neologisms in the lexicographical work of R. Yu. Namitokova and I.A. Neflyasheva "The Poet's Words. An Experimental Dictionary of Evgeny Evtushenko's Author Innovations" (2009). It is shown on the basis of the neo-lexicon of the well-known Soviet-Russian poet that when compiling dictionaries of author neologisms, researchers do not pay due attention to the selection of occasional vocabulary and the recognition of the word as primary or secondary neologism in the writer's language.

Key words: author lexicography, author dictionaries, poetic text, author neologism, neo-lexicon, language of the XIX–XXI centuries poetry.

SECTION 2

NEW AUTHOR DICTIONARIES AND LEXICOGRAPHIC PROJECTS

O.M. KARPOVA
Ivanovo State University, Ivanovo

NEW GENERATION ENCYCLOPEDIC SHAKESPEARE'S DICTIONARIES

The article describes modern encyclopedic Shakespeare's dictionaries created at the request of the user. The principles of building new generation Shakespeare's encyclopedias, guidebooks, dictionaries of Shakespeare's quotations are considered.

Key words: Shakespeare, lexicography, encyclopedia, guide, quotation, user.

S.S. VOLKOV, N.V. KAREVA

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

SOURCES OF THE DICTIONARY "M.V. LOMONOSOV'S GRAMMAR"

The article is devoted to the project of the dictionary "M.V. Lomonosov's Grammar" the aims of which will be: study of the interaction of various linguistic elements in the formation of the Russian grammatical terminology in the XVIII century; presentation of the dynamics of terms and the evolution of the grammatical description metalanguage in diachrony; reflection of Lomonosov's contribution to the formation and normalization of the Russian grammatical terminology. The description of the term in the dictionary will consist of two parts: 1) the actual dictionary entry and 2) "Diachronic context" section including examples from representative texts of the XVII–XVIII centuries; the sources of this section are described, the choice of publications is justified.

Key words: M.V. Lomonosov, XVIII century, grammar, terminology, lexicography.

A.K. FILIPPOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg

TRANSLATION OF THE "LIVONIAN ECONOMY" BY M.V. LOMONOSOV AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

The article discusses the problems of representation in the author dictionary of the language material of the "Livonian Economy" — the manual on agriculture translated by M.V. Lomonosov from German. This work expands the vocabulary and a list of examples of the "Dictionary of M.V. Lomonosov's Language" at the expense of both special and common language lexicon, as well as dialectal words denoting the realities of life in rural areas and related to farming. The existing format for representing translated lexicon in the "Dictionary of M.V. Lomonosov's Language" which suggests giving parallel contexts in German for examples from the "Livonian Economy" can be improved by pointing out the link of the lexeme from Lomonosov's translation with one or another word or expression from the German original (where possible).

Key words: XVIII century, Lomonosov, translation, Russian language, German language, special text.

N.L. VASIL'EV

National Research N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

D.N. ZHATKIN

Russian State Social University, Moscow

ABOUT THE PROJECT OF THE "DICTIONARY OF V.A. ZHUKOVSKY'S POETIC LANGUAGE"

The article considers results of the dictionary reflection of the language of the most prominent poets of the past in the aspect of author lexicography. Significance of the "Dictionary of V.A. Zhukovsky's Poetic Language" is substantiated.

Key words: dictionaries of poets' language, lexemes, phraseological units, onyms, V.A. Zhukovsky.

G.I. SHIPULINA

Baku Slavic University, Baku

ON THE CONCEPT OF THE "DICTIONARY OF LERMONTOV'S LANGUAGE. *HERO OF OUR TIME*"

The article describes the general concept of the dictionary of the language of M. Yu. Lermontov's novel "Hero of Our Time". This is a comprehensive author dictionary representing a multi-parameter description of the lexicon of the novel. The central part of each dictionary entry is the definition of the meaning (meanings) of the word. The final part of the dictionary contains seven applications in the form of functionally different glossaries.

Key words: Lermontov, "Hero of Our Time", author dictionary, dictionary concept.

M.L. ALEKSEEVA

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg
Institute of Foreign Languages

NEW PROJECTS OF AUTHOR DICTIONARIES

DIACHRONIC TRANSLATION DICTIONARIES OF THE WRITERS' LANGUAGE

The article is devoted to the description of the basic principles of constructing the new type author dictionary — the diachronic translation dictionary of the writer's language. This project was implemented in the development of Russian-German diachronic reference dictionaries of realia in F.M. Dostoevsky's novels in printed and electronic formats.

Key words: bilingual writer's dictionary, F.M. Dostoevsky, diachrony, realia.

YU. V. ARKHANGELSKAYA

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University, Tula

REFLECTION OF THE CREATIVITY OF THE LANGUAGE AND SPEECH PERSONALITY OF L.N. TOLSTOY IN A NEW TYPE DICTIONARY

The article presents the author's work published in 2016: "Leo Tolstoy in Language and Speech: A Dictionary of Innovations (Lexicon, Phraseology, Aphoristics)". The peculiarity of the Dictionary is that all collected L.N. Tolstoy's neologisms are distributed in it in four sections: the first section contains intimate (family) innovations of the writer the scope of use of which was limited to the family and close family circle; the second section presents common words and expressions the authorship of which belongs to Tolstoy; the third section includes fixed expressions in which the ideas of Russian speakers about the personality of L.N. Tolstoy are reflected (that is, not Tolstoy's expressions, but words and phrases about Tolstoy, he only stimulated their emergence as an outstanding personality); and the fourth section contains selected aphorisms of the writer both from the books he collected himself and from his diaries and letters. Thus, the Dictionary shows innovative possibilities of L.N. Tolstoy's language personality from different sides.

Key words: creative language personality, individual author's innovations, intimate and common neologisms, L.N. Tolstoy.

D.A. ROMANOV

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University, Tula

THE PROBLEMS OF COMPILATION OF A MODERN EDUCATIONAL DICTIONARY TO THE LITERARY TEXT OF THE XIX CENTURY

(BASED ON THE MATERIAL OF L.N. TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE")

The article is devoted to the problem of vocabulary formation of the author explanatory educational dictionary. An attempt was made to define classes of lexemes, potentially incomprehensible to the modern reader in the text of the XIX century. A variant of differentiation of the labels marking the reasons of occurrence of "dark" semantic zones is offered.

Key words: agnonym, historism, archaism, dialect lexicon, special lexicon, low-frequency lexicon.

V.S. ELISTRATOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow

THE "DICTIONARY OF N.S. LESKOV'S LANGUAGE"

A MESSAGE TO THE XXI CENTURY

The "Dictionary of N.S. Leskov's Language" allows to solve several problems, first of all — to better understand the writer's creative work and extrapolate the "eidetics" of his idiostyle to the present day. Works of the writer and his idiostyle become especially relevant in the XXI century.

Key words: national language, national idea, N.S. Leskov's idiostyle, "leskovism".

N.T. TARUMOVA

Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University, Moscow

E.V. NASEDKINA

Memorial apartment of Andrei Bely
(a branch of A.S. Pushkin State Museum), Moscow

BUGAEVA K.N. "A DICTIONARY OF ANDREI BELY'S LANGUAGE" ARCHIVAL MATERIALS

The language of Andrei Bely has always attracted researchers, its features were studied in the works of such scientists as N.A. Kozhevnikova, A.V. Lavrov, Yu. M. Lotman, B.V. Tomashevsky et al. At the origins of the study of this topic was the widow of Andrei Bely, Klavdiya Nikolaevna Bugaeva (1889–1970), who considered her main task to compile a dictionary of Bely's language and to preserve the writer's creative materials. Particular attention in the article is paid to archival documents presented in manuscript departments of the Russian National Library in St. Petersburg (RNL) and the Russian State Library in Moscow (RSL). Their analysis allows to conclude that the materials of K.D. Bugaeva to the "Dictionary of Andrei Bely's language" deserve the highest appreciation and scientific study.

Key words: language, culture, creative heritage, Andrei Bely, archival materials, authentic publication.

I.A. TARASOVA

Saratov National Research University named
after N.G. Chernyshevsky, Saratov

TOWARDS THE PROBLEM OF GEORGY IVANOV'S DICTIONARY OF NEOLOGISMS

The article is devoted to the project of the dictionary of neologisms of G. Ivanov whose idiostyle is distinguished by "implicit neology". About 60 neolexemes of G. Ivanov belong to the group of potential words, the number of occasional words is small. The article discusses possible ways of material arrangement, zone of a dictionary entry, dictionary labels.

Key words: implicit neology, neologism, occasionalism, dictionary of neologisms.

L.G. SAMOTIK

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, Krasnoyarsk

ABOUT THE ENCYCLOPEDIC REFERENCE DICTIONARY "ALL V.P. ASTAF'EV'S WORKS (1951–1969)"

The article presents the encyclopedic reference dictionary published in Krasnoyarsk, which includes information about V.P. Astafiev's writings of his first period of work, about publishing houses and publications where he was published, some review articles and problem articles, as well as a corrected and expanded chronology of his life and work. The dictionary is dedicated to the forthcoming 95th anniversary of V.P. Astaf'ev (2019).

Key words: macrostructure of the dictionary, microstructure of the dictionary, canonical edition.

M.A. BOBUNOVA

Kursk State University, Kursk

REGIONAL AUTHOR LEXICOGRAPHY
FIRST EXPERIENCE AND PERSPECTIVES

The article discusses preparation of lexicographic materials for creation of writers' dictionaries within the framework of the "Kursk Word" project. The available lexicographic experience is described, prospects for further work are outlined.

Key words: lexicography, author dictionary, philological regionalistics.

I.A. SAMOILOVA

Institute of the Ukrainian Language
of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev

A DICTIONARY OF I.M. DZYUBA'S NEOLOGISMS IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF UKRAINIAN AUTHOR LEXICOGRAPHY

The article gives a brief overview of the dictionaries of the language of workers of Ukrainian literature and culture. Particular attention is paid to the peculiarities of compiling a dictionary of individual author's neologisms of I.M. Dzyuba, a publicist and literary critic.

Key words: author lexicography, differential dictionary, dictionary entry, I.M. Dzyuba's linguistic personality.

SECTION 3

BASED ON THE MATERIALS OF AUTHOR DICTIONARIES

O.E. IVANOVA

V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

"DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF POETRY" AND ITS IMPLEMENTATION IN THE FORM OF A RETRIEVAL SYSTEM

The article presents the structure of the working model of the information retrieval system "The Imagery of the Russian Lyrics" and the possibilities which it provides to the user. The model makes it possible to carry out a multi-dimensional search, collection and preservation for study of materials of the dictionary of the language of poetry, on the basis of which this system was created.

Key words: dictionary of the language of poetry, information retrieval system, poetic nomination, figurative word, figurative paradigm.

Z. YU. PETROVA, N.A. REBETSKAYA, N.A. FATEEVA
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

THE PROJECT OF THE INFORMATION RETRIEVAL SYSTEM BASED ON THE "DICTIONARY OF METAPHORS AND SIMILES OF THE XIX–XXI CENTURIES RUSSIAN LITERATURE"

The article is devoted to the project of the information retrieval system of comparative tropes based on the "Materials to the Dictionary of Metaphors and Similes of the XIX–XX Centuries Russian Literature". The innovative information retrieval system will allow to solve the problem of multidimensional search and structuring of information about comparative tropes in the Russian literature, to create a common platform for further automated search in other lexicographic materials.

Key words: information retrieval system, database, dictionary, metaphor, simile.

M.M. KOROBOVA
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

THE WORD WHICH IS ABSENT IN THE DICTIONARY

(CONCERNING THE HISTORY OF THE WORD "OBSHCHECHELOVEK")

The publication offers materials for the history of the word *obshchechelovek* in the Russian language and notes the role of author lexicography in the replenishment of our knowledge about a particular word. The appendix contains a dictionary entry for the word *obshchechelovek* from the Dictionary of Dostoevsky's Language (Idioglossary).

Key words: author lexicography, Dostoevsky, obshchechelovek, history of the Russian literary language.

L.L. SHESTAKOVA, A.S. KULEVA
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ON THE EXPERIENCE OF WORK ON THE SEVENTH VOLUME OF THE "DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF XXTH CENTURY RUSSIAN POETRY"

When working on the "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry" with each volume prepared, more and more attention is paid to the linguistic aspect. The zone of meaning is filled for the words that are incomprehensible or obscure to the modern native speaker: obsolete, regional, special, foreign, etc. New words and words that are easy to be mistakenly understood as author's word creation, as well as homonyms, derived words and proper names require special attention. The article analyzes the material of the 7th volume (Raduga — Smokovnitsa. Moscow, 2017, more than 5 thousand articles).

Key words: author lexicography, concordance, dictionary entry, linguistic poetics, language of poetry.

A.V. GIK
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

LOVE AND FRIENDSHIP. HUMAN FEELINGS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

(BASED ON THE MATERIALS OF THE "DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF XXTH CENTURY RUSSIAN POETRY")

The article describes and compares the words *friendship* and *love* basing on the materials of the "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry" and the Russian National Corpus. The results of the analysis of the main corpus and poetry corpus of the RNC testify to the gradual decrease in the frequency of the lexeme *love* and the increase in the use of the lexeme *friendship* during the period under study. The data of the "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry", on the other hand, show a steady in-

terest of authors whose works have become the material of a dictionary, to the expresseme *love* that characterizes the poetic world as traditional and stable in its basic units.

Key words: author lexicography, dictionary of poetic language, lexeme, dictionary entry, poetics.

O.I. SEVERSKAYA

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow

PARONYMIC "FORMULAS" IN DICTIONARIES OF POETIC LANGUAGE AND IDIOLECTS OF POETS OF THE XX–XXI CENTURIES

The article considers stable, "formulaic" combinations of paronyms both in the system of poetic language in general and in idiolects using paronymic attraction as a means of structuring the poetic world. Particular attention is drawn to the field structure of paronymy. Using the example of stable paradigms *dom — dym — duma* / *dumat'* and *gora — gorod — doroga* it is shown how the movement is carried out from the individual to the universal and back. The author focuses on the ways of presenting information on such paradigms in consolidated dictionaries, taking into account individual author's innovations.

Key words: paronymy, paronymic attraction, poetic language, idiolect, author lexicography.

A.M. NADEZHKIN

Independent researcher, Nizhny Novgorod

ON THE EXPERIENCE OF CREATING AND USING THE "DICTIONARY OF ROOT REPETITIONS IN THE LITERARY TEXTS OF M.I. TSVETAEVA"

The article presents the experience of creating the "Dictionary of Root Repetitions in the Literary Texts of M.I. Tsvetaeva". The dictionary is compiled by the continuous sampling method, contains 504 rows of root repetitions; the rows are organized according to the alphabet-root principle. Based on the materials of the Dictionary, the characteristics of root repetitions in

M.I. Tsvetaeva's works are studied in terms of their internal arrangement and dimension and location relative to each other.

Key words: Marina Tsvetaeva, author lexicography, author dictionary, root repetition.

E.V. MAKEEVA

Moscow State Pedagogical University, Moscow

DICTIONARIES OF THE WRITERS' LANGUAGE IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN LITERATURE TO FOREIGN STUDENTS

FROM WORK EXPERIENCE

The article summarizes the experience of using dictionaries of the writers' language in the work with foreign students; variants of tasks are offered; the most important problems of using these dictionaries are indicated.

Key words: writers' language, author lexicography, foreign students.

CONTENTS

EDITOR'S NOTE…….....……. **7**

SECTION 1

DISCUSSION PROBLEMS
OF AUTHOR LEXICOGRAPHY

A.N. BARANOV, D O. DOBROVOLSKY (Moscow)
Dostoevsky's phraseology: parameters
of lexicographical description……..... 11

N.V. KOZLOVSKAYA (St. Petersburg)
Philosophical term as the object of author lexicography
(based on the works of N.F. Fedorov)…….…... 19

O.A. DAVYDOVA (Moscow)
The reference as an important component
of the author dictionary structure……..... 28

I.V. RUZHITSKY (Moscow)
On the "non-linguistic" nature of the "idiogloss" concept…….…… 35

V.K. SHCHERBIN (Minsk)
Mentality category as an object of study of comparative
author lexicography…….……... 42

N.A. AFANASYEVA (St. Petersburg)
"Dictionary of Traditional Poetic Images: XI–XV Centuries".
Principles of organization and potential for use…….…… 49

N.V. PATROEVA (Petrozavodsk)
Syntactic dictionary of the Russian poetry from Kantemir
to Lermontov: theoretical and methodological problems
of creation and some results……..….. 57

E.M. MATVEEV (St. Petersburg)
Problems of vocabulary formation in the dictionary
"M.V. Lomonosov's Rhetoric"…….…….…… 65

A.S. SMIRNOVA (St. Petersburg)
Polysemy of Russian and Latin lexicon and its presentation
in the "Dictionary of M.V. Lomonosov's Language"...…….…… 74

A.A. KHUSNUTDINOV (Ivanovo)
"Dictionary of A.N. Ostrovsky's Language": problems and solutions... 82

V.V. NIKUL'TSEVA (Moscow)
Occasional homonyms in the neo-lexicon of E. Evtushenko……. 91

SECTION 2

NEW AUTHOR DICTIONARIES AND LEXICOGRAPHIC PROJECTS

O.M. KARPOVA (Ivanovo)
New generation encyclopedic Shakespeare's dictionaries…….. 99

S.S. VOLKOV, N.V. KAREVA (St. Petersburg)
Sources of the dictionary "M.V. Lomonosov's Grammar"…… 106

A.K. FILIPPOV (St. Petersburg)
Translation of the "Livonian Economy" by M.V. Lomonosov as an object of lexicographical description……. 118

N.L. VASIL'EV (Saransk), D.N. ZHATKIN (Moscow)
About the project of the "Dictionary of V.A. Zhukovsky's Poetic Language"…….. 126

G.I. SHIPULINA (Baku)
On the concept of the "Dictionary of Lermontov's Language. *Hero of Our Time*"..... 135

M.L. ALEKSEEVA (Ekaterinburg)
New projects of author dictionaries: diachronic translation dictionaries of the writers' language..... 141

YU. V. ARKHANGELSKAYA (Tula)
Reflection of the creativity of the language and speech personality of L.N. Tolstoy in a new type dictionary..... 151

D.A. ROMANOV (Tula)
The problems of compilation of a modern educational dictionary to the literary text of the XIX century (based on the material of L.N. Tolstoy's novel "War and Peace")..... 157

V.S. ELISTRATOV (Moscow)
The "Dictionary of N.S. Leskov's Language": a message to the XXI century..... 166

N.T. TARUMOVA, E.V. NASEDKINA (Moscow)
Bugaeva K.N. "A Dictionary of Andrei Bely's Language": archival materials..... 174

I.A. TARASOVA (Saratov)
Towards the problem of Georgy Ivanov's dictionary of neologisms..... 181

L.G. SAMOTIK (Krasnoyarsk)
About the encyclopedic reference dictionary "All V.P. Astaf'ev's works (1951–1969)"..... 187

M.A. BOBUNOVA (Kursk)
Regional author lexicography: first experience and perspectives..... 195

I.A. SAMOILOVA (Kiev)
A dictionary of I.M. Dzyuba's neologisms in connection with the development of Ukrainian author lexicography..... 202

SECTION 3

BASED ON THE MATERIALS OF AUTHOR DICTIONARIES

O.E. IVANOVA (Moscow)
"Dictionary of the language of poetry" and its implementation in the form of a retrieval system..... 213

Z. YU. PETROVA, N.A. REBETSKAYA, N.A. FATEEVA (Moscow)
The project of the information retrieval system based on the "Dictionary of Metaphors and Similes of the XIX–XXI Centuries Russian Literature"..... 222

M.M. KOROBOVA (Moscow)
The word which is absent in the dictionary (concerning the history of the word "obshchechelovek")..... 238

L.L. SHESTAKOVA, A.S. KULEVA (Moscow)
On the experience of work on the seventh volume of the "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry". 247

A.V. GIK (Moscow)
Love and friendship. Human feelings of the beginning of the XX century (based on the materials of the "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry")..... 258

O.I. SEVERSKAYA (Moscow)
Paronymic "formulas" in dictionaries of poetic language and idiolects of poets of the XX–XXI centuries..... 268

A.M. NADEZHKIN (Nizhny Novgorod)
On the experience of creating and using the "Dictionary of Root Repetitions in the Literary Texts of M.I. Tsvetaeva"..... 280

E.V. MAKEEVA (Moscow)
Dictionaries of the writers' language in the practice of teaching Russian language and Russian literature to foreign students: from work experience..... 291

ABSTRACTS……..... 300

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

•

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Л.Л. ШЕСТАКОВОЙ

Утверждено к печати Учёным советом
Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *П.М. Булле*

Подписано к печати 01.12.2018
Формат 60x90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 25. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-39-6